PA 6402
.R9 S3
1858

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PA6402
Book .S5S34
1858
YUDIN COLLECTION

UDIN
PA
402
S5
S34
1858
A. 8.
1/52
2436
4445

САТИРЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

СЪ ЛАТИНСКАГО

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитріева

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

МОСКВА.
1858.

САТИРЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

Horace.

САТИРЫ

Horatius Flaccus

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

СЪ ЛАТИНСКАГО

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитріева

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

Non ego ventosae plebis suffragia venor.

Horat. (Lib. 1 Ep. 19).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1858.

PAM02
.R9 S3
1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 13 Октября 1857 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Рѣшаясь печатать мой переводъ Сатиръ Горація, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о моемъ переводѣ; но прежде всего считаю не лишнимъ представить мои понятія о переводѣ древнихъ вообще.

Искуство переводить древнихъ, особенно поэтовъ, представляетъ, по моему мнѣнію, понятіе весьма многосложное. Обыкновенно думаютъ: одни, что довольно литеральной точности; другіе, что довольно красивой передачи оригинала.—Первымъ довольствуются по бо̀льшей части Нѣмцы; вторымъ Французы. Но и эти два понятія, весьма неполныя, рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же переводѣ. Такимъ образомъ иной точный переводъ, напримѣръ трагедіи Софокла, и иные красивые переводы одъ Горація, составля́ютъ двѣ крайности, которыя не сходятся между собою, и изъ которыхъ ни та, ни другая, не могутъ, думаю, удовлетворить того, кто читаетъ этихъ поэтовъ въ оригиналѣ!—Причина самая простая: ни тяжелымъ топоромъ, ни на легкомъ токарномъ станкѣ, не изваять копіи съ древняго бюста!

И потому, переводить древнихъ, думаю я, какъ сказалъ уже, есть задача многосложная и требующая борьбы съ оригиналомъ на всѣхъ пунктахъ, а не съ одной той стороны, которая кажется доступнѣе переводчику и болѣе ему по силамъ. Что же для этого нужно?

1. *Литеральная близость.* Но подъ нею скрывается еще точность мысли. Часто одна совершенно уничтожаетъ другую. Требуется согласить ихъ; а это — дѣло не одного знанія языковъ: это — дѣло глубокаго изученія ихъ свойствъ, особаго изученія переводимаго автора, и, смѣю сказать, изученіе собственныхъ силъ переводчика.

2. *Точность мысли и выраженія.* Здѣсь не можетъ быть и слова о тѣхъ мысляхъ и выраженіяхъ, которыя передаются легко и свободно, какъ принадлежащія и тому и другому народу, и тому и другому языку, но есть мысли, не поддающіяся нашимъ новѣйшимъ понятіямъ, мысли, которыя объясняются только жизнію, философіею, религіею древнихъ, и происходящимъ отъ того ихъ образомъ жизни вообще; есть такія, которыя совершенно темны, безъ познанія ихъ обычаевъ, или такія, которыя объясняются мѣстностію, частностями, примѣненіями, утратившими для насъ свой смыслъ, свое значеніе. Есть выраженія, которыя не покаряются никакому искуству, или по причинѣ ихъ сжатости, или по причинѣ ихъ поговорочнаго характера, или по различію языковъ, или наконецъ по различію искуства древнихъ и новыхъ. — Какъ побѣдить это? — Въ семъ случаѣ никакъ не помогаетъ знаніе языковъ; мало помогаютъ и комментаторы, которые объясняютъ затрудненіе, но не даютъ средства побѣдить его: одно прибѣжище — къ художественному чувству, ежели оно есть у переводчика.

3. Мысль автора должна быть выражена такъ, чтобъ читатель перевода не только понималъ бы ея смыслъ, но ощущалъ бы, при чтеніи ея, тоже, что̀ читатель оригинала. Пере-

водчикъ, который понимаетъ ее хотя и вполнѣ, но только *наружно*, только грамматически, никогда не пойметъ ея точно. Нѣтъ! нужно понимать ее еще *внутренно*, т. е. ея жизнь и точное ея протяженіе: далеко ли мѣтилъ авторъ, и на что онъ мѣтилъ, хотѣлъ ли остановить на ней вниманіе, или сказалъ ее вскользь, мимоходомъ. Отъ этаго зависитъ не только вѣрность и колоритъ отдѣльнаго выраженія, но точность и колоритъ всего перевода.

4. Нужно *соблюденіе тона произведенія вообще*, и еще въ особенности *тона автора*.—Можно, пожалуй, произведеніе элегическое передать тономъ эпической поэмы; сохранить и мысли и выраженія все тѣже, но поднять тономъ выше, важнѣе. Можно перевести Горація тономъ метаморфозъ Овидія: мысли автора узнаешь; но въ нихъ не узнаешь Горація. Можно передать его оды, хотя съ тою же высотою, которая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ составляетъ главный ихъ характеръ, но не соблюсти при томъ той легкости и свободы выраженія, которыя у него никогда не мѣшаютъ важности главнаго тона. Можно перевести нѣкоторыя его оды тономъ пѣсни, что и дѣлали иногда французскіе переводчики, передавая не только мысли, но и выраженія поэта, довольно близко; но это будетъ не Горацій. Трудно, и можетъ быть всего труднѣе, попасть на тонъ автора, особенно поэта!

5. Красивость, легкость и точность языка, по общему признанію, вообще принадлежатъ древнимъ. Безъ этихъ качествъ они конечно не пережили бы тысячелѣтій, и не сохранили бы той свѣжести, которая отличаетъ ихъ отъ новѣйшихъ. Слѣдовательно красота, легкость и точность языка суть необходимыя условія перевода. Читая нѣкоторые рускіе переводы древнихъ, невольно подумаешь: за что же такъ превозносятъ Пиндара, Софокла и другихъ, если они писали такимъ топорнымъ и черствымъ языкомъ, какой представляютъ намъ ихъ перевод-

чики ! И мудрено ли, что Фаонъ убѣжалъ отъ пламенной Сафо, если она объяснялась съ нимъ надутымъ языкомъ семинариста ! — Не знаю близокъ ли переводъ Одиссеи Жуковскаго; но знаю, что при чтеніи его какое-то внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что я наслаждаюсь чтеніемъ Гомера: ибо отъ его Одиссеи вѣетъ свѣжестію первобытныхъ нравовъ человѣка, юностію и простотою, хотя и грубою, но неиспорченною обдуманнымъ порокомъ !—Что же, послѣ этаго одна буквальная и грамматическая близость !

6. Переводчику древнихъ надобно перенестись совершенно въ древность, и сверхъ того понять ея отношеніе къ новѣйшему времени. Это понимается не одной наукой, не однимъ изученіемъ древности: но и тактомъ, необъяснимымъ для того, кто его не имѣетъ; но и тѣмъ художественнымъ инстинктомъ, безъ котораго не можетъ быть художественнаго перевода.

7. А сколько нужно, такъ сказать, матеріальныхъ свѣденій о древности, но свѣденій не мертвыхъ, заключающихся не въ номенклатурѣ, или не отдѣльно стоящихъ одно отъ другаго ; а слитыхъ въ одно цѣлое, и сроднившихся со всѣми понятіями переводчика !

Вотъ понятія, которыя я имѣю о переводѣ древняго поэта. Все это ведетъ къ общему понятію о художничествѣ перевода, до коего нельзя достичь ни знаніемъ, ни трудомъ, безъ эстетическаго чувства, которое дается одною природою, но которое требуетъ долговременнаго эстетическаго образованія !

Послѣ этаго сознанія моихъ понятій вообще о переводѣ древнихъ, я боюсь, не осуждаю ли я ими моего собственнаго перевода. — Объ этомъ пусть судятъ сами читатели и знатоки Горація. Но я почитаю нужнымъ сказать нѣчто о самихъ сатирахъ Горація, а потомъ и о моемъ переводѣ.

Понимая ихъ буквально, часто не разумѣешь смысла поэта. Для этаго-то необходимы объясненія, которыя я представляю

здѣсь въ видѣ примѣчаній, и къ которымъ прошу читателя обращаться всякой разъ, когда ему покажется непонятнымъ, или даже страннымъ, буквальный смыслъ сатиры. Другія примѣчанія служатъ, такъ сказать, только къ матеріальному объясненію; но и они нужны для незнакомыхъ съ древностію.

Почти двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ Горація. Если и теперь, при нынѣшнемъ удобствѣ сообщеній; при нынѣшнемъ, такъ сказать, наглядномъ знакомствѣ народовъ; при болтливомъ книгопечатаніи, открывающимъ всю подноготную, и въ политикѣ, и въ торговлѣ, и въ жизни, и въ обычаяхъ — мы все еще не вполнѣ понимаемъ обычаи и образъ мыслей другихъ народовъ, намъ современныхъ: то каково же затрудненіе сродниться съ этими обычаями и образомъ мыслей, когда дѣло идетъ о народѣ, отдѣленномъ отъ насъ двумя тысячелѣтіями?

Вотъ въ чемъ состоитъ трудность понять и усвоить себѣ мысль и выраженіе древняго, особенно въ сатирахъ Горація. Ода все-таки понимается легче: въ ней чувство, или мысль, общія человѣческія; а если и народныя, то свойственныя всякому народу. Но сатира есть зеркало своего времени и народа. Время это прошло невозвратно; а въ чудномъ зеркалѣ остается одно отраженіе народа!

За то, кто вникнетъ въ эти сатиры, тотъ увидитъ отчасти живой народъ, еще движущійся передъ его глазами, со всѣми мелкими чертами его жизни, которыхъ не передаетъ намъ важная исторія. Вотъ достоинство сатиръ Горація, уже не поэтическое, а историческое!

Намъ натолковали съ дѣтства о величіи римскаго народа. Народъ римской былъ великъ войнами, законодательствомъ и дѣйствіями политики; но не жизнію. Сперва грубая сила; потомъ развратъ: вотъ исторія его жизни.—Онъ также представляется нашему воображенію въ какомъ-то величественномъ размѣрѣ, какъ доселѣ представлялась намъ Англія. Но, разсмотрѣвши

ближе, въ нынѣшнюю войну, индивидуальность характера этаго народа, мы увидѣли въ немъ всю мелочь личной корысти, низости и гордости; все безсиліе, скрывавшееся подъ личиною могущества; всѣ домашніе дрязги подъ наружностію благородства и силы! Римъ вѣка Августова, при воспоминаніи людей прежняго времени, представляется намъ въ сатирахъ Горація тоже разоблаченный отъ своего фальшиваго величія! Вѣкъ Августа почитаемъ мы апогеей римскаго народа: онъ обладалъ міромъ и даровалъ ему миръ; что можетъ быть выше этаго! Но червь разврата, корысти, лихоимства ростовщиковъ, обжорства, роскоши, мелочей жизни, поклонничества, рабства, софистическихъ ученій, догрызаетъ въ это время римскую имперію! Клавдій и Геліогабалъ уже зараждаются въ духѣ народа! Грѣшный Римъ умираетъ, какъ разслабленный сластолюбецъ на ложѣ покрытомъ пурпуромъ; какъ корыстолюбецъ, окруженный своими корыстями, которые вскорѣ пойдутъ на вѣтеръ! — Все это мы, или видимъ, или предчувствуемъ, въ сатирахъ Горація! — Онѣ, въ этомъ отношеніи, стоютъ изученія, какъ дополненіе римской исторіи!

Но чтобъ объяснить въ нихъ все, что казалось мнѣ нужнымъ, дабы понимать Горація почти какъ современника: для этаго нужно мнѣ было вопервыхъ самому изучить его; вовторыхъ, передать все это читателямъ въ моихъ примѣчаніяхъ. Кто знаетъ нашу литературу и наши пособія, тотъ легко поймете, какого стоило мнѣ это труда. Я пользовался десятью объяснителями; но всѣ они были новѣйшіе: только посредствомъ ихъ, и чрезъ ихъ цитаты, были доступны мнѣ объясненія схоліастовъ и вообще древнѣйшихъ комментаторовъ. Что же дѣлать! Признаюсь, и предлагаю что могу. Одно, о чемъ я чрезвычайно заботился: это о сводѣ ихъ разнорѣчій и о выборѣ правдоподобнѣйшихъ мнѣній, когда они разногласили между собою.

Эти примѣчанія, приложенныя къ концу каждой сатиры, служатъ къ объясненію: именъ собственныхъ, лицъ и ихъ отношеній, географическихъ и топографическихъ мѣстъ, обычаевъ, одежды, яствъ, поговорокъ, намековъ, нѣкоторыхъ постановленій и законовъ римскихъ, нѣкоторыхъ выраженій Горація, и наконецъ, гдѣ это казалось нужнымъ, содержатъ изложеніе различныхъ мнѣній его объяснителей.

Касательно моихъ примѣчаній, которыя могутъ показаться слишкомъ подробными и обширными, скажу, что я имѣлъ въ виду именно *русскихъ* читателей, изъ которыхъ многимъ недостаетъ самыхъ первоначальныхъ свѣденій о Горацiѣ, о Римской литературѣ, о Римѣ. — И для этаго — по французской поговоркѣ — я почиталъ нужнымъ иногда mettre les points sur les i. — Есть примѣчанія, назначаемыя для ученыхъ; есть другія для учащихся; мои — для всякаго, кто только слыхалъ о Горацiѣ. Но тѣмъ не менѣе я думаю, что они могутъ быть небезполезны и для молодыхъ людей, изучающихъ Горація въ подлинникѣ; ибо я извлекалъ самонужнѣйшее — изъ многихъ объяснителей, сравнивалъ ихъ мнѣнія, оцѣнивалъ ихъ основанія, и избиралъ то, что казалось мнѣ достовѣрнѣйшимъ изъ многихъ различныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ мнѣній. Такимъ образомъ, не присвоивая моимъ объясненіямъ характера ученыхъ изслѣдованій, я могу однако сказать по всей справедливости, что не многіе иностранные переводы сатиръ Горація представляютъ въ совокупности такую *полноту* объясненія, хотя у нѣкоторыхъ переводчиковъ и объяснителей, напр. у Дасье и Санадона, у Нича и Габерфельда, и у другихъ, истолкованъ *каждый стихъ*, и примѣчанія гораздо обширнѣе моихъ.

Самое то, что я не принадлежу къ числу ученыхъ, érudits, послужило мнѣ можетъ быть въ пользу, тѣмъ, что я не бралъ на себя права выставлять новыя, свои, иногда произвольныя и довольно странныя догадки и толкованія, тамъ, гдѣ я нахо-

дилъ вѣрными чужія объясненія. — Примѣръ ученаго Бентлея казался мнѣ весьма опаснымъ; да онъ былъ для меня и невозможнымъ.

Не говорю уже о томъ, что кромѣ объясненій, находимыхъ мною въ трудахъ другихъ, мои примѣчанія требовали множества отдѣльныхъ пособій и повѣрокъ, какъ-то: указаній на Римскія Древности, свѣденій о законодательствѣ, даже справокъ съ картами древней географіи и планомъ древняго Рима.

Касательно слога моего перевода, я имѣлъ въ виду то, что говоритъ о слогѣ своихъ Сатиръ самъ Горацій. Онъ говоритъ, что пишетъ ихъ слогомъ простымъ, разговорнымъ :

Neque si scribat, uti nos,
Sermoni propiora, putes hunc esse poetam.

(Sat. 4 v. 42.)

И потому я переводилъ ихъ тоже языкомъ, близкимъ къ разговорному; но стараясь, чтобъ онъ не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ простотою. Горацій въ своихъ Сатирахъ конечно простъ въ выраженіи; но эта простота не есть пошлость обыкновенной рѣчи. Я старался соблюсти это и въ переводѣ. Успѣлъ ли въ этомъ, о томъ судить не мое дѣло.

Покрайней мѣрѣ приношу нашей литературѣ полный переводъ Сатиръ Римскаго поэта.

12 дек. 1855.

КНИГА ПЕРВАЯ.

САТИРА ПЕРВАЯ.

ПРОТИВЪ ЛЮБОСТЯЖАНІЯ.

Что за причина тому, Меценатъ, что какую бы долю
Намъ ни послала судьба, и какую-бъ ни выбрали сами,
Рѣдкій доволенъ и всякой завидуетъ долѣ другаго?
«Счастливъ купецъ!» говоритъ отягчаемый лѣтами воинъ, [1]
Чувствуя, съ многихъ трудовъ, у себя какъ разбитые члены!
Еслиже буря бросаетъ корабль, мореходецъ взываетъ:
«Лучше быть воиномъ! что имъ! лишь кинутся въ битву съ врагами,
Часъ не пройдетъ—иль скорая смерть, или радость побѣды!»
Опытный въ правѣ законникъ, слыша чѣмъ свѣтъ, что стучится
Въ двери къ нему довѣритель, хвалитъ удѣлъ земледѣльца!
Житель же сельскій, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный въ городъ, считаетъ однихъ горожанъ за счастливцевъ!
Этихъ примѣровъ такъ много, что ихъ перечесть не успѣлъ бы
Даже и Фабій болтунъ! [2] — И такъ, чтобъ тебѣ не наскучить,
Слушай, къ чему я веду. Пусть бы кто изъ боговъ вдругъ сказалъ имъ:

«Вотъ я! исполню сей часъ все, чего вы желали! — Ты, воинъ,
Будешь купцомъ; ты, ученый дѣлецъ, земледѣльцемъ! — Ступайте,
Роли свои промѣнявъ, ты туда, ты сюда! [3] — Чтожь вы стали?»
Нѣтъ, не хотятъ!—А вѣдь счастье желанное онъ имъ дозволилъ!
Послѣ этаго какъ не надуть и Юпитеру губы! [4]
Какъ же во гнѣвѣ ему не сказать, что впередъ онъ не будетъ
Столь благосклоненъ!—Но полно! я шутку оставлю; не съ тѣмъ я
Началъ, чтобъ мнѣ, какъ забавнику, только смѣшить!—Не мѣшаетъ
Правду сказать, и шутя, какъ привѣтливый школьный учитель
Лакомства дѣтямъ даетъ, чтобы азбукѣ лучше учились; [5]
Но—мы въ сторону шутку: поищемъ чего поважнѣе.

Тотъ, кто ворочаетъ землю тяжелой сохою; и этотъ
Лживый шинкарь, и солдатъ, и морякъ, преплывающій смѣло
Бездны сердитыхъ морей—всѣ труды безъ роптанія сносятъ
Съ тѣмъ, чтобъ запасъ накопивши, подъ старость пожить на покоѣ.
«Такъ—для примѣра они говорятъ—муравей работящій,
Даромъ что малъ, а что сможетъ, ухватитъ и къ кучѣ прибавитъ!
Думаетъ тоже о будущемъ онъ и нужду предвидитъ!»
— Да! но лишь годъ, наступающій вновь, Водолей опечалитъ, [6]
Онъ изъ норы ни на шагъ, наслаждаясь разумно запасомъ,
Собраннымъ прежде; а ты? — А тебя вѣдь ни знойное лѣто,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни желѣзо — не могутъ
Отъ твоихъ барышей оторвать: никакихъ нѣтъ препятствій!
Только и въ мысляхъ одно, чтобы не былъ другой кто богаче!
Чтоже въ томъ пользы тебѣ, что украдкой отъ всѣхъ зарываешь
Въ землю ты кучи сребра, или злата тяжелыя груды?...
«Стоитъ почать—говоришь ты—дойдешь до послѣдняго асса?»
Ну, а ежели ихъ не почать, что за польза отъ кучи?

Пусть у тебя на гумнѣ намолотятъ сто тысячь мѣръ хлѣба;
Твой вѣдь желудокъ не больше вмѣститъ моего: такъ какъ, еслибъ
Ты, межь рабами, сѣть съ хлѣбами несъ на плечахъ—ты однако
Больше другаго, который не несъ, ничего не получишь!
Что же за нужда тому, кто живетъ въ предѣлахъ природы,
Сто ли вспахалъ десятинъ онъ, иль тысячу?—«Такъ! да пріятнѣй
Брать изъ кучи большой!»—Повѣрь, все равно, что изъ малой,
Толькобъ я могъ и изъ малой взять столько же, сколько мнѣ нужно!
Чтожь ты огромныя житницы хвалишь свои? Чѣмъ ихъ хуже
Хлѣбные наши мѣшки?... Ну, такъ еслибъ тебѣ довелася
Нужда въ кувшинѣ воды, иль въ стаканѣ одномъ, ты сказалъ бы:
«Лучше въ большой я рѣкѣ зачерпну, чѣмъ въ источникѣ этомъ!»
Вотъ отъ того и бываетъ съ людьми ненасытными, если
Лишнихъ богатствъ захотятъ, что Авфидъ разъяренной волною [7]
Съ берегомъ вмѣстѣ и ихъ оторветъ и потопитъ въ пучинѣ!
Еслижь кто малаго хочетъ, что нужно, тотъ и не въ тинѣ
Черпаетъ воду себѣ, да и жизни въ волнахъ не погубитъ!
Многіе люди однакожь, влекомые жадностью ложной,
Скажутъ: «богатство не лишнее; насъ по богатству вѣдь цѣнятъ!»
Съ этими что толковать! Пусть ихъ алчность презрѣнная мучитъ!
Такъ, говорятъ, Аѳиняпинъ одинъ, и скупой и богатый,
Рѣчи людскія привыкъ презирать, говоря о гражданахъ:
«Пусть ихъ освищутъ меня; но за то я въ ладоши
Хлопаю дома себѣ, какъ хочу, на сундукъ свой любуясь!»
—Тантало сидѣлъ же по горло въ водѣ; а вода утекала
Дальше и дальше отъ устъ!...[8] но чему ты смѣешься?... Лишь имя
Стоитъ тебѣ измѣнить, не твоя ли исторія это?...
Спишь на мѣшкахъ ты своихъ, навáленныхъ всюду, несчастный,

Ихъ осужденный беречь, какъ святыню; любуешься ими
Точно картиной какой!—А знаешь ли деньгамъ ты цѣну?
Знаешь ли деньги на что?—Чтобъ купить овощей, или хлѣба,
Или бутылку вина, безъ чего обойтись невозможно.
Или приятно тебѣ, полумертвому съ страха, беречь ихъ
Денно и нощно, боясь и воровъ, и пожара, и даже
Собственныхъ въ домѣ рабовъ, чтобъ они, обокравъ, не бѣжали!
Нѣтъ! я желалъ бы—быть благами этаго рода бѣднѣе!
Если когда лихорадки ознобъ ты почувствуешь въ тѣлѣ,
Или другою болѣзнію будешь къ постелѣ прикованъ,
Кто за тобою будетъ ходить и готовить лекарства?...
Кто врача умолять, чтобы спасъ отъ болѣзни и снова
Дѣтямъ, роднымъ возвратилъ?—Ни супруга, ни сынъ—не желаютъ;
А сосѣди твои и знакомые, слуги, служанки,
Всѣ ненавидятъ тебя!—Ты дивишься?—Чему же?—Ты деньги
Въ мірѣ всему предпочелъ, и знаковъ любви ты не стоишь!
Если ты хочешь родныхъ, безъ труда твоего и заботы
Данныхъ природой тебѣ, и друзей удержать за собою:
Тщетно, несчастный, теряешь свой трудъ; какъ осла, не приучишь
Быть послушливымъ уздѣ и скакать по Марсову полю!
Полно копить!—Ты довольно богатъ; не страшна уже бѣдность!
Время тебѣ отдохнуть отъ заботъ; что желалъ, ты имѣешь!
Вспомни Умидія горькій примѣръ; то не длинная повѣсть.
Такъ онъ богатъ былъ, что деньги считалъ уже хлѣбною мѣрой;
Такъ онъ былъ скупъ, что съ рабами носилъ одинакое платье,
И—до послѣдняго дня—разоренья и смерти голодной
Все онъ боялся!—Но вотъ, отпущенная имъ же на волю,
Видно, храбрѣйшая всѣхъ Тиндаридъ, [9] не задумавшись, разомъ

Въ руки топоръ ухвативъ, пополамъ богача раздвоила!
«Чтожь ты совѣтуешь мнѣ?... Неужели, чтобъ жилъ я какъ Меній,[10]
Или какой Номентанъ?» — Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе несходныхъ ни въ чемъ! [11] Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтобъ безумный ты былъ расточитель!
Межь Танаиса и тестя Визельева — есть середина! [12]
Мѣра должна быть во всемъ, и всему наконецъ есть предѣлы,
Дальше и ближе которыхъ не можетъ добра быть на свѣтѣ!
Я возвращаюсь къ тому же, чѣмъ началъ: подобно скупому
Рѣдкій доволенъ судьбою, считая счастливцемъ другаго!
Если коза у сосѣда съ паствы придетъ съ отягченнымъ
Вымемъ—густымъ молокомъ, и отъ этаго съ зависти сохнутъ!
А никто не сравняетъ себя съ бѣднякомъ; все съ богатымъ!
Но вѣдь какъ ни гонись за богатымъ, все встрѣтишь богаче!
Такъ на бѣгу колесницу несутъ быстроногіе кони;
Слѣдомъ возница другой погоняетъ своихъ имъ въ догонку,
Силится ихъ обогнать, презирая далеко отставшихъ!
Отъ того-то мы рѣдко найдемъ, кто сказалъ бы, что прожилъ
Счастливо вѣкъ свой, и кончивъ свой путь, выходилъ бы изъ міра
Точно какъ гость благодарный, насытясь, выходитъ изъ пира. [13]
Но довольно; пора замолчать, чтобы ты не подумалъ,
Будто таблички укралъ у подслѣпаго я, у Криспина! [14]

18 Дек. 1848.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 1.

—

1) Ст. 4. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается въ этомъ стихѣ: gravis annis: такъ я и перевелъ. Въ другихъ: gravis armis. Для тѣхъ, которые принимаютъ послѣднее, можно читать въ переводѣ: «отягченный оружіемъ воинъ.»

2) Ст. 14. Кто былъ этотъ Фабій достовѣрно неизвѣстно. Одинъ безъименный схоліастъ, который часто ссылается на свою, (недошедшую до насъ) книгу: «о именахъ, встрѣчающихся у Горація,» говоритъ, что здѣсь упоминается Фабій Нарбонскій, который былъ приверженцемъ Помпея и написалъ нѣсколько книгъ о сектѣ стоиковъ. Догадка Торренція, будто здѣсь идетъ рѣчь о Фабіѣ Максимѣ, котораго острое слово на счетъ Августа извѣстно изъ Квинтиліана, (кн. 4. 3.) еще менѣе правдоподобна. Могъ ли Горацій, изъ одной угодливости къ Августу, открыто осмѣять одного изъ важнѣйшихъ людей Рима и друга Августова за такую незначительную шутку? Кромѣ того, говоритъ Виландъ, еслибы тутъ разумѣлся самый этотъ Фабій, скорѣе сказалъ бы поэтъ: dicacior, а не loquacior; но онъ именно говоритъ о болтунѣ, а не о шутливомъ острякѣ.

3) Ст. 18. Употребленное здѣсь въ подлинникѣ слово: partes, принято иносказательно. Оно употреблялось у Римлянъ для означенія ролей актеровъ; почему я и перевелъ его словомъ: *роли*.

4) Ст. 20. На латинскомъ: *надуть объ щеки*. Я предпочелъ русское выраженіе: *надуть губы*, которое въ этомъ случаѣ почти выражаетъ для насъ мысль поэта, хотя и не совсѣмъ. *Надуть объ щеки* значитъ у Горація—*сердиться;* но на рус. скомъ языкѣ оно не совсѣмъ имѣетъ тотъ смыслъ. Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ, знатокъ древнихъ языковъ, въ своемъ прозаическомъ переводѣ этой сатиры, употребилъ тоже выраженіе: «*надуть губы*,» хотя оно и не очень благородно для такого лица, какъ Юпитеръ.

5) Ст. 25. Эти стихи нѣсколько напоминаютъ подобное же сравненіе, которое находится у Лукреція. Кн. 1. ст. 936.

Sed veluti pueris absinthia tetra medentes
Cum dare conantur, prius ora, pocula circum
Contingunt mellis dulci, flavoque liquore,
Ut puerorum aetas improvida ludificetur
Labrorum tenus, etc.

А Лукрецію очевидно подражалъ Тассо, въ уподобленіи, столько извѣстномъ:

Cosi all'egro fanciul porgiamo aspersi
Di soavi licor orli del vaso;
Succhi amari, ingannato, in tanto ei beve,
E dall'ingano suo vita riceve.

6) Ст. 34. *Водолей* — знакъ зодіака, въ который вступаетъ солнце въ Генварѣ. Такъ какъ этотъ мѣсяцъ сопровождается въ Италіи дождями, то и приписывали это Водолею.

7) Ст. 57. *Авфидъ*, нынѣ *Ofanto*, рѣка, находящаяся въ Апуліи. Она беретъ свой истокъ въ Апеннинахъ и впадаетъ въ Адріатическое море. Близъ ея береговъ происходила знаменитая битва при Каннахъ.

8) Ст. 69. *Тантал*ъ, сынъ Юпитера и нимфы Плуто. Желая испытать всевѣденіе боговъ, онъ подалъ имъ за ужиномъ члены своего сына Пелопса. Въ наказаніе за такое преступленіе, онъ былъ низверженъ въ тартаръ и осужденъ стоять по колѣни въ водѣ одной адской рѣки, гдѣ, страдая жаждою, не могъ утолить ея; ибо вода удалялась отъ устъ его.

9) Ст. 99. Здѣсь названы Тиндаридами двѣ дочери Леды и внуки Тиндара, Клитемнестра и Елена, обѣ убійцы своихъ супруговъ: первая Агамемнона, а вторая Деифоба. Горацій разумѣетъ здѣсь подъ именемъ Тиндаридъ всѣхъ женщинъ, имъ подобныхъ, по рѣшительности, силѣ, и по преступленію.

10) Ст. 101. «Какъ должно читать это имя, (говоритъ Виландъ), Maevius, Naevius, или Maenius? Однако, такъ какъ *Мевій* и *Невій*, относительно порока, приписываемаго имъ Горацiемъ, суть имена, намъ незнакомыя; а *Меній* встрѣчается въ 15 эпистолѣ, какъ негодяй извѣстный, и очень идетъ подъ стать къ прославленному расточителю *Номентану*: то я, вмѣстѣ съ многими, читаю Maenius.» — По этой причинѣ я пишу: *Меній*, хотя въ вулгарныхъ изданіяхъ чаще встрѣчается *Мевій*; а школьными учеными признается правильнѣе: *Невій*. — Впрочемъ, такъ какъ это лице вполнѣ неизвѣстное, то все равно, какъ бы оно ни называлось.

11) Ст. 103. Я не рѣшился, да и не сладилъ употребить здѣсь смѣлую фигуру Горація:

. . . Pergis pugnantia secum,
Frontibus adversis componere.

12) Ст. 105. Объ этихъ двухъ лицахъ мы не знали бы ничего и не могли бы понять этаго сравненія и противуположности, еслибы одинъ древній схоліастъ не далъ объ нихъ извѣстія. *Танаисъ*, вольноотпущенникъ Мецената, былъ кастратъ; а безыменный *тесть Визслія* имѣлъ грыжу, и въ слѣдствіе этой болѣзни былъ подверженъ извѣстному недостатку, или излишеству. Пв. Матв. Муравьевъ-Апостолъ, въ

упомянутомъ уже мною переводѣ, (напечатанномъ въ Чтеніяхъ Державинской Бесѣды). очень забавно замѣчаетъ объ этомъ лицѣ, что онъ «страдалъ болѣзнію, которая въ нынѣшнемъ европейскомъ нарядѣ еще бы примѣтнѣе была, чѣмъ тогда, подъ широкою тогою.»—Между недостаткомъ и излишествомъ должна быть середина: вотъ въ чемъ заключается мысль Горацiева сравненія;

13. Ст. 119. Здѣсь, по замѣчанію Ламбина, Горацій очевидно мѣтитъ на стихъ Лукреція въ которомъ Натура говоритъ человѣкамъ:

Cur non ut plenus vitae conviva recedis.

14) Ст. 121. Этотъ Криспинъ нерѣдко попадается и въ другихъ сатирахъ Горація, и потому заслуживаетъ подробнаго объясненія.

Сколько можно заключить изъ многихъ мѣстъ сатирика, онъ былъ нѣчто среднее между неудачнаго поэта и плохаго философа; жалкій стихотворецъ, который ставилъ себѣ въ достоинство. что скоро куетъ стихи. (Сат. 4, ст. 14 — 16). По свидѣтельству древняго схолiаста онъ написалъ въ стихахъ книгу: «О стоической сектѣ.» Онъ вѣроятно представлялъ собою, какъ и многіе въ то время, и *стоика* и *циника*. Онъ столь много болталъ о добродѣтели, что его прозвали въ насмѣшку: Aretalogus. Это слово, хотя собственно значитъ: *учитель добродѣтели;* но переводъ будетъ не столь выразителенъ. Ближе было бы сказать: *добродѣтелесловъ*, какъ мы говоримъ, напр. *Естествословъ*: что означаетъ не только учителя, но и знатока, т. е. такого человѣка, который выучился добродѣтели, какъ наукѣ, и другихъ учитъ также.

У Горація при имени Криспина находится прилагательное *подслѣпый*, или правильнѣе сказать, имѣющій нагноенные глаза:

Ne me Crispini scrinia *lippi*
Compilasse putes, verbum non amplius addam.

Бентлей, извѣстный ученый филологъ и коментаторъ Горація, читаетъ здѣсь lippum, и относитъ этотъ эпитетъ къ самому Горацію; почему и Муравьевъ-Апостолъ перевелъ это мѣсто такъ: «чтобы ты не подумалъ, что *я сослѣпа* обокралъ Криспиновъ тетрадникъ.» — Въ подтвержденіе Бентелея и въ оправданіе своего перевода, онъ приводитъ два мѣста изъ Горація: кн. 1. Сат. 5. ст. 30 и 49. (Въ моемъ переводѣ ст. 31 и 51). Но это ничего недоказываетъ, кромѣ того, что Горацій былъ слабъ глазами: что мы и безъ того знаемъ.— Между тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ читаемъ: Crispini lippi; кромѣ того, этотъ эпитетъ не одинъ разъ употребляемъ Горацiемъ въ насмѣшку, напр. въ началѣ 7-й сатиры этой книги.

Виландъ опровергаетъ поправку Бентлея съ извѣстною тонкостію ума своего. Между прочимъ приводитъ онъ слова Бентлея, который говоритъ: «это было бы безсмысленно, если бы Горацій, будучи самъ слабъ глазами, насмѣхался въ этомъ же надъ Криспиномъ.»—Виландъ возражаетъ на это: «Какъ будто Горацій, который подъ старость страдалъ глазами, и на 27-мъ году долженъ былъ страдать ими!»—Первая книга сатиръ выдана Горацiемъ на 30-мъ году жизни.—Виландъ однако не совсѣмъ правъ: 5 сат. этой же книги доказываетъ, что и тогда Горацій былъ уже слабъ глазами.

САТИРА ВТОРАЯ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Флейщицы, нищіе, мимы, шуты, лекаря площадные, [1]
Весь подобный имъ людъ, огорченъ и въ великомъ смущеньѣ;
Умеръ Тигеллій пѣвецъ: онъ для нихъ былъ и щедръ и привѣтливъ! [2]
А иной, опасаясь прослыть расточителемъ, даже
Бѣдному другу не хочетъ подать и бездѣльную помощь,
Чтобъ укрылся отъ холода онъ, утолилъ бы свой голодъ!
Спросишь другаго: за чѣмъ онъ имѣнье блестящее дѣдовъ,
Или имѣнье отца, на прожорливость тратитъ? За чѣмъ онъ
На заемныя деньги припасы къ столу покупаетъ?...
Скажетъ: не хочетъ онъ мелкой душонкой прослыть, или скрягой!
Хвалитъ конечно иной и его; а другой осуждаетъ!
А богатый землями и въ ростъ отдающій Фуфидій, [3]
Славы развратнаго, имени мота боясь, не стыдится
Брать съ должниковъ пять процентовъ на мѣсяцъ; [4] и даже чѣмъ больше
Кто нуждою стѣсненъ, тѣмъ болѣе онъ притѣсняетъ!

Больше онъ ловитъ въ добычу людей молодыхъ, у которыхъ
Строги отцы, и недавно надѣвшихъ вирильную тогу! [5]
Какъ не воскликнуть, услышавши это: «Великій Юпитеръ!»
Скажутъ: «Конечно за то по доходамъ его и расходы?»
Нѣтъ! не повѣришь! онъ самъ себѣ нѐдругъ! — Не меньше,
Чѣмъ, у Теренція, сына изгнавшій отецъ былъ страдальцемъ, [6]
Также и онъ—самъ терзаетъ себя!—Но если кто хочетъ
Знать: къ чему я рѣчь эту веду; то къ тому, что безумный,
Бросивъ одинъ недостатокъ, всегда попадаетъ въ противный!
Такъ у Мальтина туника отвсюду виситъ и тащится; [7]
А другой поднимаетъ ее до пупка!—Отъ Руфилла
Пахнетъ духами; Горгоній же козлищемъ грязнымъ воняетъ! [8]
Нѣтъ середины ни въ чемъ! . . . . . [9]

17 Окт. 1852.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН 1. САТИРА 2.

—

1) Ст. 1. Такъ рѣшился я перевести два первые стиха этой сатиры, желая выразить русскими и понятными терминами латинскія названія, изъ которыхъ нельзя было пропустить ни одного; а между тѣмъ нѣкоторыя были бы намъ совершенно непонятны:

Ambubaiarum collegia, pharmacopolae,
Mendici, mimae, balatrones, etc.

Названіе флейщицъ, ambubaia, происходило отъ какого-то сирскаго слова, означавшаго флейту; ибо, какъ видно изъ одного мѣста Ювенала, римскіе флейщики и флейщицы были обыкновенно изъ Сиріи. Горацій, какъ полагаетъ Дасье, упоминаетъ здѣсь не о первыхъ, а объ однѣхъ флейщицахъ, потому что онѣ болѣе приличествовали обществу развратнаго Тигеллія. Светоній замѣчаетъ тоже, что Неронъ ужиналъ иногда публично, inter scortorum totius urbis ambubaiarumque ministeria, т. е. что за столомъ служили ему развратницы со всего города, и всѣ *флейщицы;* ибо сіи послѣднія промышляли тѣмъ же ремесломъ, какъ и первыя.

Pharmacopolae, ungentarii, (что я перевелъ словомъ: *площадные лѣкари*), были собственно не врачи, а продавцы разныхъ лѣкарствъ, и духовъ, или душистыхъ мазей. Что касается до лѣкарствъ, продаваемыхъ ими, то это были, такъ называемыя тайныя средства отъ болѣзней и универсальныя лѣкарства. И потому эти люди принадлежали къ разряду шарлатановъ и развратниковъ, презираемыхъ въ Римѣ.

Нищіе, mendici. Подъ именемъ нищихъ здѣсь разумѣетъ Горацій жрецовъ Цибеллы и Изиды, гадателей, толкователей сновъ, и прочихъ, имъ подобныхъ, которыхъ было тогда множество въ Римѣ и во всей Италіи. Особенно жрецы Изиды промышляли ремесломъ, не очень честнымъ; ибо храмъ этой богини былъ сборищемъ сладострастныхъ женщинъ. Всѣ эти люди носили суму, какъ нищіе; а между тѣмъ передавали римскимъ женщинамъ записочки и приглашенія къ свиданію.

Слово *мимы*, mimae, извѣстно и не требуетъ объясненія. Но здѣсь говорится о

женщинахъ, сопровождавшихъ свою мимическую игру или пляску, непристойными тѣлодвиженіями.

Balatrones—я перевелъ словомъ: *шуты*; но чувствую, что оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію подлинника. Это слово было впрочемъ предметомъ многихъ толкованій; но настоящее его значеніе доселѣ осталось неизвѣстнымъ. Вообще должно думать, что оно означало пустаго и ни къ чему годнаго человѣка, если не совсѣмъ негодяя. Одно только должно замѣтить, что оно не означаетъ какой-либо особенной профессіи.

2) Ст. 3. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь говорится о *Тигеллѣ Гермогенѣ*, о которомъ упоминаетъ Горацій сатиры 9, въ стихѣ 25, (въ моемъ перев. ст. 26). Но другіе, на прим. Дасье и Санадонъ доказываютъ, что здѣсь упоминается о другомъ Тигеллѣ—*сардинскомъ*; ибо о немъ говоритъ Горацій, кн. 1 въ сатирѣ 3, уже, какъ объ умершемъ; а о Тигеллѣ Гермогенѣ, въ той же самой сатирѣ (ст. 129, 130) какъ о находящемся въ живыхъ. Это замѣчаніе, кажется, вполнѣ справедливо.

Этотъ Тигеллій сардинскій, своимъ прекраснымъ голосомъ и своею придворною обходительностію, вошелъ въ большую милость къ Диктатору Юлію-Цезарю, о чемъ пространно сказано мною въ примѣчаніи къ слѣдующей сатирѣ третьей, къ ст. 3. Послѣ Юлія-Цезаря онъ сдѣлался застольникомъ Августа, и тоже вошелъ къ нему въ милость; что не помѣшало однако Горацію осмѣивать его въ своихъ сатирахъ. Августъ любилъ Тигеллія за его талантъ и веселое собѣседничество; но презиралъ за его пороки и развратную жизнь, которою въ то время вообще отличались его соотечественники.

3) Ст. 12. Здѣсь (въ подлинникѣ ст. 13) повторенъ у Горація стихъ 421 изъ его же Ars poetica; а именно:

Dives agris, dives positis in foenore nummis.

или, правильнѣе сказать изъ этой сатиры онъ повторенъ въ наукѣ поэзіи, которая издана имъ позже всѣхъ другихъ его сочиненій.

4) Ст. 14. Римляне брали проценты ежемѣсячно. Проценты были различные, смотря по времени и по лицу, которое занимало. Самый высокій процентъ былъ тотъ, который назывался centisima, по одному со-ста въ мѣсяцъ, или по 12 процентовъ въ годъ. Это называлось as usura, или просто as; ибо всѣ прочіе способы взиманія процентовъ заимствовали свои названія отъ этаго. Какъ-то:

Usura semis, когда брали полпроцента въ мѣсяцъ, т. е. 6 процентовъ въ годъ.

Bes—двѣ трети процента въ мѣсяцъ, или 8 процентовъ въ годъ.

Quadrans—четверть процента въ мѣсяцъ, или 3 процента въ годъ.

Quincunx—пятая часть процента въ мѣсяцъ, или 2 и $^2/_3$ процента въ годъ.

Triens—треть процента въ мѣсяцъ, или 4 процента въ годъ.

Sextans—шестая часть процента въ мѣсяцъ, или 2 процента въ годъ.

Наконецъ usura unciaria, когда платили двѣнадцатую часть процента въ мѣсяцъ, или одинъ процентъ въ годъ.

Закономъ XII таблицъ запрещено было брать выше сего послѣдняго: ne quis unciario foenore amplius exerceret. Впослѣдствіи и это было убавлено до половины; ибо постановлена была usura semiunciaria. Но иногда рѣдкость денегъ, иногда слабость судей, завѣдывавшихъ этою частію, иногда крайняя нужда частныхъ людей, а по бо́льшей части жадность ростовщиковъ, умѣвшихъ пользоваться обстоятельствами, дѣлали безполезными постановленія закона; и назначеніе процентовъ зависѣло отъ произвола.

Упоминаемый здѣсь ростовщикъ Фуфидій бралъ по 5 процентовъ въ мѣсяцъ, что составляло 60 процентовъ въ годъ, такъ что въ 20 мѣсяцевъ удвоивался капиталъ.

Мысль Горація та, что Фуфидій, боясь прослыть глупцомъ, не прилагающимъ заботы о своихъ дѣлахъ, впалъ въ другую крайность.

5) Ст. 17. До юношескаго возраста дѣти Римлянъ носили тогу, обложенную пурпуромъ, которая называлась toga praetexta. Со вступленіемъ же въ юношество они признаваемы были вошедшими въ совершенный возрастъ, что происходило публично, при Преторѣ: на нихъ надѣвали обыкновенную гражданскую тогу, безъ всякихъ украшеній, которая называлась toga pura, или toga virilis, т. е. *тога мужеская*. Этихъ-то молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, ловилъ Фуфидій; ибо до совершеннолѣтія должниковъ дѣлги ихъ признавались не дѣйствительными.

6) Ст. 21. Комедія Теренція, подъ названіемъ: Heautontimorumenos, т. е. *самъ себя наказующій*. Имя этаго отца *Менедемъ*. Онъ рѣшился терпѣть различныя лишенія, въ наказаніе самаго себя за жестокость, отъ которой сынъ его *Клиній* бросилъ родительскій домъ и пошелъ на войну.

7) Ст. 25. Malthas значило у Римлянъ человѣка изнѣженнаго. Полагаютъ, что изъ этаго слова Горацій составилъ имя Malthinus. Нѣкоторые думали даже, что подъ именемъ *Мальтина* Горацій разумѣлъ здѣсь Мецената, который былъ довольно изнѣженъ и небреженъ въ одеждѣ. Но это только догадка.

Здѣсь должно замѣтить только то, что туника висящая или влачащаяся по полу всегда была у Римлянъ признакомъ изнѣженности и слабодушія; а приподнятая знакомъ мужества. Средина между двумя крайностями состояла въ томъ, чтобы туника висѣла немного пониже колѣнъ. Квинтиліанъ, въ гл. 4 кн. 11 именно указываетъ, какъ носили Римляне тунику и тогу. Cui laticlavi jus non erit, говоритъ онъ, ita cingatur, ut tunicae prioribus oris infra genua paulum, posterioribus ad medios popplites usque perveniant, nam infra mulierum est, supra centurionum. «Тѣ которые не имѣютъ права носить латиклаву, должны подпоясываться такъ, чтобъ туника спереди висѣла немного пониже колѣна; а сзади доставала до половины икры. Опускать ее ниже—это женоподобно; а поднимать выше—это новобранному.» Онъ говоритъ здѣсь о тѣхъ, которые не носили латиклавы; ибо латиклава, хотя имѣла форму туники, но надѣвалась безъ пояса, и была длиннѣе обыкновенной туники. И потому Светоній замѣчаетъ, какъ нѣчто необыкновенное, что Цезарь подпоясывалъ латиклаву.

Тога подвязывалась только на войнѣ. (Объ этомъ объяснено у меня въ примѣчаніи къ ст. 49 моего перевода Науки Поэзіи Горація). Тогу носили спереди нѣсколько пониже туники, а сзади хотя и поднимали, но все-таки не выше туники.

8) Ст. 27. Римляне считали постыдным употребленіе благовоній, какъ признакъ женоподобной нѣги. Извѣстна черта Веспасіана, который давши нѣкоторую должность одному молодому Римлянину, отнялъ ее опять, за то, что онъ пришелъ благодарить его, умащенный благовоніями; при чемъ сказалъ ему съ презрѣніемъ: maluissem allium oboluisses, «по мнѣ лучше бы отъ тебя пахло чеснокомъ.» Извѣстно также изрѣченіе Юлія Цезаря, который хвалился, что его воины также бы храбро сражались, даже и раздушенные благовоніями, milites suos etiam ungentatos bene pugnare posse.

Кто были Руфиллъ и Горгоній, неизвѣстно; но всѣ комментаторы полагаютъ, что они были изъ людей, весьма извѣстныхъ въ Римѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ и то, что замѣчаніе Горація о Горгоніѣ не прошло ему даромъ, а возбудило противъ него сильное негодованіе, что видно изъ другой его сатиры, именно: кн. 1. сат. 4. ст. 91 — 93.

9) Ст. 28. Здѣсь долженъ я былъ остановиться и не докончить перевода этой сатиры. У Горація она состоитъ изъ 134 стиховъ. Но все продолженіе ея не соотвѣтствуетъ ни требованіямъ чистой нравственности, ни цѣломудрію нашего вкуса. Большая часть иностранныхъ переводчиковъ останавливалась также на стихѣ 28. Правда, Дасье и Фоссъ — и нѣкоторые изъ самыхъ новѣйшихъ перевели эту сатиру вполнѣ. Но у нихъ одна цѣль: полнота и точность ученаго перевода; а мы не забываемъ при этомъ уваженія къ человѣку и къ публикѣ.

САТИРА ТРЕТІЯ.

ПРОТИВЪ ОСУЖДАЮЩИХЪ ЧУЖІЕ НЕДОСТАТКИ.

Общій порокъ у пѣвцовъ, что въ пріятельской доброй бесѣдѣ,
Сколько ни просятъ ихъ пѣть, ни за что не поютъ; а не просятъ—
Пѣнію нѣтъ и конца!—Таковъ былъ сардинецъ Тигеллій! [1]
Цезарь, [2] который бы могъ и принудить, еслибы даже
Сталъ и просить, заклиная и дружбой отца и своею, [3]
Все ни во что бы!— А самъ разпоется—съ яицъ и до яблокъ
Только и слышишь: «О Вакхъ!» [5] то высокимъ напѣвомъ, то низкимъ,
Басомъ густымъ, подобнымъ четвертой струнѣ тетрахорда!
Не былъ онъ ровенъ ни въ чемъ!—Иногда онъ такъ скоро бывало
Ходитъ, какъ будто бѣжитъ отъ врага; иногда выступаетъ
Важно, какъ будто несетъ онъ священную утварь Юноны! [6]
То вдругъ двѣсти рабовъ у него; то небольше десятка!
То о царяхъ говоритъ и тетрархахъ высокія рѣчи; [7]
То вдругъ скажетъ: «довольно съ меня, былъ бы столъ, хоть треногой,
Соли простая солонка, отъ холода грубая тога!»

Дай сестерцій ему милліонъ, столь довольному малымъ,
И въ пять дней въ кошелькѣ ничего!—Ночь гуляетъ до утра;
Цѣлый день прохрапитъ!—Не согласенъ ни въ чемъ самъ съ собою!
Можетъ быть кто мнѣ замѣтитъ: «А самъ ты? ужель безъ пороковъ?»
Нѣтъ! есть они и во мнѣ, и не меньшіе, только другіе!
Меній однажды заочно надъ Новіемъ дерзко смѣялся. [8]
Кто-то сказалъ: «А тебя мы не знаемъ? — иль намъ неизвѣстно
Самъ ты каковъ?»—А Меній въ отвѣтъ: «О! себѣ я прощаю!»
Это пристрастье къ себѣ самому и постыдно и глупо!
Если свои недостатки ты видишь въ туманѣ; за чѣмъ же
Видишь ихъ зорко въ другихъ, какъ орелъ, или змѣй эпидаврской? [9]
Вѣрь мнѣ: за то и они всѣ твои недостатки припомнятъ!
«Этотъ строптивъ, говорятъ, ни малѣйшей не вытерпитъ шутки!
Да! хоть надъ грубою тогой, висящей до пятъ; надъ короткой
Стрижкой волосъ; надъ широкою обувью—можно смѣяться:
Но онъ честенъ и добръ, и нѣтъ лучше его человѣка!
Но надежный онъ другъ; но подъ этой наружностью грубой
Геній высокій сокрытъ и прекрасныя качества духа! [10]
Ты испыталъ бы себя: не посѣялась матерь природа
Или дурная привычка—въ тебѣ недостатка какого,
Или порока?—Дурную траву сожигаютъ; но знаешь —
Гдѣ родится она?—На оброшенномъ пахаремъ полѣ!
Страстью любви ослѣпленный не видитъ ничуть недостатковъ
Въ милой подругѣ; даже ему и ея безобразье
Нравится: такъ любовался Балбинъ и паростомъ у Агны!
Еслибъ мы такъ заблуждались и въ дружбѣ; сама добродѣтель
Вѣрно почтилабъ тогда заблужденье подобное въ другѣ!
Въ другѣ его недостатки должны мы сносить терпѣливо,

Также, какъ въ сынѣ отецъ снисходительно многое терпитъ!
Если сынъ косъ, говоритъ: «у него разбѣгаются глазки!»
Если онъ малъ, какъ уродецъ Сизифъ,[11] называетъ цыпленкомъ!
Ежели сынъ кривоногъ, онъ бормочетъ сквозь зубы, что пятки
Толсты немножко; за тѣмъ онъ на нихъ такъ и держится слабо!
Такъ ты суди и о другѣ: ежели скупо живетъ онъ —
Ты говори, что твой другъ бережливъ; а хвастливъ онъ, насмѣшливъ —
Ты утверждай, что друзьямъ онъ понравиться шутками хочетъ;
Ежели грубъ онъ и вольностей много себѣ позволяетъ —
Ты за прямаго и смѣлаго выставь его человѣка;
Если онъ бѣшенъ — скажи, что немножко горячъ! — Вотъ какъ дружбы
Связи хранятся, и вотъ какъ согласье людей съединяетъ!
Мы же напротивъ готовы черпить добродѣтель; наводимъ
Слой на прекрасную вазу.[12] — Честнаго, скромнаго мужа
Мы назовемъ простякомъ; а кто медленъ — тупымъ и тяжелымъ!
Ежели кто осторожно людской западни избѣгаетъ;
Если, живя межь людей и завистныхъ, и злобныхъ, и хитрыхъ,
Злому не выдастъ себя безоружной своей стороною,
Мы говоримъ: онъ лукавъ; а не скажемъ, что онъ остороженъ!
Если кто простъ въ обращеньѣ — какъ я, Меценатъ, предъ тобою
Часто бывалъ — чуть приходомъ своимъ, иль своимъ разговоромъ,
Въ чтеньѣ онъ насъ развлечетъ, въ размышленіи намъ помѣшаетъ:
Тотчасъ готовы сказать, что въ немъ вовсе нѣтъ здраваго смысла!
Ахъ, сколь безумно даемъ на себя же мы эти законы!
Кто безъ пороковъ родится! — Тотъ лучше другихъ, въ комъ ихъ меньше
Снисходительный другъ, какъ и должно — мои недостатки
Добрыми свойствами вѣрно пополнитъ; и если ихъ больше,
Склонится къ добрымъ, когда онъ желаетъ и самъ быть любимымъ!

Съ этимъ условьемъ и самъ онъ на тѣхъ же вѣсахъ оцѣнится!
Если ты хочешь, чтобъ другъ твой горбовъ у тебя не замѣтилъ,
Самъ не смотри на его бородавки!—Кто снисхожденья
Хочетъ къ себѣ самому, тотъ умѣй снисходить и къ другому!
Ежели гнѣвъ и порывы безумья, которые сродны
Слабости нашей природы, нельзя истребить совершенно,
Что же разсудокъ съ своими и мѣрой и вѣсомъ?— За чѣмъ же
Онъ не положитъ за все соразмѣрнаго злу наказанья?....
Еслибъ кто распялъ раба, со стола относившаго блюды,
За проступокъ пустой, что кусокъ полусъѣденной рыбы,
Или простывшей подливки, онъ бѣдный дорогой отвѣдалъ:
Ты бы сказалъ, что безумнѣе онъ Лабеона! [13] — А самъ ты
Сколько безумнѣе, сколько виновнѣе! — Другъ предъ тобою
Въ самой бездѣлкѣ пустой провинился; а ты не прощаешь!
Вѣрь: всѣ за это жестокимъ тебя назовутъ!—Ненавистно
Ты убѣгаешь его, какъ должникъ убѣгаетъ Друзона!
Какъ должникъ, съ наступленьемъ календъ, не имѣя готовыхъ
Ни процентовъ, ни суммы, радъ провалиться несчастный,
Толькобъ предъ нимъ не стоять, какъ плѣнному, вытянувъ шею,
Толькобъ не слушать его нестерпимыхъ и скучныхъ исторій! [14]
Какъ! Другъ столовое ложе мое замаралъ; иль Эвандра [15]
Старую чашу съ стола уронилъ; или съ блюда цыпленка
Взялъ, не смотря, что онъ былъ предо мной: и за это на друга
Я осержусь?—Да чтожь бы я сдѣлалъ, когдабъ обокралъ онъ,
Тайнѣ моей измѣнилъ, или мнѣ не сдержалъ обѣщанья?...
Тѣмъ, для которыхъ вины всѣ равны—нѣтъ самимъ оправданья!
Противъ нихъ все вопіетъ: и разсудокъ, и нравы, и польза—
Мать справедливости, мать правоты—ихъ все осуждаетъ!

Люди, вначалѣ, когда, какъ стада̀ безсловесныхъ животныхъ,
Пресмыкались они по землѣ—то за темныя норы,
То за горсть желудей—кулаками, ногтями дрались;
Бились палками, послѣ оружіемъ; выдумавъ слово,
Стали потомъ называть именами и вещи и чувства. [16]
Тутъ уклонились они отъ войны; города укрѣпили;
Противъ воровъ, любодѣевъ, разбойниковъ—дали законы:
Ибо и прежде Елены многія жены—постыдной
Были причиной войны; но всѣ эти, какъ дикіе звѣри,
Женъ похищавшіе чуждыхъ, отъ сильной руки погибали
Смертью безгласной—какъ быкъ погибаетъ, убитый сильнѣйшимъ!
Если раскроетъ кто лѣтопись міра, вѣковъ и народовъ,
Долженъ признать, что законъ произшелъ—отъ боязни неправды!
Правды съ неправдой натура никакъ различить не умѣетъ,
Такъ, какъ она различаетъ пріятное—съ тѣмъ, что противно!
Просто разсудкомъ нельзя доказать, что и тотъ, кто капусту
Въ огородѣ чужомъ поломалъ, и тотъ, кто похитилъ
Утварь изъ храма боговъ—преступленіе оба свершили! [17]
Нужно, чтобъ правило было и имъ полагалось возмездье
Равнымъ винѣ, чтобъ бичемъ не наказанъ былъ легкой проступокъ!
Впрочемъ, чтобъ розгою ты наказалъ, заслужившаго больше,
Этаго я не боюсь!—Ты всегда говоришь, что различья
Нѣтъ межь большой и межь малой вины, межь разбоемъ и кражей;
Что ты все бы одною косою скосилъ безъ разбора,
Еслибъ высокою властью почтили тебя сограждане!
Еслижь мудрецъ, по твоимъ же словамъ,[18] и богачь, и сапожникъ,
И красавецъ, и царь: такъ чего же желать, все имѣя?...
«Ты не понялъ меня—говоришь ты—Хризиппъ, нашъ наставникъ [19]

Такъ говоритъ, что мудрецъ, хоть не шьетъ сапоговъ и сандалій,
Но сапожникъ и онъ!»—Почему?—«Потому, что и молча
Гермогенъ—все отличный пѣвецъ; а Альфенъ—все искусный
Былъ брадобрѣй, хоть и бросилъ онъ бритвы, и заперъ цирюльню! [20]
Такъ и мудрецъ!—Онъ искусенъ во всемъ; онъ всѣмъ обладаетъ!
Слѣдственно онъ надъ всѣми и царь!»—Хорошо! отъ чего же
Ты невластенъ мальчишекъ прогнать, какъ они всей толпою
Бороду рвутъ у тебя, и какъ ты надрываешься съ крику?...
Ты и мудрецъ, ты и царь; а лаешь на нихъ попустому!
Кончимъ!—Пока за квадрантъ ты, властитель, отправишься въ баню,
Съ свитой покуда незнатной, съ однимъ полуумнымъ Криспиномъ,
Я остаюся съ друзьями, которые—въ чемъ по незнанью
Я погрѣшу, мнѣ охотно простятъ; я тоже охотно
Ихъ недостатки сношу!—И хоть я гражданинъ неизвѣстный,
Но увѣренъ, счастливѣй тебя проживу я на свѣтѣ!

28 Іюня 1849.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТ. 3.

—

1) Ст. 3. Этотъ пѣвецъ, Тигеллій сардинскій (см. примѣч. къ сат. 2 ст. 3) игралъ немаловажную роль во время молодости Горація. Прелесть его голоса и гибкость характера ввели его въ такую милость къ диктатору Юлію-Цезарю, что Цицеронъ, въ письмѣ къ Фабію Галлу, считаетъ Тигеллія между familiarissimi Цезаря. Цицеронъ, въ это время, навлекъ на себя немилость знаменитаго пѣвца, и все письмо его относится къ этому обстоятельству, къ которому однако мужъ консулярный, кажется, былъ не такъ равнодушенъ, какъ ему хочется представить, хотя, впрочемъ, онъ называетъ Тигеллія «такимъ человѣкомъ, который заразительнѣе даже воздуха своего отечества.» Довольно сказать, что Тигеллій былъ однимъ изъ тѣхъ незаконныхъ сыновъ счастія, которые въ бѣдственныя времена тріумвиратства выходили въ люди, или посредствомъ пріятныхъ талантовъ, или еще болѣе посредствомъ самаго прибыльнаго таланта—быть всѣмъ довольнымъ и годиться на такія услуги, на которыя ни одинъ честный человѣкъ не согласится.

При имени *Тигеллія* слово *сардинецъ* совсѣмъ не лишнее, потому что оно показываетъ презрѣніе къ нему Горація. Сардинцы съ давнихъ временъ были у Римлянъ въ худой славѣ. Когда Семпроній Гракхъ (въ 514 г. Р.) завоевалъ этотъ островъ, почти всѣ жители были привезены въ Римъ и проданы въ рабство; а такъ какъ этаго товару было много, и товаръ былъ плохой, то и произошла пословица: Sardi venales, alius alio nequior! *Сардинцы продажные, одинъ другаго негоднѣе.*

2) Ст. 4. Здѣсь говорится объ Августѣ, который тогда назывался еще Цезаремъ.

3) Ст. 5. Отцемъ названъ здѣсь Юлій-Цезарь, которымъ былъ усыновленъ Августъ.

4) Ст. 6. Обѣдъ начинался у Римлянъ яицами, а оканчивался яблоками, какъ и у насъ десертомъ. И потому: *съ яицъ и до яблокъ*, значитъ: съ начала обѣда и до конца.

5) Ст. 7. Припѣвъ: io Bacche!

6) Ст. 11. Изъ этаго мѣста и изъ примѣчанія одного схоліаста можно догадываться, что и въ праздникъ Юноны была въ употребленіи процессія, въ которыхъ являлись canephori, корзиноносицы. Первоначально такъ назывались жреческія дѣвы, которыя въ Аѳинахъ, въ праздники Минервы и Цереры, носили на головѣ, въ корзинахъ, нѣкоторыя символическія вещи, принадлежащія къ ихъ мистеріямъ. Такъ какъ при этомъ положеніи тѣла очень выгодно выказывается станъ молодой дѣвицы, то въ изображеніи канефоръ упражнялись искуснѣйшіе ваятели древности.

7) Ст. 13. *Тетрархи*, четверовластники, были собственно правители провинцій.

8) Ст. 21. *Меній* былъ извѣстный расточитель и развратникъ, котораго имя, вѣроятно еще по сатирамъ Луцилія, вошло въ пословицу. Вѣроятно его же изображаетъ Горацій въ эпистолѣ къ Нумонію Валѣ. Схоліасты разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ первый день новаго года, когда желанія и обѣты торжественно произносились передъ богами, онъ во всеуслышаніе молился въ Капитоліи, чтобы имѣлъ четыреста сестерцій долгу. На вопросъ изумленнаго слушателя о такомъ странномъ прошеніи, Меній отвѣчалъ: «если Юпитеръ приметъ мою молитву, я буду отъ этого 50 процентовъ въ выигрышѣ, потому что я долженъ восемь сотъ тысячъ.» Его имя сохранилось въ Римѣ по *Меніевой колоннѣ* на римскомъ форумѣ. То мѣсто, гдѣ она находилась, при продажѣ Меніемъ своего дома подъ построеніе базилики, удержано было имъ за собою, для того, чтобы смотрѣть оттуда на гладіаторскія игры. Промотавшись совсѣмъ, онъ промышлялъ какъ шутъ и прихлебатель.

9) Ст. 26. *Эпидавръ* — городъ въ Пелопоннисѣ, извѣстный храмомъ Эскулапа. Змѣй почитался у древнихъ животнымъ, имѣющимъ самое острое зрѣніе. Здѣсь упоминается змѣй эпидаврскій не потому, чтобы ему приписывалась преимущественно острота зрѣнія; но потому, что это животное посвящено было Эскулапу.

10) Ст. 28—33. Нѣкоторые полагаютъ, что эти шесть стиховъ относятся къ Виргилію, который небрежно носилъ волосы, и мало заботился о своей одеждѣ.

11) Ст. 46. Любимый карло тріумвира Марка Антонія, прозванный *Сизифомъ* по причинѣ его злости и хитрости, который былъ ростомъ менѣе двухъ футовъ. Обычай имѣть у себя карловъ, кажется, былъ въ это время всеобщимъ у знатныхъ римлянъ; ибо Свѣтоній замѣчаетъ (с. 83), какъ нѣчто необыкновенное, что Августъ не любилъ карловъ. Впрочемъ, кажется, онъ говоритъ собственно о безобразныхъ карлахъ: покрайней мѣрѣ у внуки Августа, Юліи, былъ египетскій карла *Канопъ*, который былъ не многимъ выше двухъ футовъ; а супруга Августа, Ливія, имѣла у себя карлицу, вольноотпущенницу, именемъ *Андромеду*, такого же роста.

12) Ст. 57. Значитъ метафорически: затемнять самыя лучшія качества.

13) Ст. 83. Всѣ схоліасты, а за ними и новѣйшіе комментаторы, соглашаются, что здѣсь говоритъ Горацій объ *Антистіи Лабеонѣ*, одномъ изъ знаменитѣйшихъ

правов'ѣдовъ Рима. Но всѣ они основываются на одной догадкѣ: на томъ, что Лабеонъ противорѣчилъ Августу всякой разъ, когда онъ уклонялся отъ древнихъ обычаевъ республики; они даже приписываютъ Горацію намѣреніе выслужиться этимъ передъ Августомъ.

Но Виландъ опровергаетъ это непоколебимой діалектикой. Почитаю нужнымъ выписать здѣсь почти всѣ слова остроумнаго и тонкаго критика.

«Отецъ *Лабеона*, говоритъ онъ, въ то время, когда издыхала свобода Рима, былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ тѣхъ людей, которые низвергли Цезаря. *Лабеонъ*, сынъ его, въ такой степени наслѣдовалъ отъ отца любовь къ республикѣ, что по словамъ Тацита (Annal. 75), «сохранилъ и при властительствѣ Августа душу свободную и неразвращенную;» хотя онъ, въ то время, когда Брутъ и партія Помпея употребляли послѣднія усилія для спасенія свободы, былъ еще столь молодъ, что не могъ сражаться за одно съ ними. Въ то время онъ вѣроятно былъ занятъ еще приготовительнымъ ученіемъ; или занимался, подъ надзоромъ тогдашнихъ правовѣдовъ, напр. К. Требація, наукою и практикою римскаго права: въ чемъ онъ впослѣдствіи успѣлъ до такой степени, что онъ и *Ателій Капитонъ* считались первыми знатоками въ этомъ родѣ знанія. Оба они, во время правленія Августа, были, по выраженію Тацита, duo pacis decora, «два украшенія гражданскаго состоянія.» Sed Labeo incorrupta libertate, прибавляетъ онъ, et ob id famâ celebratior: Capitonis obsequium dominantibus magis probabatur. «Но Лабеонова неподкупная свобода приобрѣла ему болѣе славы; а Капитонова угодливость сдѣлала его пріятнѣе людямъ властнымъ.» Лабеонъ, вѣрный характеру истиннаго древне-римскаго юриспрудента, жилъ въ окованномъ Римѣ такъ, какъ будто онъ совсѣмъ не зналъ, что его отечество потеряло дѣйствительно ту свободу, которая ему принадлежала по праву. Хотя это не было средствомъ понравиться Августу; однакожъ, при такомъ боязливомъ похитителѣ власти, которому очень хотѣлось придать своему властительству видъ пріятнаго и народнаго правленія, это было вѣрное средство быть у него въ уваженіи. Замѣчательный тому примѣръ, что когда Августъ нашелъ нужнымъ (735 г. Р.) преобразовать и очистить сенатъ, *Лабеонъ* былъ однимъ изъ тѣхъ тридцати мужей, которымъ, подъ клятвенною обязанностію, дано было право выбрать каждому по пяти сенаторовъ. При этомъ-то случаѣ оказалъ онъ два опыта своей неугодливости. Каждому римлянину было извѣстно, какъ ненавистенъ былъ Августу старый Лепидъ, прежній его товарищъ по тріумвиратству, у котораго онъ отнялъ всю власть, котораго онъ изгналъ изъ Рима, и которому онъ не оставилъ ничего, кромѣ титла первосвященника, Pontifex maximus, при чемъ сохранилась ему покрайней мѣрѣ личная неприкосновенность. А *Лабеонъ*, при назначеніи въ сенатъ, изъ первыхъ выбралъ Лепида. Августъ въ первомъ движеніи гнѣва, не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему, что назначеніемъ такого недостойнаго человѣка, каковъ Лепидъ, онъ нарушилъ свою клятву!—«Каждый имѣетъ право судить по своему собственному возрѣнію;» — отвѣчалъ ему Лабеонъ — «почему не почитать мнѣ достойнымъ сенаторскаго званія того, котораго ты оставилъ первосвященникомъ?»—Это, говоритъ Діонъ, было сказано кстати, и Августъ успокоился. Вскорѣ послѣ этаго, для личной безопасности Августа, по открытіи противъ него заговора, предложено было въ сенатѣ,

чтобы впредь одинъ изъ сенаторовъ, по очереди, находился на стражѣ въ передней его комнатѣ. «Что касается до меня, сказалъ Лабеонъ, я не гожусь къ этой должности, потому что я во снѣ храплю.» Светоній хвалитъ Августа, что онъ оставилъ эти случаи безъ отмщенія; но Лабеонъ чрезъ это не сдѣлался ему любезнѣе. Августъ, по словамъ Тацита, тѣмъ охотнѣе способствовалъ Атею Капитону въ полученіи консульства, чтобы онъ покрайней мѣрѣ этимъ званіемъ былъ выше Лабеона.

«Это историческое извѣстіе о Лабеонѣ можетъ способствовать, съ перваго взгляда, къ рѣшенію вопроса: одно ли лице составляетъ этотъ М. Антистій Лабеонъ съ тѣмъ Лабеономъ, о которомъ говоритъ Горацій, какъ о безумномъ.

«Между тѣмъ есть еще одно основаніе къ полной увѣренности, что безумный Лабеонъ Горація—не есть знаменитый юриспрудентъ этаго имени. Въ то время, когда Горацій написалъ эту сатиру, онъ не могъ быть ни преторомъ, ни однимъ изъ тридцати избирателей сената, потому что онъ былъ тогда еще очень молодымъ человѣкомъ. Если онъ, при назначеніи своемъ въ избиратели новаго сената былъ лѣтъ сорока, то онъ не могъ родиться прежде 696 г. Р. Слѣдовательно, около 715 или 716 года, когда Горацій написалъ эту сатиру, онъ былъ лѣтъ девятнадцати, и не могъ никакими открытыми поступками и открытымъ противорѣчіемъ заслужить неблаговоленіе Августа и названіе безумнаго. Придаточное же имя *Лабеонъ* принадлежало очень многимъ римскимъ фамиліямъ, которые не были въ родствѣ между собою.

«По всей вѣроятности *Лабеонъ*, о которомъ упоминается у Горація, былъ дѣйствительно сумасшедшій; и безъ сомнѣнія это было всѣмъ столь извѣстно, что слова Горація были тогда для всякаго понятны.»

14) Ст. 91. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Druso; въ другихъ Ruso. Одинъ схоліастъ называетъ его: Octavius Ruso. Вотъ слова его: Octavius Ruso acerbus foenerator fuisse, dicitur, item historiarum scriptor, et quas audientas significat solitum fuisse cogere debitores suos. «Октавій Рузонъ былъ, говорятъ, жестокій ростовщикъ и сочинитель исторій, къ слушанію которыхъ имѣлъ обычай принуждать своихъ должниковъ.» Если это такъ, то это черта очень забавная, хотя наброшенная мимоходомъ на плохаго автора, который заставляетъ должниковъ слушать свои сочиненія.

15) т. 92. *Эвандръ* — древній царь Италіи, какъ полагаетъ Дасье и нѣкоторые коментаторы. Другіе съ ними несогласны, и приписываютъ здѣсь имя Эвандра художнику, который, по смерти тріумвира Антонія, вмѣстѣ съ другими плѣнными, былъ привезенъ въ Римъ, и обогатилъ его множествомъ прекрасныхъ произведеній своей работы. Бентлей и Винкельманъ того же мнѣнія.

16) Ст. 100—104. «Хотя Горацій, въ нравственной своей философіи, говоритъ Виландъ, обнаруживаетъ въ себѣ послѣдователя Сократовой школы, къ которой и Эпикуръ, въ моральной части своего ученія, подходилъ довольно близко; однако, что касается до понятій Горація о мірѣ и о происхожденіи вещей, кажется, мнѣнія Эпикурейцевъ объ этомъ предметѣ представлялись ему и естественнѣе, и покойнѣе другихъ. И потому неудивительно, что о происхожденіи человѣковъ онъ думалъ какъ

Лукрецій. Впрочемъ, здѣсь цѣль его показать, что понятія о *правомъ* и *неправомъ* происходятъ отъ просвѣщенія, а не отъ натуры.»

Это замѣчаніе справедливо; но тѣмъ не менѣе вотъ понятія о первобытномъ человѣкѣ—древняго поэта, умнаго, просвѣщеннаго, но язычника. Кто просвѣтилъ насъ, если не Моисей и не законъ христіанскій? И не смотря на это, нѣкоторые философы изъ христіанъ, хотя не христіанскіе философы, какъ напримѣръ Руссо, думали, какъ язычникъ Горацій, что люди сначала ходили на четверенькахъ, и питались, какъ звѣри, дикими кореньями!

17) Ст. 117—130. Цицеронъ сохранилъ намъ именно тѣ самыя правила, надъ которыми смѣется здѣсь Горацій. Это мѣсто находится въ рѣчи Цицерона за Мурену. Вотъ оно:

«Былъ между греками человѣкъ великаго ума, Зенонъ, котораго послѣдователи «называются стоиками. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ правилъ. Мудрый не смотритъ ни «на какія титла. Онъ не прощаетъ ни одной вины; ибо сожалѣніе и снисходитель«ность суть слабость и глупость. Недостойно человѣка ни разжалобиться, ни усту«пить чьей-либо прозьбѣ. Мудрецъ, даже и горбатый, есть красавецъ; онъ богачъ, «хотя проситъ милостыни; онъ царь даже и въ рабствѣ. Мы всѣ не будучи мудре«цами, рабы и безумные. Всѣ вины равны; всякая вина есть преступленіе. Кто уби«ваетъ цыпленка, не имѣя на то права, столько же виновенъ, какъ и тотъ, кто за«рѣзалъ отца. Мудрый никогда не раскаевается, никогда не ошибается, никогда не «перемѣняетъ своего мнѣнія.

«Я, въ моей молодости, не надѣясь на собственное знаніе, искалъ, какъ и Ка«тонъ, наставленій философовъ; но учители, которымъ я слѣдовалъ, Платонъ и Ари«стотель, имѣютъ свои правила. Ихъ ученики, люди умѣренные въ своихъ мнѣні«яхъ, полагаютъ, что и мудрецъ можетъ уступать обстоятельствамъ и особымъ «уваженіямъ; что человѣкъ можетъ уступить жалости; что есть степени и въ пре«ступленіяхъ, и въ наказаніяхъ; что добродѣтель и твердость могутъ миловать; что «самъ мудрецъ можетъ иногда быть увлеченъ гнѣвомъ и тронутъ чувствомъ соболѣзно«ванія; что онъ можетъ, безъ всякаго стыда, обдумать вновь, имъ сказанное, и «перемѣнить свое мнѣніе, если находитъ лучшее; что наконецъ всѣ добродѣтели имѣ«ютъ нужду въ мѣрѣ, и должны опасаться крайностей.»

18) Ст. 125. Здѣсь начинается прѣніе съ стоикомъ. Весь конецъ этой сатиры направленъ противъ тѣхъ, которые выводили крайности изъ мнѣній этой школы, которая была столь сильна въ Римѣ, что составляла почти секту. Съ перваго взгляда эта сатира кажется однимъ опроверженіемъ людей, строгихъ къ чужимъ поступкамъ. Но Горацій, человѣкъ тонкій, дальновидный и приверженный къ Августу, вѣроятно имѣлъ мысль политическую. Секта стоиковъ была единственная опозиція Рима противъ самовластительства.—Кто не могъ пережить республики?—Не Катонъ ли, принадлежавшій къ сектѣ стоиковъ!—«Истинные враги власти, говоритъ Низаръ, были стоики! Подъ одеждой моральной свободы, у нихъ скрывались и воспоминанія о прежней свободѣ политической. Эти длиннобородые люди составляли нѣкоторый родъ общины, непріязненной императорскому правительству. Когда Домиціанъ из-

гналъ изъ Рима философовъ, это было не по причинѣ ихъ странной одежды, и не для дикаго и безумнаго удовольствія преслѣдовать словесность и науки въ лицѣ нѣсколькихъ діалектиковъ. Домиціанъ боялся секты умствующей и воинствующей, секты, изъ которой выходили тѣ немногіе высокіе умы, которые могли еще приносить честь этому періоду; особенно же тѣ безстрашные люди, которые умѣли умирать и не на полѣ сраженія, и не отъ рукъ палачей! Тамъ только и были заговорщики; тамъ только и отворяли себѣ жилы!» — Конечно Августъ былъ не Домиціанъ; но республики уже не было, а стоики были и въ его время стоики. Горацій умѣлъ представить ихъ въ карикатурѣ; но тѣмъ не менѣе и правила ихъ представлены вѣрно. Карикатурно только примѣненіе ихъ правилъ къ лицу, выведенному на сцену. Въ отношеніи къ цѣли эта сатира, вмѣстѣ съ третьею же 2-й книги, можетъ быть, важнѣйшія изъ всѣхъ сатиръ Горація.

19) Ст. 127. *Хризиппъ*, который непосредственно послѣ Клеанта занялъ каѳедру стоической философіи перваго основателя ея Зенона. Горацій называетъ его: *отецъ Хризиппъ* потому что онъ у стоиковъ былъ въ такомъ уваженіи, что они говорили: «безъ Хризиппа не было бы и стои.» Онъ написалъ семдесятъ книгъ, которыя до насъ не дошли. Я не могъ перевести выраженія: pater Chrisippus.

20) Ст. 131. Обыкновенно полагаютъ, что это относится къ знаменитому юрисконсульту *Публію Алфену Вару*. Но это мнѣніе не имѣетъ другаго основанія, кромѣ словъ одного схоліаста. Юрисконсультъ Алфенъ пережилъ Горація, а Горацій говоритъ въ прошедшемъ времени: былъ. Этотъ неизвѣстный Алфенъ былъ кто нибудь другой.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ ЗАЩИТУ САТИРЫ.

Аристофанъ и Эвпо́лисъ, Кратинъ, [1] и другіе поэты,
Мужи, которые древней комедіи славою были, [2]
Если кто стоилъ представленнымъ быть на позорище людямъ, [3]
Воръ ли, убійца ль, супружнихъ ли правъ оскорбитель безчестный,
Смѣло, свободно его на позоръ выставляли народу!
Въ этомъ послѣдовалъ имъ и Луцилій, [4] во всемъ имъ подобный,
Кромѣ того, что въ стихѣ измѣнилъ онъ и мѣру и стопу. [5]
Веселъ, тонокъ, остеръ; но въ составѣ стиха былъ онъ жо́стокъ:
Вотъ въ чемъ его былъ порокъ!—Онъ считалъ за великое дѣло
Двѣсти стиховъ просказать, на одной на ногѣ простоявши! [6]
Мутнымъ потокомъ онъ текъ; а найти въ немъ хорошее можно!
Но—многословенъ, лѣнивъ, не любилъ онъ трудиться надъ слогомъ
Многоль писалъ—умолчу! [7] — Но я вижу Криспина;
Вотъ.... подзываетъ мизинцемъ меня: [8] «Возми-ка таблички,
Ежели хочешь; назначимъ свидѣтелей, время и мѣсто;

Да и посмотримъ: кто больше напишетъ!»—О нѣтъ! превосходно
Сдѣлали боги, что дали мнѣ умъ и скудный, и робкій!
Рѣдко и мало я говорю; но тебѣ не мѣшаю,
Если угодно тебѣ, подражать раздувальному мѣху
И трудиться, пока отъ огня размягчится желѣзо!
Счастливый Фанній! Онъ всѣ сочиненья свои и свой обликъ
Выставилъ самъ, хоть никто не просилъ! [9] — Но моихъ сочиненій
Не читаетъ никто; а публично читать я боюся,
Потому что не мало людей, порицанья достойныхъ:
Имъ не нравится родъ мой! [10] — Возми изъ толпы на удачу—
Этотъ терзается скупостью; тотъ честолюбьемъ несчастнымъ;
Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;
Этаго блескъ серебра восхищаетъ, а Альбія бронза!
Этотъ мѣняетъ товары [11] отъ странъ восходящаго солнца
До земель, гдѣ оно заходящими грѣетъ лучами: [12]
Умножая богатства, убытковъ страшась, онъ несется,
Онъ сквозь опасности мчится, какъ прахъ, воздвигаемый вихремъ!
Всѣ, кто боится стиховъ, ненавидятъ за нихъ и поэта!
«Сѣно, кричатъ, на рогахъ у него!» [13] — «Берегись! Онъ и друга
Не пощадитъ; принуждаетъ себя, лишь бы только смѣяться!
Только бъ ему написать, всѣмъ мальчишкамъ, старухамъ,
Изъ пекарни ль, съ пруда ли идутъ, всѣмъ ужь будетъ извѣстно!»
Хорошо! Но примитежь два слова въ мое оправданье!
Первое: я не считаю себя въ тѣхъ, которымъ бы далъ я
Имя поэта; [14] стихъ заключить въ извѣстную мѣру —
Этаго мало!—Ты самъ согласишься, что кто,, намъ подобно,
Пишетъ, какъ говорятъ, тотъ не можетъ быть признанъ поэтомъ! [15]
Этаго имени честь прилична лишь генію, духу—

Божеской силы; устамъ—великое міру гласящимъ! [16]
Вотъ отъ чего и комедія многихъ вводила въ сомнѣнье,
И поэма ль она, или нѣтъ, подвергалось вопросу;
Ибо ни силы въ ней духа, ни рѣчи высокой: отлична
Только извѣстною мѣрой стиха отъ рѣчей разговорныхъ. [17]
«Такъ! но и въ ней—не гремитъ ли отецъ, пламенѣющій гнѣвомъ, [18]
Ежели сынъ, безъ ума отъ развратницы, бракъ отвергаетъ,
Отъ невѣсты съ приданымъ бѣжитъ, и при свѣточахъ, пьяный,
Засвѣтло бродитъ туда и сюда!» [19] — Но развѣ Помпоній,
Еслибы живъ былъ отецъ, не тѣ же бы слышалъ угрозы? [20]
Слѣдственно гладкихъ стиховъ для комедіи мало, хотя бы,
Мѣру отнявъ, могъ и всякій отецъ такъ грозиться!
Ежели мѣры и такта лишить все, что нынѣ пишу я
И что прежде Луцилій писалъ, и слова переставить,
Первое сдѣлать послѣднимъ, послѣднее первымъ: (не такъ, какъ
Въ этихъ извѣстныхъ стихахъ: «когда желѣзныя грани
И затворы войны сокрушились жестокимъ раздоромъ») [21]
Въ насъ невозможнобъ найти и разбросанныхъ членовъ поэта! [22]
Но поэма ль комедія, или она не поэма,
Это оставимъ до времени. [23] Вотъ въ чемъ вопросъ: справедливо ль
Ты почитаешь опасной сатиру?—Пусть Сульцій и Капрій,
Оба охрипшіе, въ жаркомъ и сильномъ усердіи оба,
Ходятъ съ доносомъ въ рукахъ, негодяевъ къ великому страху; [24]
Но—кто честно живетъ, тотъ доносы и ихъ презираетъ!
Если на Целія, Бирра, разбойниковъ, самъ и похожъ ты, [25]
Все я не Капрій, не Сульцій: чего же меня ты боишься?
Въ книжныхъ лавкахъ нѣтъ вовсе моихъ сочиненій, невидно
Объявленій объ нихъ, прибитыхъ къ столбамъ; [26] и надъ ними

Не потѣетъ ни черни рука, ни рука Гермогена! [27]
Я ихъ читаю только друзьямъ; но и то съ принужденьемъ,
Но и то не вездѣ, не при всѣхъ!—А многіе любятъ
Громко читать, что напишутъ, на форумѣ, даже и въ банѣ,
Пбо въ затворенномъ мѣстѣ звончѣй раздается ихъ голосъ! [28]
Суетнымъ людямъ пріятно оно; а прилично ли время,
Нужды имъ нѣтъ безразсуднымъ!—«Но ты, говорятъ мнѣ, ты любишь
Всѣхъ оскорблять! Отъ природы ты склоненъ къ злорѣчью!»—Откуда
Это ты взялъ?—Кто изъ жившихъ со мной въ томъ меня опорочитъ?
Если заочно злословитъ кто друга, или злорѣчье
Слыша другаго о немъ, не промолвитъ ни слова въ защиту;
Если для славы забавника выдумать радъ небылицу,
Или для смѣха готовъ разславить пріятеля тайну:
Римлянинъ! вотъ кто опасенъ, кто чо́ренъ! Его берегися! [29]
Часто мы видимъ—три ложа столовыхъ; на каждомъ четыре
Гостя; одинъ, безъ разбора, на всѣхъ насмѣшками брызжетъ,
Кромѣ хозяина; [30] но лишь напьется, лишь только откроетъ
Бахусъ сокрытое въ сердцѣ, тогда и тому достается!
Этотъ однакоже кажется всѣмъ и любезнымъ и кроткимъ,
Но откровеннымъ; а я, лишь за то, что сказалъ про Руфилла,
Что онъ пахнетъ духами, что козлищемъ пахнетъ Горгоній, [31]
Я за это слыву у тебя и чернымъ и ѣдкимъ!
Если о кражѣ Петилія Капитолина кто скажетъ
Вскользь при тебѣ: то посво́ему какъ ты его защищаешь? [32]
«Онъ былъ мнѣ съ дѣтства товарищъ; а послѣ мы были друзьями;
Много ему я обязанъ за разныя дружбы услуги;
Право я радъ, что онъ въ Римѣ, и цѣлъ и безвреденъ; однакожь...
Какъ онъ умѣлъ ускользнуть отъ суда, признаюсь, удивляюсь!»

Вотъ гдѣ злословія чернаго ядъ; вотъ гдѣ ржавчины ѣдкость!
Этотъ порокъ никогда не войдетъ въ мои сочиненья,
Особливо же въ сердце!—Если могу, обѣщаюсь!
Если же вольно что сказано мною, и ежели слишкомъ
Смѣло, быть можетъ, я пошутилъ, то вмѣстѣ съ прощеньемъ
Ты и дозволь: мой отецъ пріучалъ меня съ малолѣтства
Склонностей злыхъ убѣгать, замѣчая примѣры пороковъ. [55]
Если совѣтывалъ мнѣ онъ умѣренно жить, бережливо,
Быть довольнымъ и тѣмъ, что онъ нажилъ; онъ говорилъ мнѣ:
«Развѣ не видишь какъ худо Альбія сыну; какъ Барусъ
Въ нуждѣ живетъ? [54] — Великой примѣръ, чтобъ отцемъ нажитое
Дѣтямъ беречь!»—Отклоняя меня отъ любови постыдной,
Онъ мнѣ твердилъ: «ты не будь на Сцетана похожъ!»—Отвращая
Отъ преступныхъ связей: «хороша ли Требонія слава?»
Мнѣ намекалъ онъ: «ты помнишь—застали его и поймали!» [53]
«Но—почему хорошо одного избѣгать; а другому—
Слѣдовать: мудрый тебѣ объяснитъ! [56] Для меня же довольно,
Если смогу безъ пятна сохранить по обычаю древнихъ
Жизнь и добрую славу твою, пока надзиратель
Нуженъ тебѣ. Но какъ скоро съ лѣтами въ тебѣ поокрѣпнутъ
Члены и разумъ: то будешь плавать тогда и безъ пробки!» [57]
Такъ онъ ребенка меня поучалъ; и если что дѣлать
Онъ мнѣ приказывалъ: «Вотъ образецъ!» говорилъ: «подражай же!»
Съ этимъ указывалъ мнѣ на людей, отличившихся жизнью! [58]
Если же что запрещалъ: «не въ сомнѣньѣ ли ты, что безчестно
И безполезно оно?—ты вспомни такого-то славу!»
Какъ погребенье сосѣда пугаетъ больнаго прожору
Какъ страхъ смерти—его принуждаетъ беречься: такъ точно

Душу младую отъ зла удаляетъ безславье другаго!
Такъ былъ я сохраненъ отъ губительныхъ людямъ пороковъ!
Мéньшіе есть и во мнѣ; но надѣюсь, вы ихъ мнѣ простите! [39]
Можетъ быть лѣта и собственный зрѣлый разсудокъ, быть можетъ
Другъ откровенный, меня и отъ тѣхъ недостатковъ излечатъ;
Ибо я, лежа въ постелѣ, [40] иль ходя подъ портикомъ, вѣрьте,
Размышляю всегда о себѣ!—«Вотъ это бы лучше,»
Думаю я: «вотъ такъ поступая, я жилъ бы пріятнѣй,
И пріятнѣе былъ бы друзьямъ!—Вотъ такой-то нечестно
Такъ поступилъ; неужель, неразумный, я сдѣлаю тоже?»
Такъ иногда самъ съ собой разсуждаю я молча; когда же
Время свободное есть, я все это тотчасъ на бумагу!
Вотъ одинъ изъ моихъ недостатковъ, который однако
Если ты мнѣ не простишь, то нагрянетъ толпа стихотворцевъ;
Вступятся всѣ за меня; а насъ таки очень не мало!
И причислимъ тебя, какъ жиды, мы къ нашей ватагѣ! [41]

28 Февр. 1852.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 4.

—

1) Ст. 1. *Аристофанъ* извѣстный греческій писатель комедій, род. за 427 лѣтъ до Р. Х. Изъ 54 написанныхъ имъ комедій дошло до насъ одиннадцать. *Кратинъ*, современникъ Аристофана, тоже аѳинянинъ и сочинитель комедій, изъ которыхъ извѣстны только отрывки. Они были изданы въ 1827 г. въ Лейпцигѣ. *Эвполисъ*, тоже греческій комикъ, написалъ 17 комедій, которыя до насъ не дошли. О немъ ничего неизвѣстно, кромѣ преданія, что онъ погибъ въ морской битвѣ, и что аѳиняне, сожалѣя о потерѣ комическаго писателя, постановили законъ, воспрещающій поэтамъ подвергать жизнь свою опасности, даже и для защиты отечества.

Горацій упоминаетъ о нихъ, какъ о безпощадныхъ комикахъ. О двухъ послѣднихъ мы судить не можемъ; но кто не знаетъ силы и смѣлости Аристофановой, въ осмѣяніи не только пороковъ, но и лицъ современныхъ? Сократъ и Клеій были выставлены имъ на сценѣ, при ихъ жизни, и даже въ ихъ присутствіи. Когда никто изъ актеровъ не смѣлъ взять на себя роли Клеія, опасаясь его могущества, Аристофанъ вышелъ самъ на сцену въ лицѣ сильнаго и опаснаго человѣка.

2) Ст. 2. Древняя комедія получила это названіе послѣ перемѣнъ, которыя произведены были послѣдующими комиками. Такимъ образомъ произошли три рода комедіи: *древняя*, *средняя* и *новая*. Древняя переносила на сцену дѣйствительность: въ ней и содержаніе, и лица не были вымышляемы; а брались изъ извѣстныхъ всѣмъ произшествій, и съ извѣстныхъ лицъ. Въ средней комедіи происшествія были тоже случившіеся дѣйствительно; одни только имена лицъ были вымышленныя. Новая состояла вся изъ вымысла: авторы изобрѣтали и содержаніе, и дѣйствующія лица. Аристофанъ, не смотря на то, что Горацій причисляетъ и его комедію къ древней, первый началъ среднюю; почему, въ послѣднихъ его комедіяхъ, лица имѣютъ уже имена вымышленныя. См. объ этомъ въ моемъ переводѣ Горацієвой «Наукѣ поэзіи», примѣч. 50 къ ст. 284.

3) Ст. 3. Какъ наприм. *Клеонъ*, *Гиперболъ*, *Клеофантъ*. Но эти древніе комики часто употребляли во зло свою свободу: Кратинъ не пощадилъ и *Перикла*, а

Аристофанъ *Сократа*. Они пользовались такою вольностію, что посредствомъ личинъ представляли извѣстнѣйшихъ людей въ Аѳинахъ, въ натуральномъ ихъ видѣ. Хотя эта вольность и нравилась народу, который, узнавая на сценѣ знакомыя лица, всегда встрѣчалъ ихъ рукоплесканіями; хотя это нравилось и высшимъ лицамъ Аѳинскаго народа, не всегда довольнымъ особами правительственными: но наконецъ это наскучило и было воспрещено закономъ.

4) Ст. 6. *Энній* и племянникъ его *Пакувій*, писали сатиры прежде *Луцилія*; но сей послѣдній далъ имъ другую форму, другой оборотъ, и старался ближе подойти къ духу древней комедіи.

5) Ст. 7. Сочинители комедій писали ихъ ямбическими стихами; а Луцилій избралъ для своихъ сатиръ гексаметръ. Правда, что нѣкоторыя изъ нихъ писаны тоже ямбами, и даже хореями; но изъ тридцати сатиръ, имъ написанныхъ, было двалцать гекзаметромъ. Горацій, видно, обращаетъ вниманіе на бо́льшее количество.

6) Ст. 10. Stans pede uno. «Стоя на одной ногѣ.» Выраженіе метафорическое и поговорочное, почти пословица, означающая короткость времени. Я не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, употребивши небывалый, кажется, глаголъ: «просказать.» Мнѣ хотѣлось избѣжать нерусскаго слова: «диктовать,» котораго на нашемъ языкѣ нѣтъ, и который мы должны замѣнять цѣлой рѣчью.

7) Ст. 13. Отрывки изъ сатиръ *Луцилія* были собраны изъ разныхъ древнихъ писателей, приводящихъ изъ нихъ, гдѣ одинъ стихъ, гдѣ нѣсколько стиховъ. Хотя этихъ отрывковъ и много, однако они не могутъ дать достаточнаго понятія объ этомъ стихотворцѣ. И потому мы не можемъ судить сами на сколько правъ Горацій, обвиняющій Луцилія, что стихи его грубы и льются мутнымъ источникомъ. Впрочемъ, недостатокъ мягкости и отдѣлки, кажется, виденъ и изъ этихъ извѣстныхъ намъ отрывковъ. О самомъ Луцилѣ сказано въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ десятой, этой же книги.

8) Ст. 14. Это метафора, взятая отъ обычая борцовъ. Тѣ, которые были увѣрены въ своей силѣ и презирали своихъ соперниковъ, вызывали ихъ на бой, подавая имъ знакъ мизинцемъ, чѣмъ давали имъ знать, что однимъ мизинцемъ хотятъ повергнуть ихъ на землю. О само́мъ этомъ Криспинѣ см. сат. 1 примѣч. 12 къ ст. 121.

9) Ст. 22. *Фаннін*—были фамиліи плебейской; но отличились въ разныхъ должностяхъ. Отъ этого рода произошли разныя извѣстныя отрасли. Тотъ *Фанній*, надъ которымъ смѣется здѣсь Горацій, имѣлъ прозваніе Quadratus. О немъ же упоминаетъ Горацій въ сат. 10 ст. 81.

Но какъ понимать слова подлинника: ultro delatis capsis et imagine, это признаютъ всѣ объяснители Горація неразрѣшимымъ затруднѣніемъ. Полагаютъ, что онъ перенесъ свои сочиненія и свое изображеніе въ публичную библіотеку.—Но въ какую?—*Азиній Поліонъ*, по свидѣтельству Плинія старшаго, первый учредилъ публичную

библіотеку въ Римѣ. Палатинская библіотека основана Августомъ въ 726 г. отъ основ. Рима; слѣдовательно лѣтъ десять послѣ сочиненія этой сатиры. Если и положить, что библіотека Поліона въ это время уже существовала: то есть свидѣтельство Плинія, (7 с. 30), что бюстъ одного только *Терренція Варра*, при жизни самаго сочинителя, былъ поставленъ въ эту библіотеку.

Виландъ перевелъ это мѣсто словами: *перенесъ въ музеумъ*; Фоссъ, въ своемъ переводѣ избѣгнулъ указанія мѣста. Ничь переводитъ просто: *въ библіотеку*. Французскіе переводчики, которые никогда не задумываются надъ трудностями, переводятъ: *въ храмъ Аполлонова*.—Принимая въ соображеніе, что у самаго Горація не упомянуто мѣсто, и что *Фанній* перенесъ свои сочиненія по собственному желанію, я, вмѣсто слова *перенесъ*, употребилъ слово *выставилъ*, и прибавилъ къ этому для поясненія: «хоть никто не просилъ.»—Думаю, что это всего ближе, если не къ выраженію, то къ мысли подлинника.

10) Ст. 25. То есть: сатира.

11) Ст. 29. Въ древности торговля состояла въ мѣнѣ. Когда наконецъ дошли до употребленія денегъ, прежнее выраженіе мѣны сохранилось въ языкѣ отъ долговременнаго употребленія. И потому mutare merces, «мѣнять товары,» значитъ также «покупать и продавать.»

12) Ст. 30. Все кораблеплаваніе Римлянъ ограничивалось Средиземнымъ моремъ, которое простирается отъ запада къ востоку.

13) Ст. 34. Нѣкто *Сициннiй*, который надоѣдалъ правительственнымъ людямъ своими просьбами, жалобами и замѣчаніями, никогда однако не приступалъ къ Крассу. — Кто-то спросилъ его: «отъ чего онъ одного Красса оставляетъ въ покоѣ?» — «У него сѣно на рогахъ!» отвѣчалъ этотъ безпокойный человѣкъ. Этотъ отвѣтъ вошелъ въ пословицу, которую употребляли, говоря о человѣкѣ опасномъ. Метафора эта взята отъ обычая сельскихъ жителей обвязывать сѣномъ рога бодливыхъ быковъ, дабы предупреждать проходящихъ, и избѣжать отвѣтственности, положенной по закону XII таблицъ, на тотъ случай, если рогатое животное причинитъ кому-либо вредъ ударомъ роговъ. Этотъ законъ повелѣвалъ, (tab. VII) Si quadrupes pauperiem fecit, dominus noxi aestimiam oferto, si nolet, quod nocit dato. «Если чье четвероногое животное нанесло кому убытокъ, то хозяинъ да заплатитъ чего убытокъ стоитъ; а если не хочетъ, то пусть отдастъ животное.»

14) Ст. 40. Горацій—свое право поэта основывалъ впослѣдствіи на своихъ лирическихъ произведеніяхъ, какъ видно изъ многихъ его одъ, особенно же изъ знаменитой оды: Exegi monumentum; а также и изъ 19 эпистолы (къ Меценату). Но когда онъ писалъ эту сатиру, онъ незадолго до этаго только что началъ заниматься лирическимъ родомъ.

15) Ст. 42. Цицеронъ былъ такого же мнѣнія о стихахъ комическихъ стихотворцевъ. At comicorum senarii propter similitudinem sermonis sic saepe abjecti, ut non-

nunquam vix in his numerus et versus intelligi possit. «Шестистопные стихи комиковъ, по причинѣ сходства съ обыкновенною рѣчью, часто бываютъ такъ низки, что иногда нельзя различить въ нихъ мѣры и стиха.»

16) Ст. 44. Здѣсь находится это знаменитое выраженіе Горація: os magna sonaturum. Разумѣется, оно относится къ высокимъ родамъ поэзіи: къ эпопеѣ, трагедіи и героической одѣ.

17) Ст. 48. Горацій разсуждаетъ здѣсь совершенно сообразно своему правилу. Три качества, говоритъ онъ, составляютъ поэта: богатство изобрѣтенія, сила восторга и благородство языка. Объ этомъ же говоритъ Цицеронъ въ своемъ Ораторѣ: Itaque video visum esse nonnullis Platonis et Demosthenis locutionem, et si absit à versu, tamen quod incitatius feratur, et clarissimis verborum luminibus utatur, potius poëma putandum, quam comicorum poëtarum, apud quos nihil est aliud quotidiani dissimile sermonis, nisi quod versiculi sunt. «И потому нѣкоторые полагали, что выраженія Платона и Демосѳена, хотя въ нихъ и отсутствуетъ мѣра стихотворная, однако, по быстротѣ, по блеску и по великолѣпію, должны скорѣе быть почтены поэзіею, чѣмъ слогъ комическихъ поэтовъ, въ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ обыкновенной разговорной рѣчи, исключая того, что она написана стишками.»

18) Ст. 49. Старикъ, именемъ *Демеа*, въ комедіи Теренція: *Адельфы*.

19) Ст. 52. Молодые люди Рима ходили иногда по городу въ вѣнкахъ, и съ факелами, потому что это бывало по бо́льшей части ночью. Изъ одного мѣста Аристофана видно, что въ Греціи это дѣлалось и днемъ: такое безстыдство натурально еще болѣе свидѣтельствовало о развратѣ.

20) Ст. 53. *Помпоніи*—многочисленная плебейская фамилія, которая однако съ 518 года начала принадлежать къ фамиліямъ консулярнымъ, и которая, чрезъ К. Помпонія, отличнаго оратора, и чрезъ знаменитаго Тита Помпонія Аттика, во время Цицерона была въ уваженіи. Изъ римской исторіи, и по монетамъ римскимъ, извѣстны четыре отрасли этаго рода, которыя различались одна отъ другой разными применованіями, какъ то: Matho, Molo, Flaccus и Rufus.

21) Ст. 60. Эти два стиха, по свидѣтельству Виргиліева комментатора Сервія, взяты изъ лѣтописей Эннія, которыя были нѣкоторый родъ героической поэмы, и были писаны стихами. У римлянъ, долго сохранявшихъ старинную грубость и невѣжество въ предметахъ вкуса, Эній, пока былъ имъ понятенъ, почитался римскимъ Гомеромъ. Подъ *затворами войны* разумѣется здѣсь храмъ Януса, котораго врата растворялись во время войны, и затворялись во время мира.

22) Ст. 61. Disjecti membra poëtae — прекрасное выраженіе Горація, всѣмъ извѣстное, находится здѣсь. Въ подлинн. ст. 62.

23) Ст. 63. Древніе не положили средины между прозою и поэзіею; а Аристотель признавалъ, что все, имѣющее метръ есть поэма.—«Проза, говоритъ онъ, должна имѣть *ритмъ*, но не *метръ*; иначе она будетъ поэма.»

24) Ст. 66. Кто были *Сульцій* и *Капрій* неизвѣстно. Схоліасты говорятъ тоже, что мы знаемъ и изъ Горація: что они были доносчики. Libelli, что я перевелъ словомъ: доносы, были свѣденія, содержащія въ себѣ имя и преступленіе обвиняемаго. Ихъ представляли претору, который заставлялъ однако доносителей ихъ подписывать.

25) Ст. 68. «*Бирръ* и *Целій*, говоритъ Дасье, были два молодые человѣка, корыхъ развратная жизнь довела до многихъ преступленій.» Но откуда онъ взялъ это свѣденіе, неизвѣстно. Можетъ быть изъ словъ схоліастовъ: Adolescentes perditi. Фельдбаушъ прибавляетъ: «вѣроятно, они были казнены незадолго до написанія Гораціемъ этой сатиры.»—Но все это одни догадки.

26) Ст. 71. Въ то время, если кто изъ авторовъ хотѣлъ публиковать свои сочиненія, онъ отдавалъ, или продавалъ ихъ книгопродавцамъ, которые снимали съ нихъ списки и пускали въ продажу. Такъ какъ они имѣли свои лавки подъ портиками, то объявленія о литературныхъ новостяхъ прибивались къ столбамъ, или къ колоннамъ портиковъ. Такъ должно понимать: nulla meos habet pilla libellos; что я объяснилъ нѣсколько въ самомъ переводѣ;

«Не видно —
Объявленій объ нихъ, прибитыхъ къ столбамъ.»

27) Ст. 72. Кто былъ этотъ *Гермогенъ Тигелліи*, догадаться трудно. Нѣкоторые думаютъ, что это тотъ же, о которомъ говорится въ сатирахъ 3 и 9. Другіе, что вѣроятно это былъ одинъ изъ такихъ любителей стиховъ, которые изъ одного тщеславія стараются первые достать ихъ, чтобы блеснуть передъ другими своимъ участіемъ въ литературныхъ мелочахъ.

28) Ст. 76. Бани были со всѣхъ сторонъ закрыты, и получали свѣтъ черезъ небольшія отверстія. Кромѣ того онѣ были со сводомъ; и потому голосъ раздавался въ нихъ громче. Сенека, говоря о безпокойствахъ публичныхъ бань, присовокупляетъ: adjice illum cui vox sua in balneo placet. «Прибавь къ этому еще тѣхъ, которые въ баняхъ любуются своимъ голосомъ.»

29) Ст. 85. И у насъ говорится о дурномъ человѣкѣ: «человѣкъ черный!»— Но, кромѣ того, у римлянъ черный цвѣтъ считался предзнаменованіемъ дурнымъ, а бѣлый хорошимъ. Такъ Катуллъ обращается къ Цезарю:

Nil nimium studeo, Caesar, tibi velle placere,
Nec scire utrum sis albus an ater homo!

т. е.

Быть угоднымъ тебѣ не забочусь я, Цезарь, ни мало!
Я и знать не хочу: черенъ ли кто, или бѣлъ!

30) Ст. 88. Здѣсь въ подлинникѣ игра словъ, которую перевести невозможно: «брызжетъ на всѣхъ, кромѣ того, кто доставляетъ воду.» У римлянъ была поговорка: frigidam alicui suffundere; что значило: «надъ кѣмъ нибудь насмѣхаться.» А grae-

bere aquam, «доставлять воду,» говорилось о хозяинѣ пира, можетъ быть потому, что прежде стола гости смывались въ банѣ.

31) Ст. 92. Этотъ стихъ, на который здѣсь указываетъ Горацій, находится во 2-й сат. этой же книги, ст. 27.

32) Ст. 95. Одинъ схоліастъ говоритъ, что *Петилій*, который имѣлъ надзираніе надъ капитоліемъ, былъ обвиненъ въ кражѣ, по случаю пропажи золотаго вѣнца Юпитера; что судьи оправдали его только изъ угожденія Августу, который былъ его другомъ, и что по этому случаю *Петилія* прозвали въ насмѣшку *Капитолійскимъ*, Capitolinus. Но Виландъ, слѣдуя Торренціо, говоритъ, что это, кажется, несправедливо; ибо это было прозваніе одной изъ отраслей фамиліи Петиліевъ. Это была фамилія плебейская, которой извѣстны двѣ отрасли, различавшіяся прозваніями: Spurinus и Capitolinus. Не безъ основанія полагаютъ нѣкоторые, что Capitolini прозывались прежде Libones, а получили прозваніе Капитолиновъ по тому случаю, что одинъ изъ нихъ былъ въ числѣ десяти мужей, которые въ 383 году были установлены для надзора за священными книгами, хранимыми въ капитоліи.

33) Ст. 106. Это мѣсто, гдѣ Горацій говоритъ о своемъ отцѣ, напоминаетъ тоже самое въ сатирѣ 6. Оба эти мѣста замѣчательны свѣденіями о воспитаніи Горація и свидѣтельствуютъ о благородной, чувствительной и благодарной душѣ поэта! «И этому человѣку, съ такими чувствами, говоритъ Виландъ, приписывали комментаторы низкія чувства лести! Такъ опасно для писателя, прибавляетъ онъ, имѣть болѣе души и ума, чѣмъ схоліасты и его толкователи.»

34) Ст. 110. *Титъ Ветурій Барръ*, о которомъ говорится еще въ сатирахъ: 6 и 7. По словамъ одного схоліаста, это былъ молодой человѣкъ, насмѣшливый, занятый своею красотою и расточительный. Онъ наконецъ подвергся наказанію за обольщеніе весталки, именемъ: Эмилія.

35) Ст. 114. Всѣ эти лица: *сынъ Альбія*, *Сектанъ* и *Требоній*, совершенно неизвѣстны.

36) Ст. 116. *Мудрый* означаетъ здѣсь философа. Отецъ Горація, человѣкъ простаго званія, и вѣроятно неполучившій тщательнаго воспитанія, не имѣлъ достаточныхъ познаній, чтобы объяснить этотъ предметъ діалектически; и потому предоставляетъ это, современемъ, учителю свѣдущему, философу.

37) Ст. 120. Метафора, взятая отъ способа учить дѣтей плаванію, которыхъ приучали сперва держаться на водѣ, посредствомъ доски, сдѣланной изъ пробочнаго дерева.

38) Ст. 123. Въ подлинникѣ: unum ex judicibus selectis, «одного изъ избранныхъ судей.» Преторъ избиралъ судей изъ сословія всадниковъ, и былъ обязанъ избирать людей честнѣйшихъ и лучшихъ. Горацій хочетъ сказать этимъ выраженіемъ, что отецъ указывалъ ему, для примѣра, на справедливѣйшихъ и самыхъ безукоризненныхъ людей Рима.

39) Ст. 130. Тоже говоритъ о себѣ Горацій: сат. 6 ст. 64—66.

40) Ст. 133. Горацій слѣдуетъ здѣсь правиламъ пиѳагориковъ, которые предписывали не засыпать, не пройдя въ памяти трижды всего, что дѣлалъ въ продолженіе минувшаго дня.

41) Ст. 143. У Горація употреблено здѣсь слово turba, которое я перевелъ словомъ *ватага*. Іудеи, говоритъ при этомъ стихѣ *Ничь*, почитались у римлянъ народомъ, не имѣющимъ терпимости и старающимся обращать другихъ къ своему закону. Извѣстно, что римляне, гордые своей матеріальной силой, мало обращали вниманія на этотъ слабый и презираемый ими народъ, и до такой степени мало его знали, что самъ Тацитъ почиталъ христіанъ за іудейскую секту и обвинялъ въ ненависти къ человѣчеству, (odium generis humani); между тѣмъ какъ христіане почитали закономъ не только любовь къ ближнему, но и ко врагамъ.

САТИРА ПЯТАЯ.

ПОѢЗДКА ВЪ БРУНДУЗІУМЪ. (1)

Послѣ того, какъ оставилъ я стѣны великаго Рима,
Съ ретором Геліодоромъ, ученѣйшимъ мужемъ изъ грековъ, [2]
Въ бѣдной гостинницѣ вскорѣ Арицiя насъ пріютила; [3]
Дальше былъ—Аппіевъ форумъ, [4] весь корабельщиковъ полный
И плутовъ корчмарей! [5] — Мы свой переѣздъ раздѣлили
На два; но кто не лѣнивъ и спѣшитъ, тѣ и въ день проѣзжаютъ.
Мы не спѣшили; дорогой же Аппія ѣхать покойнѣй. [6]
Здѣсь, отъ несвѣжей и мутной воды, повздоривъ съ желудкомъ, [7]
Съ безпокойствомъ я ждалъ, какъ сопутники кончатъ свой ужинъ. [8]
Ночь между тѣмъ разстилала ужь тѣнь, появлялися звѣзды. [9]
Слуги съ владѣльцами лодокъ, а эти съ слугами бранились: [10]
«Эй! причаливай здѣсь!» — «У тебя человѣкъ уже тристa!
Будетъ съ тебя! все полно!» — Но покудова всѣ расплатились [11]
И мула привязали—часъ цѣлый прошелъ!—Комары и лягушки
Не дали спать!—Да лодошникъ пьяный съ какимъ-то проѣзжимъ

Взапуски пѣть принялись про своихъ отдаленныхъ любезныхъ!
Этотъ заснулъ наконецъ; а тотъ, зацѣпивъ за высокой
Камень—свою бечеву, пустилъ мула попастися;
Самъ же на́-спину легъ, и спокойно всхрапнулъ, растянувшись!
Начинало свѣтать; мы лишь тутъ догадались, что лодка
Съ мѣста нейдетъ!—Тутъ, выскочивъ кто-то, какъ бѣшеный, началъ
Бить, то мула, то хозяина, ивовой палкой!—Досталось
Ихъ головамъ и бокамъ!—Наконецъ мы насилу, насилу
На́-берегъ вышли въ четыре часа! [12] — Здѣсь лице мы и руки
Чистой, Фероніа, влагой твоею омывъ, [13] и поѣвши
Вновь протащились три мили, и въѣхали въ Апксуръ, [14] который
Издали виденъ, красиво на бѣлыхъ утесахъ построенъ!
Здѣсь Мецената съ Кокцеіемъ мы поджидали пріѣзда. [15]
Оба отправлены были они съ порученіемъ важнымъ;
Оба привыкли друзей примирять, соглашая ихъ пользы. [16]
Слабый зрѣніемъ, здѣсь я коллиріемъ очи помазалъ. [17]
Прибылъ межь тѣмъ Меценатъ; съ нимъ Кокцеій, и съ нимъ же Фонтеій, [18]
Мужъ во всемъ совершенный; онъ былъ Антонію другомъ,
Какъ никто не бывалъ!—Мы охотно оставили Фунди, [19]
Гдѣ насъ, какъ преторъ встрѣчалъ Ауфидій Косой! [20] — Насмѣялись
Вдоволь мы всѣ, и претекстѣ его, съ пурпуровой прошивкой,
И курильницѣ, пуще всего, сумасшедшаго скриба! [21]
Послѣ, усталые, въ городѣ мы отдохнули Мамурровъ; [22]
Здѣсь намъ Мурена свой домъ предложилъ; Капитонъ угощенье. [23]
Самый пріятнѣйшій день былъ за этимъ для насъ. въ Синуессѣ; [24]
Ибо тутъ съѣхались съ нами—Плотій, Виргилій и Варій, [25]
Чистыя души, которымъ подобныхъ земля не носила,
И къ которымъ сильнѣе меня—никто не привязанъ! [26]

Что за объятія были у насъ, и что за восторги!

Нѣтъ! покуда я въ здравомъ умѣ, ничего не сравняю я съ другомъ!

Близь Кампанійскаго моста потомъ пріютила насъ вилла; [27]

А поставщики соль и дрова намъ прислали, какъ должно. [28]

Въ Капуѣ наши мулы сложили поранѣе ношу; [29]

Меценатъ занялся здѣсь игрой; а я и Виргилій

Сну предались, потому что въ бросаньѣ меча упражняться

Вредно и слабому зрѣнію, вредно и слабымъ желудкамъ! [30]

Миновавши корчмы Каудіума, [31] нѣсколько выше,

Приняты были Кокцеіемъ мы—въ прекраснѣйшей виллѣ.

Муза! повѣдай намъ кратко теперь, какъ въ битву вступили

Мессій Цицирръ и Сарментъ; открой и объ родѣ обоихъ! [32]

Мессій свой родъ знаменитый отъ Осковъ ведетъ; [33] а Сармента

Госпожа—и донынѣ жива: то они подвизались!

Началъ Сарментъ: «Ты похожъ, мнѣ сдается, на дикую лошадь!»

Мы засмѣялись.—А Мессій въ отвѣтъ: «Соглашаюсь!»—И тутъ же

Головою встряхнулъ!—Тотъ вскричалъ: «О! еслибы рогъ твой

Вырѣзанъ не былъ, чего бъ ты не сдѣлалъ, когда и увѣчный

Такъ ты грозишь!»—И подлинно лобъ у него волосистый

Съ лѣвой лица стороны ужасный рубецъ безобразитъ! [34]

Наконецъ потрунивъ надъ его Кампанійской болѣзнью, [35]

Началъ просить онъ его проплясать передъ нами Циклопа.,—

Говоря, что не нужно ему ни котурна, ни маски! [36]

Много на это Цицирръ; и спросилъ наконецъ: «Посвятилъ ли

Ларамъ онъ цѣпи свои, [37] потому что, хотя онъ и служитъ

Скрибомъ; но право надъ нимъ госпожи не уменьшилось этимъ! [38]

И зачѣмъ онъ сбѣжалъ, когда онъ такъ малъ и щедушенъ,

Что довольно и фунта муки для его пропитанья!» [39]

Такъ мы продлили свой ужинъ и весело кончили вечеръ.

Прямо оттуда поѣхали мы въ Беневентъ, [40] гдѣ хозяинъ,
Жаря намъ чахлыхъ дроздовъ, чуть и самъ не сгорѣлъ отъ усердья;
Ибо, разлившись по кухнѣ, огонь—касался ужъ крыши! [41]
Всѣ мы голодные гости, и слуги всѣ наши, въ испугѣ,
Бросились блюда снимать и тушить принялися!—Отсюда
Видны ужъ горы Апулліи, мнѣ столь знакомыя горы! [42]
Сушитъ горячій ихъ вѣтръ!—Никогдабъ мы на нихъ не взобрàлись,
Еслибы не взяли отдыхъ въ сосѣдственной Тривику виллѣ; [43]
Но и то не безъ слезъ, отъ дыма камина, въ которомъ
Сучья сырые съ зелеными листьями вмѣстѣ горѣли!
Здѣсь я обманщицу дѣвочку прóждалъ, глупецъ, до полнóчи;
Наконецъ, какъ лежалъ на спинѣ, въ такомъ положеньѣ
Непримѣтно заснулъ, и во снѣ насладился любовью!

Двадцать четыре потомъ мы проѣхали мили—въ колязкѣ,
Чтобъ прибыть въ городокъ, котораго даже и имя
Въ стихъ не вмѣстишь; [44] но узнàютъ его по примѣтамъ:
Здѣсь продается—простая вода; но хлѣбъ—превосходный,
Такъ что заботливый путникъ въ запасъ нагружаетъ имъ плечи;
Ибо въ Канузѣ хлѣбъ смѣшанъ съ пескомъ, а источника урна
Небогаче водой! [45] — Городокъ же былъ этотъ основанъ
Діомедомъ самимъ. [46] — Здѣсь мы съ Варіемъ грустно разстались.

Вотъ мы пріѣхали въ Руби, уставъ отъ пути чрезвычайно, [47]
Отъ того, что дорога длинна и испорчена стала дождями.
День былъ на утро получше; но въ Баріумъ, рыбой обильный,
Хуже дорога пошла! [48] — За нимъ насъ потѣшила вдоволь
Гнація, городъ, построенный въ гнѣвѣ—нимфъ раздраженныхъ! [49]
Здѣсь насъ хотѣли увѣрить, что будто на прагѣ священномъ

Ладанъ, безъ пламени, таетъ у нихъ! [50] — Одному лишь Апеллѣ
Іудею—повѣрить тому; [51] а не мнѣ: я учился
Вѣрить, что боги безпечно живутъ, и если натура
Чудное что производитъ—не съ неба они посылаютъ! [52]
Такъ въ Брундузіумъ кончился путь, и конецъ описанью!

29 Іюня. 1851.

М.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН 1. САТИРА 5.

—

1) *Брундузіумъ*— нынѣ *Бриндизи*, укрѣпленный городъ и гавань въ нынѣшнемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Terra d'Otranto, при Адріатическомъ морѣ. Для насъ Брундузіумъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ умеръ Виргилій.

Нѣкоторые объяснители полагаютъ, что описанное здѣсь путешествіе Горація, въ сообществѣ Мецената, совершено было въ 713 году отъ основанія Рима, когда Меценатъ ѣздилъ туда для переговоровъ съ Антоніемъ о мирѣ, который дѣйствительно былъ заключенъ въ Брундузіумѣ. Другіе относятъ эту поѣздку къ позднѣйшему времени, именно къ 717 году. Тогда переговоры происходили тоже въ Брундузіумѣ, а миръ былъ заключенъ въ Тарентѣ. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что здѣсь, вмѣстѣ съ Меценатомъ и Кокцеіемъ, находится Фонтеій Капитонъ; а при первыхъ переговорахъ былъ съ нимъ не Фонтеій, а Полліонъ.

Для лучшаго уразумѣнія этаго путешествія, прилагается здѣсь маршрутъ, которому слѣдовалъ Горацій, съ обозначеніемъ дней, станцій и разстояній. Это росписаніе пути составилъ Орелли.

Дни путешествія.	Мѣста.	Римскія мили въ 1000 шаговъ.	Географическія мили.	Стихи сатиры.
	Римъ.			
1	Арриція.	XVI	$3^1/_5$	3
2	Форумъ Аппіевъ	XX	4	4
	(Ночное плаваніе по каналу)	. .	. .	. .
3	Въ 4 часа. Храмъ Фероніи	. .	. .	24
	Анксуръ.	XX	4	26
4	Фунди	XII)	$4^1/_5$	34
	Форміа	XII)		38

Дни путешествія	Мѣста.	Римскія мили въ 1000 шаговъ.	Географическія мили.	Стихи сатиры.
5	Синуесса	xviii)	$4^{1}/_{5}$	30
	Вилла близь Кампанійскаго моста	iii)		46
6	Капуа	xxii	$4^{2}/_{5}$	48
7	Вилла Кокцеія, близь Кауліума	xxi	$4^{1}/_{5}$	53
8	Беневентъ	xii	$2^{2}/_{5}$	73
9	Вилла, близь Тривика	. .	. .	80
10	Equum Tuticum	xxiv	$4^{4}/_{5}$	88
11	Канузіумъ	. .	. .	91
12	Руби	xxiv	$4^{4}/_{5}$	94
13	Баріумъ	xxi	$4^{1}/_{5}$	96
14	Гнація, или Эгнація	xxxvii	$7^{2}/_{5}$	98
15	Брундузіумъ, ... a	xl iv	$8^{4}/_{5}$	104
		cccvi	$61^{1}/_{5}$	. .

Эти $61^{1}/_{5}$ географическихъ миль составляютъ 427 верстъ, 200 саженъ, которыя проѣхалъ Горацій въ 15 дней. На каждый день приходится 25 верстъ съ половиной.

По свидѣтельству схоліаста Порфирія, эта сатира написана Гораціемъ въ подражаніе *Луцилію*, который, въ одной сатирѣ 3 книги, описалъ тоже свое путешествіе изъ Рима до Капуи, а оттуда до Сицилійскаго пролива.

2) Ст. 2. Одинъ Горацій упоминаетъ объ этомъ Геліодорѣ. Названіе *реторъ* показываетъ, что его ремесло было: учить краснорѣчію, или ораторскому искуству. Вѣроятно онъ принадлежалъ къ свитѣ Мецената, (cohortae amicorum); ибо у знатныхъ римлянъ было въ обыкновеніи, между людьми, принадлежащими къ ихъ свитѣ, держать и греческихъ ученыхъ.

3) Ст. 3. Аricіа, небольшой городъ Лаціума на Аппіевой дорогѣ. Нынѣшнее его имя: Rizza.

4) Ст. 4. Forum Appii, Аппіевъ рынокъ, городокъ Лаціума, въ землѣ Волсковъ, въ Понтинскихъ болотахъ. Аппій Клавдій устроилъ чрезъ эти болота плотину; а потомъ Августъ велѣлъ прорыть каналъ отъ Аппіева форума до храма Феронiи.

5) Ст. 5. Не въ первый разъ содержателей гостинницъ называетъ Горацій плутами. Тоже встрѣчается: сат. 1 ст. 38. Это потому, какъ объясняютъ нѣкоторые, что они поддѣлывали вина разною примѣсью.

6) Ст. 7. Аппіева дорога была первая въ Римской имперіи, которую вздумали вымостить. Она была устроена изъ гладкихъ мѣлвичныхъ камней, обдѣланныхъ четвероугольными плитами и такъ плотно соединенныхъ, что нельзя было замѣтить ме-

жду ними спаекъ. Она была столь прочно сдѣлана, что еще во время Юстиніана сохранялась неповрежденною, и столь отличалась красотою отдѣлки, что по справедливости называлась regina viarum. Кромѣ того на ней было много гостинницъ. Вотъ почему эта дорога была во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе для проѣзжающихъ. Аппій началъ эту дорогу отъ Porta Capena и довелъ ее только до Капуи; а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ до горы, на которой стоялъ Анксуръ; потому что въ его время провинціи, лежащія далѣе, не принадлежали еще римлянамъ. Впослѣдствіи провели ее до крайнихъ предѣловъ Италіи, до самаго Іоническаго моря. Юлій Цезарь, бывши надзирателемъ этой дороги, употребилъ на нее большія суммы, и довелъ ее до того совершенства, въ которомъ она была во время Горація.

7) Ст. 8. Вода Аппіева форума была именно потому дурна, что онъ былъ окруженъ болотами.

8) Ст. 9. Горацій прибылъ въ Аппіевъ форумъ вечеромъ, и въ ту же ночь отправился далѣе, по каналу. Страбонъ говоритъ, что это плаваніе всегда совершалось ночью. Вѣроятно потому, какъ думаютъ нѣкоторые объяснители, чтобы менѣе быть обезпокоену испареніями болота, которыя въ бо́льшемъ количествѣ извлекаемы были лучами солнца.

9) Ст. 10. Этотъ стихъ и въ подлинникѣ написанъ слогомъ, нѣсколько выше разговорнаго.

10) Ст. 11. По каналу плыли путешественники *бечевой*; судно тянули посредствомъ привязаннаго къ нему мула, ступавшаго берегомъ. Погонщикъ мула вѣроятно шелъ тоже по берегу, и воспользовавшись темнотою ночи и сномъ своихъ пасажировъ, онъ, какъ видно изъ сатиры, отвязалъ мула и пустилъ его пощипать травы, а самъ легъ и заснулъ.

11) Ст. 13. Плату за переѣздъ лодошники получали впередъ; потому, передъ отъѣздомъ, и надобно было разсчитываться.

12) Ст. 24. Римляне болѣе 450 лѣтъ не знали раздѣленія времени на часы дня и ночи; они начали употреблять это дѣленіе за нѣсколько лѣтъ до войны съ Пирромъ. Двѣнадцать таблицъ раздѣляютъ день на три времени: восходъ солнца, полдень и закатъ. Когда введено было исчисленіе дня и ночи часами, они дѣлили и день и ночь на 12 часовъ, безъ отношенія ко времени года; и потому ихъ часы были неодинаковаго продолженія времени. Отъ весенняго равноденствія до осенняго дневные часы были длиннѣе ночныхъ; а отъ конца сентября до конца марта, на оборотъ, ночные часы были длиннѣе. Здѣсь «въ четыре часа» значитъ—послѣ восхода солнца.

13) Ст. 25. Feronia—была древняя италійская богиня, или нимфа, которой, задолго еще до построенія Рима, воздавали честь и Латины и Сабинцы. Она почиталась у древнихъ народовъ Италіи богинею свободы. Въ послѣдствіи времени она была названа Iuno Feronia. Въ трехъ тысячахъ шагахъ, т. е. въ трехъ римскихъ миляхъ

города Анксура находились посвященныя ей, древній лѣсъ и храмъ, гдѣ путешественники, проѣзжая мимо, воздавали ей поклоненіе.

14) Ст. 26. Anxur или Axur, древній городъ Волсковъ, который былъ построенъ на высокой горѣ и казался висящимъ надъ помптинскими болотами. Имя Anxur происходитъ отъ прозванія Юпитера, которому покланялись тамъ подъ этимъ именемъ. Греки называли этотъ городъ Trachina, изъ чего составилось позднѣйшее его имя Tarracina. Онъ существовалъ еще во время Горація; но мало по малу жители переселились къ подошвѣ горы: древній городъ превратился въ развалины; а новый назывался только Tarracina. Нынѣ называется онъ *Террачина*.

15) Ст. 28. *М. Кокцеій Нерва*, знаменитый юриспрудентъ и мужъ государственный того времени. Другъ и Октавіана, и Антонія, онъ не принадлежалъ собственно ни къ какой партіи; но посредствомъ своего благоразумія, умѣренности и праводушія былъ и той и другой сторонѣ пріятенъ и нуженъ. Онъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Луціемъ Гелліемъ Публиколою. Императоръ Нерва былъ правнукъ этаго Кокцеія.

16) Ст. 30. Меценатъ и Кокцеій, со времени мира, заключеннаго чрезъ ихъ посредство, осенью 714 года, между тріумвиромъ Антоніемъ и молодымъ Цезаремъ, не переставали заботиться о приведеніи въ нѣкоторое равновѣсіе дѣлъ двухъ соперниковъ, споривщихъ объ обладаніи. По этой-то причинѣ говоритъ Горацій о Меценатѣ и Кокцеіѣ—aversos soliti componere amicos, «привыкшіе примирять друзей въ ихъ разногласіяхъ.»—«Слѣдовательно, (замѣчаетъ Виландъ) порученіе, по которому, въ этотъ разъ, Меценатъ и Кокцеій ѣхали въ Брундузіумъ, должно было относиться именно къ 717 году, а не къ 714, какъ полагали нѣкоторые коментаторы.» См. примѣч. 1.

17) Ст. 31. Въ подлинникѣ nigra colliria.

18) Ст. 32. Полагаютъ, что это былъ отецъ К. Фонтеія Капитона, который въ 765 году былъ Консуломъ. Впрочемъ, о немъ ничего неизвѣстно.

19) Ст. 34. Fundi—небольшой городокъ, недалекій отъ Анксура, или Террацины. Онъ въ 9 вѣкѣ былъ разрушенъ Сарацинами.

20) Ст. 35. Aufidius Luscus.—Я почелъ нужнымъ перевести прозваніе Luscus, и назвать его въ переводѣ *Ауфидій Косой*, потому что Горацій, писавши это имя, вѣроятно имѣлъ въ виду его буквальное значеніе, и поставилъ его не безъ намѣренія посмѣяться.

Ауфидіи были всѣ родомъ изъ Фунди; Ливія, со стороны матери, принадлежала къ той же фамиліи. Въ колоніяхъ и городахъ муниципальныхъ были тѣ же должностныя лица, какъ и въ Римѣ. Но здѣсь, относительно званія Ауфидія Луска, представляется то затрудненіе, что городъ Фунди былъ съ самаго начала только префектурой; а потомъ, хотя онъ и сдѣлался городомъ муниципальнымъ, однако не пользовался всѣми соединенными съ этимъ правами, т. е. не избиралъ правительствен-

ныхъ лицъ, изъ среды своихъ гражданъ, а получалъ ихъ отъ Рима. И потому онъ не имѣлъ собственно такъ называемаго претора. Впрочемъ, по свидѣтельству Феста, было два рода префектуры: одна, когда Римъ назначалъ префекта, избраннаго народомъ; а другая, когда преторъ Рима присылалъ ежегодно правительственныя лица, какъ напр. въ Фунди, въ Формію, и проч. И такъ этотъ Ауфидій Лускусъ былъ конечно правитель города, присланный преторомъ Рима; но онъ, вѣроятно, какъ повѣренный претора, самъ представлялъ изъ себя претора. Такъ думаетъ Дасье. А Санадонъ говоритъ, что неизвѣстно, зависѣла ли его власть отъ римскаго претора, или онъ получилъ ее отъ города Фунди, котораго онъ, можетъ быть былъ дѣйствительно преторомъ.

21) Ст. 37. Это мѣсто изъяснить трудно. Горацій называетъ здѣсь тогу претексту и latus clavus—наградою скрипа; можетъ быть потому, что въ колоніяхъ и городахъ муниципальныхъ обыкновенно достигали префектуры — скрибы. Титъ Ливій, въ кн. 23 говоритъ наприм. о преносцахъ: Caeteri incolumes Praeneste cum praetore suo Manicio, scriba is antea fuerat, redierunt. «Другіе невредимо достигли пренесты, съ преторомъ своимъ Маниціемъ, который прежде былъ скрибомъ.» — Тога претекста давалась въ награду этой должности. Впрочемъ, какъ видно изъ 34 кн. гл. 7 Тита Ливія, она давалась весьма многимъ чиновникамъ, и не такъ была важна, какъ мы воображаемъ. Вотъ слова его изъ рѣчи Л. Валерія: Purpura viri utemur, praetextati in magistratibus, in sacerdotiis; liberi nostri praetextis purpura togis utentur; *magistratibus in coloniis municipiisque, hic Romae infima generi magistris vicorum togae praetextae habende jus permittemus*; nec id ut vivi solum habeant tantum insigne, sed etiam ut cum eo crementur mortui; feminis duntaxat purpurae usum interdicimus? «Мы, мужчины, употребляемъ претексту, обложенную пурпуромъ, будучи и судьями и священниками; наши дѣти тоже носятъ тогу, обложенную пурпуромъ; *мы позволяемъ носить тогу претексту должностнымъ лицамъ въ колоніяхъ и въ городахъ муниципальныхъ; здѣсь, въ Римѣ, самаго низкаго разряда начальники, надзиратели городскихъ частей, имѣютъ право* не только *носить тогу претексту* во время своей жизни, но и по смерти быть сожигаемыми съ нею: не ужели мы однимъ женщинамъ запретимъ ея употребленіе?»

Курильница, которую несли передъ Ауфидіемъ, тоже возбудила много толкованій между объяснителями Горація; какъ-бы то ни было, но это должно приписать той же торжественной важности, которую хотѣлъ себѣ придать Ауфидій при встрѣчѣ Мецената.

22) Ст. 38. Городокъ Formiae былъ родиной нѣкоего Мамурры, человѣка низкаго происхожденія, который однако при Цезарѣ былъ въ Галліи praefectus fabrorum: званіе неважное, но въ которомъ онъ умѣлъ такъ обогатиться, что первый обложилъ домъ свой мраморомъ. Городъ Мамурровъ, какъ называетъ Горацій Формію, это просто насмѣшка, и надъ Мамурромъ, и надъ городомъ.

23) Ст. 39. *Мурена*— братъ Лициніи, которая впослѣдствіи была за мужемъ за

Меценатомъ. Этотъ Мурена, лѣтъ 16 или 17 послѣ того, былъ осужденъ на смерть за заговоръ противъ Августа.

24) Ст. 40. Послѣдній городъ Лаціума на границѣ Кампаніи, между Лириса и Пультурна. Онъ былъ названъ Синуессою, потому что стоялъ на берегу моря, при заливѣ Sinus Setinus.

25) Ст. 41. Три эпическіе поэта Августова времени. О Варіѣ знаемъ мы изъ Горація, что онъ воспѣлъ войны Августа. Плотій и Варій встрѣчаются опять въ 10 сатирѣ, 1 кн. въ числѣ избранныхъ людей, которымъ нравится Горацій.

26) Ст. 43. Нѣкоторые переводятъ этотъ стихъ такъ: «И которымъ больше меня никто не обязанъ.» Если принять сей послѣдній смыслъ, то можно объяснить его развѣ тѣмъ, что Виргилій и Варій познакомили Горація съ Меценатомъ (см. сат. 6). Въ такомъ случаѣ это будетъ относиться косвенно къ счастію быть извѣстнымъ Меценату и принадлежать къ кругу этаго вельможи. Но мнѣ кажется, что натягивая такимъ образомъ объясненіе поэта, рискуешь иногда придать ему намѣреніе, котораго у него не бывало. Я предпочелъ простое выраженіе безкорыстной привязанности къ друзьямъ, которое сообразнѣе съ благороднымъ характеромъ Горація.

27) Ст. 46. Географы не согласны въ мѣстоположеніи этаго моста. Если онъ былъ на Вультурнѣ, то это долженъ быть мостъ Касилійскій, который былъ миляхъ въ пяти отъ Капуи. Это разстояніе довольно согласно съ тѣмъ, что говоритъ Горацій, что они пріѣхали туда рано.

28) Ст. 47. По обычаю, введенному будто бы консуломъ Луціемъ Постуміемъ, всѣмъ служебнымъ лицамъ, ѣдущимъ по дѣламъ государства, по Италіи и по всѣмъ римскимъ провинціямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они останавливались ночевать, должно было отпускать безденежно все самонужнѣйшее для ихъ продовольствія. Такъ какъ многіе пользовались этимъ правомъ къ отягощенію провинцій, то законъ, (Lex Iulia de provinciis) ограничилъ эту подать буквально *дровами и солью*. Тѣ, которые были приставлены къ поставкѣ этихъ самонужнѣйшихъ предметовъ, назывались magistri pagorum. Горацій называетъ ихъ parochi, что я перевелъ словомъ *поставщики*. Мѣста же, гдѣ можно было этаго требовать, назывались *parochiae*.

29) Ст. 48. Капуя, главный городъ Кампаніи. Нынѣшняя Капуя не та, которая была въ древности. Древняя была двѣ географическихъ мили выше; ея развалины еще видны. По недалекому ея разстоянію отъ мызы, близь Кампанійскаго моста, гдѣ путешественники ночевали, должно предполагать, что они пріѣхали около полудня.

30) Ст. 51. Горацій былъ слабъ глазами, а Виргилій подверженъ боли въ животѣ. И потому этотъ стихъ относится къ обоимъ. Игра въ мячь требуетъ напряженія зрѣнія, чтобы попасть въ цѣль, и излишняго движенія, которое волнуетъ кровь: первое было вредно самому Горацію; второе Виргилію.

31) Ст. 52. Старинный городокъ Самнитянъ, Caudium, находился на половинѣ дороги между Капуи и Беневента; вѣроятно недалеко отъ него находились тѣ корчмы,

или постоялые дворы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Горацій. Такъ какъ Кокцеій имѣлъ по близости загородный домъ, то естественно, что онъ не допустилъ своихъ спутниковъ остановиться въ корчмѣ, а принялъ и угостилъ ихъ въ своемъ домѣ.

32) Ст. 55. Знатные Римляне любили за обѣдомъ веселое общество, и особенно любили забавниковъ, которые назывались scurras. Кокцеій, кажется, нарочно пригласилъ *Мессія Цицирра*, чтобы другому шуту *Сарменту* выставить достойнаго соперника. Сарментъ же вѣроятно былъ въ свитѣ Мецената. Это, должно думать, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Плутархъ въ жизни Антонія, какъ о фаворитѣ Цезаря, и о которомъ говоритъ Ювеналъ въ сатирѣ 5-й. Имя *Цицирръ*, какъ полагаетъ Санадонъ, было прозвище, взятое съ греческаго: kikirrhos; что означаетъ: пѣтухъ.

Здѣсь Горацій, приступая къ единоборству этихъ шутовъ, съ намѣреніемъ возвышаетъ тонъ и призываетъ эпическую музу, въ шутливомъ подражаніи Гомеру, почему я и перевелъ это мѣсто старинным высокимъ слогомъ: «Муза! *повѣдай* теперь, какъ въ битву вступили,» и проч.—«Открой и объ родѣ обоихъ.» Это тоже подражаніе эпическимъ поэмамъ, въ которыхъ, особенно у Гомера, не забывается и родъ героевъ.

33) Ст. 56. Это указаніе Горація на родовое происхожденіе Мессія Цицирра—не безъ намѣренія: одно оно показываетъ уже, что этотъ герой былъ человѣкъ безчестный и мошенникъ; ибо Оски, прибрежный народъ Кампаніи славились безчестною жизнію, особенно жители Капуи, которые были настоящіе Оски. Извѣстно, что Аннибалъ, останавливался въ роскошной Капуѣ, увлеченный ея наслажденіями.

34) Ст. 63. Горацій объясняетъ самъ, почему Сарментъ сказалъ Мессію, что у него вырѣзанъ рогъ: у него на лѣвой сторонѣ лба былъ рубецъ.

35) Ст. 64. Кампанійскою болѣзнію названы здѣсь бородавки, надъ которыми смѣется Сарментъ, потому что самъ онъ былъ красавецъ. А о красотѣ его нельзя сомнѣваться, потому что онъ, какъ упомянуто выше, былъ, нѣкоторымъ образомъ, Ганимедомъ молодаго Цезаря, т. е. Августа. По свидѣтельству одного схоліаста, бородавки были обыкновенны у Кампанійцевъ.

36. Ст. 65. Римляне очень любили пантомимныя пляски. Онѣ были разнаго рода: трагическія, эротическія, комическія, и проч. Къ послѣднимъ принадлежала и циклопская. Такъ какъ циклопы были огромнаго роста и безобразны (см. Одисс.): то само собою разумѣется, что для этой пляски нужны были котурны и безобразная маска. Изъ словъ Сармента должно заключить, что Цицирръ былъ высокъ ростомъ и безобразенъ: потому-то ему и ненужно было ни котурновъ ни маски. Это предложеніе должно было чрезвычайно разсмѣшить всѣхъ собѣсѣдниковъ.

37) Ст. 68. Сарментъ задѣлъ Цицирра его безобразіемъ; а этотъ отплатилъ ему его низкимъ родомъ и рабскимъ состояніемъ. Изъ словъ Цицирра должно заключить, что Сарментъ бѣжалъ отъ госпожи своей, потому что вольноотпущенные, по полу-

цепи свободы, освобождаясь отъ какого нибудь ремесла, посвящали богамъ орудія, къ нему принадлежащія; такъ, у Луціана, Тимонъ посвящаетъ Пану свою кожаную одежду и заступъ. Цицирръ совѣтуетъ Сарменту посвятить богамъ свои цѣпи, желая тѣмъ показать, что онъ, какъ самый низкій рабъ, работалъ въ оковахъ. Но почему именно Ларамъ? Можетъ быть потому, думаютъ нѣкоторые, что принадлежа къ самому низкому разряду рабовъ, онъ, въ своемъ невѣжествѣ, не имѣлъ понятія ни о какихъ другихъ богахъ, кромѣ домашнихъ; или потому что бѣглому всего лучше казалось искать защиты Ларъ, боговъ-покровителей.

38) Ст. 69. Приличіе требовало, чтобы люди, подобные Сарменту, имѣли какое нибудь публичное званіе, дабы имѣть нѣкоторое право на короткое обращеніе съ такими лицами, какъ Августъ и Меценатъ; званіе, которое возвышало бы ихъ нѣсколько надъ чернымъ народомъ, къ которому они принадлежали. Должность, или просто титулъ *скриба*, было одно изъ отличій этаго рода; ибо, сколь ни было оно незначительно, однако тѣ, которые были записаны въ коллегіи скрибовъ, почти равнялись *новымъ всадникамъ*. Совсѣмъ тѣмъ, такъ какъ онъ не былъ законно отпущенъ на волю, то госпожа его сохраняла полное надъ нимъ право; а право это было не шуточное, ибо рабы были у римлянъ не лицемъ, а вещію. Титулъ скриба нисколько не освобождалъ его отъ этой власти.

39) Ст. 71. Каждый господинъ долженъ былъ давать своему рабу на пропитаніе ежемѣсячно по четыре модія ячменю, что составляло на день отъ трехъ до четырехъ фунтовъ печенаго хлѣба. Мессій Цицирръ хочетъ сказать этимъ Сарменту, что такъ какъ ему достаточно въ день и одного фунта муки, то у него отъ мѣсячнаго продовольствія были бы и остатки; а потому не для чего было ему бѣжать отъ госпожи своей.

40) Ст. 73. *Беневентъ* городъ въ землѣ Самнитовъ; а по нѣкоторымъ—въ землѣ Гарпиновъ.

41) Ст. 75. Очаги дѣлались у римлянъ посреди комнаты и не имѣли надъ собою каменнаго навѣса, или колпака, и потому огонь, разгорѣвшійся сильно, необходимо долженъ былъ достигать до потолка, или, если не было потолка, то до самой крыши.

42) Ст. 78. Отъ Беневента открываются горы Апулліи, которыя Горацій называетъ знакомыми, потому что тамъ была его родина, гдѣ онъ провелъ младенчество.

43) Ст. 80. Trivicum—городъ въ Апулліи. Нѣкоторые полагаютъ, что это нынѣшній городъ Trevico; другіе, что здѣсь упоминается не о самомъ городѣ Тривикѣ: ибо онъ былъ не на Аппіевой дорогѣ. Впрочемъ Горацій говоритъ здѣсь только о виллѣ, сосѣдственной Тривику.

44) Ст. 88. По мнѣнію нѣкоторыхъ это городокъ Equus Tuticus, или Equotuticum; другіе находятъ топографическія причины не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

45) Ст. 93. Канузіумъ—небольшой городокъ на Авфидіѣ (см. сат. 1 примѣч. 7). Эта небольшая рѣка, собственно источникъ, почти пересыхала лѣтомъ; но въ полноводіе, особенно зимою, была чрезвычайно быстра, и несла въ водахъ своихъ много

песку и грязи. По этому не мудрено, что въ Канузіумѣ былъ недостатокъ воды. Филостратъ говоритъ, что надобно было провести воду изъ другихъ мѣстъ, чтобы сдѣлать Канузіумъ обитаемымъ.

46) Ст. 93. Было преданіе, что Діомедъ по возвращеніи съ войны троянской, приставъ къ берегамъ Апуліи, вышелъ на берегъ, покорилъ жителей и построилъ многія города, какъ-то Беневентъ, Эквотутіумъ, Арпи, Канузіумъ, и проч.

47) Ст. 94. Рубп—тоже небольшой городокъ Апуліи, отстоящій довольно далеко отъ Эквотутіума, (если это точно тотъ городъ, котораго не упомянулъ Горацій, по невмѣстимости въ стихъ его имени). И потому немудрено, что путешественники устали отъ дороги: дорога была дурна, да и переѣздъ длинный.

48) Ст. 97. Баріумъ—приморскій городокъ Апуліи; потому и обильный рыбою. Можно бы, думаю, перевести просто словомъ: *рыбный*, какъ у Горація: piscosus; тѣмъ болѣе, что и у насъ говорится: *городъ рыбный*, *сторона рыбная*. Но мнѣ показалось, что это будетъ несовсѣмъ ясно.

49) Ст. 98. Гнація, (или правильнѣе Egnatia), городокъ Апуліи, между Баріума и Брундузіума. Гнація, по своему мѣстоположенію, подвержена была частымъ опустошеніямъ отъ сильныхъ водъ, текущихъ съ сосѣдственныхъ горъ. Такъ объясняетъ одинъ схоліастъ слова Горація: «въ гнѣвѣ Нимфъ.» А другіе разумѣютъ подъ этимъ недостатокъ воды въ этомъ городкѣ.

50) Ст. 100. Чудо, въ которомъ хотѣли увѣрить Горація тамошніе жители, упоминается и Плиніемъ, какъ обстоятельство, упоминаемое другими писателями. (H. N. lib. 2 c. 107). «У нихъ былъ, говоритъ онъ, священный камень, на которомъ дрова загорались сами собою.»—Солинъ разсказываетъ почти тоже о нѣкоторомъ волканическомъ холмѣ, недалеко отъ Агригентскаго озера, въ той же сторонѣ Сициліи, гдѣ, по свидѣтельству Страбона, былъ найденъ источникъ, по поверхности котораго плавало каменное масло. Древніе, какъ замѣчаетъ Виландъ, были, какъ извѣстно, лѣнивы и хладнокровны къ испытанію явленій подобнаго рода. Къ этому надобно прибавить, что физика древнихъ была въ состояніи младенчества; а химіи у нихъ не существовало.

51) Ст. 101. Кто этотъ Іудей Апелла, неизвѣстно. Нечего приводить мнѣнія толкователей, потому что всѣ они не объясняютъ ничего.

52) Ст. 103. Въ физикѣ, (которую древніе причисляли къ ѳеологіи), Горацій слѣдовалъ, кажется, Лукрецію, и былъ еще въ то время, (какъ самъ говоритъ онъ о себѣ въ одной одѣ): parcus deorum cultor et infrequens; т. е. «скупой и рѣдкій поклонникъ боговъ». Эта сатира написана, какъ полагаютъ, въ 717 г. отъ основ. Р., когда Горацію было 28 лѣтъ; а первая книга одъ, въ которой находится ода 34, свидѣтельствующая о его обращеніи къ богопочитанію, издана въ 733 году: тогда было ему уже 44 года. Между этой сатирой и тою одой прошло 16 лѣтъ; а лѣта перемѣняютъ человѣка.

САТИРА ШЕСТАЯ.

О БЛАГОРОДСТВѢ.

Нѣтъ Меценатъ, хоть никто изъ Лидійцевъ не равенъ съ тобою
Знатностью рода—изъ всѣхъ, на предѣлахъ Этруріи жившихъ, [1]
Ибо, предки твои, по отцу и по матери, были
Многіе въ древнее время, великихъ вожди легіоновъ: [2]
Нѣтъ! ты орлиный свой носъ поднимать передъ тѣми не любишь, [3]
Кто неизвѣстенъ, какъ я, сынъ раба, получившаго волю!
Ты говоришь, что нѣтъ нужды тебѣ, отъ кого кто родился,
Только бъ былъ самъ благороденъ; [4] что многіе даже и прежде
Туллія, также какъ онъ, произшедши изъ низкаго рода, [5]
Жили, храня добродѣтель, и были безъ знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левинусъ, потомокъ Валерія, [6] коимъ
Гордый Тарквиній былъ свергнутъ съ царскаго трона и изгнанъ,
Римскимъ народомъ всегда—не болѣе асса цѣнился!
Римскимъ народомъ, котораго судъ и правдивость ты знаешь;
Этимъ безумнымъ народомъ, который всегда недостойнымъ

Почести радъ расточать; безъ различія рабствуя славѣ,
Титламъ и о́бразамъ предковъ всегда безъ разбора дивится! [7]
Что тутъ намъ дѣлать, далекимъ отъ низкихъ его предразсудковъ!
Пусть же Левпнусу онъ, а не Децію, новому родомъ, [8]
Важныя должности сталъ бы ввѣрять; пусть я, какъ рожденный
Несвободнорожденнымъ отцемъ, чрезъ ценсора Аппія былъ бы
Выгнанъ: [9] мнѣ и за дѣло, что я не въ свою бы лѣзъ кожу! [10]
Но вѣдь слава стремитъ за блестящей своей колесницей
Низкаго рода людей, какъ и знатныхъ!—Что прибыли, Тиллій,
Что снявъ пурпуръ, опять ты надѣлъ, и сталъ снова трибуномъ? [11]
Только что нажилъ завистниковъ ты; а ты ихъ и незналъ бы,
Еслибъ остался простымъ гражданиномъ: за тѣмъ, что какъ скоро
Ноги обуетъ у насъ кто въ ботины, [12] грудь въ пурпуръ одѣнетъ,
Тотчасъ вопросы: «кто онъ? отъ какого отца онъ родился?»
Точно, какъ Баррусъ, [13] который престранной болѣзнію боленъ,
Именно страстью красавцемъ прослыть—куда ни пошелъ бы,
Какъ-то всегда онъ дѣвицамъ умѣетъ внушить любопытство
Все разсмотрѣть въ немъ, и станъ, и стройную ногу, и зубы,
Даже и волосы: такъ между нами—и тотъ, кто спасенье
Гра́жданамъ, Риму, имперіи, цѣлой Италіи, храмамъ
Нашихъ боговъ—обѣщалъ, [14] возбуждаетъ заботу провѣдать:
Кто былъ отецъ у него, и кто мать, не изъ низкаго ль рода?...
«Какъ же ты смѣешь, сынъ Сира, раба, [15] Діонисія, Дамы,
Гра́жданъ съ Тарпейской скалы низвергать, [16] или Кадму—для казни
Ихъ предавать? [17] — Да и Новій, товарищь мой, степенью цѣлой
Ниже меня!—Ну что́ онъ?—Что былъ мой отецъ, онъ такой же!» [18]
— Что же! иль думаешь ты, что самъ ты Мессала, иль Павелъ? [19]
Этотъ вѣдь Новій за то, какъ ему попадутся навстрѣчу

Въ форумѣ двѣсти тѣлегъ, да хоть три погребенья, такъ крикнетъ,
Что и голосъ трубы заглушитъ: онъ за то и въ почетѣ! [20]
Но обращусь на себя я!—За что на меня нападаютъ?
Нынче за то, что бывъ сыномъ раба, получившаго вольность,
Близокъ къ тебѣ, Меценатъ; [21] а прежде за то, что трибуномъ
Былъ я, и римской имѣлъ легіонъ подъ начальствомъ! [22]
Въ этомъ есть разница!—Можно завидовать праву начальства;
Но не дружбѣ твоей, избирающей только достойныхъ!
Я не скажу, чтобъ случайному счастью я тѣмъ былъ обязанъ!
Нѣтъ! не случайность меня указала тебѣ, а Виргилій,
Мужъ превосходный, и Варій—тебѣ обо мнѣ разсказали!
Въ первый разъ, какъ вошелъ я къ тебѣ, я сказалъ два-три слова:
Робость безмолвная мнѣ говорить предъ тобою мѣшала!
Я не пустился въ разсказъ о себѣ, что высокаго рода,
Что поля объѣзжаю свои на конѣ сатурейскомъ; [23]
Просто сказалъ я, кто я.—Ты отвѣтилъ мнѣ тоже два слова;
Я и ушелъ.—Ты меня черезъ девять ужь мѣсяцевъ вспомнилъ;
Снова призвалъ, и дружбой своей удостоилъ! [24] — Горжуся
Дружбою мужа, который честныхъ людей отличаетъ
И не смотритъ на родъ, а на жизнь и на чистое сердце!
Впрочемъ, природа дала мнѣ, съ прямою душею, иные
Тоже, какъ всѣмъ, недостатки: правда немного, подобно
Пятнамъ на тѣлѣ прекрасномъ. Но если ушелъ отъ упрека
Въ скупости, въ подлости, въ низкомъ, постыдномъ развратѣ;
Если я чистъ и невиненъ душой и друзьямъ драгоцѣненъ,
(Можно же въ правдѣ себя похвалить), я отцу тѣмъ обязанъ!
Бѣденъ онъ былъ и владѣлъ не обширнымъ, не прибыльнымъ полемъ.
Но не хотѣлъ посылать онъ меня для ученія къ Флавію въ школу, [25]

Въ школу, куда благородныя дѣти центуріоновъ, [26]
Съ сумкой, висящей на лѣвой рукѣ, и съ табличкой—ходили
Обучаться проценты по идамъ считать, и просрочку; [27]
А рѣшился онъ мальчика въ Римъ отвезти, чтобы тамъ онъ
Тѣмъ же учился наукамъ, которымъ у римлянъ и всадникъ
И сенàторъ своихъ обучаютъ дѣтей! [28] — Посмотрѣвши
Платье мое и рабовъ провожàтыхъ, иной бы подумалъ,
Что расходъ на меня—мнѣ въ наслѣдство оставили предки!
Нѣтъ! самъ отецъ мой всегда былъ при мнѣ, мой безмездный хранитель;
Самъ, при учителяхъ, тутъ же сидѣлъ!—Что скажу я?—Во̀ мнѣ онъ
Спасъ непорочность души, красоту добродѣтелей нашихъ,
Спасъ отъ поступковъ меня онъ, спасъ и отъ мыслей безчестныхъ!
Онъ не боялся упрека, что нѣкогда буду я тоже,
Что̀ онъ и са́мъ былъ: публичный глашатай, иль сборщикъ; [29] что буду
Малую плату за трудъ получать!—Я и тутъ не роптàлъ бы!
Нынѣ-жь за это ему воздаю похвалу я тѣмъ болѣ,
И тѣмъ болѣ ему благодарностью вѣчной обязанъ!
Нѣтъ! покуда я смыслъ сохраню, сожалѣть я не буду,
Что такого имѣлъ я отца; не скажу, какъ другіе,
Что не я виноватъ, что отъ предковъ рожденъ не свободныхъ!
Нѣтъ! ни въ мысляхъ моихъ, ни въ словахъ, я не сходствую съ ними!...
Еслибъ природа намъ прежніе годы, прожитые нами,
Вновь возвращала, и новыхъ родителей мы избирали,
Всякой бы выбралъ другихъ—честолюбія гордаго въ мѣру:
Я же никакъ не хотѣлъ бы родителей, коихъ отличье—
Ликторовъ пуки и кресла курульныя!—Можетъ быть черни
Я показалсябъ безумцемъ; но ты бы призналъ мой разсудокъ,
Въ томъ, что не взялъ на себя я заслпаго бремени тягость:

Ибо тогда бы мнѣ должно свое умножать состояпье;
Въ многихъ искать; звать того и другаго въ деревню;
Множество слугъ и конéй содержать и имѣть колесницу!
Нынче—могу я въ Тарентъ на кургузомъ мулѣ отправляться,
У котораго спину натеръ чемоданъ мой, а всадникъ
Вытеръ бока!—И никто мнѣ не скажетъ за это упрека
Въ скупости, такъ какъ тебя упрекаютъ всѣ, Тиллій, когда ты
Ѣдешь, какъ преторъ тибурской дорогой, [30] и пятеро слѣдомъ
Юныхъ рабовъ, кто съ лоханью, кто съ коробомъ винъ! —Отъ того мнѣ
Право спокойнѣе жить, чѣмъ тебѣ знаменитый сенаторъ!
Да спокойнѣй и многихъ другихъ!—Я, куда пожелаю,
Отправляюсь одинъ; самъ справляюсь о цѣнности хлѣба,
Самъ о цѣнѣ овощей; плутовскимъ пробираюся циркомъ; [31]
Пóдъ-вечеръ часто и въ фóрумъ—гадателей слушать; оттуда
Я къ пирогу, къ овощáмъ—и домой! [32] — Нероскошный мой ужинъ
Трое рабовъ подаютъ. [33] — На мраморѣ бѣломъ два кубка
Вмѣстѣ съ ціатомъ стоятъ; [34] простая солонка и чаша,
И рукомойникъ—посуды простой, кампанійской работы! [35]
Спать я иду, не заботясь о томъ, что мнѣ надобно завтра
Рано вставать, и на площадь, гдѣ Марсій кривляется бѣдный,
Въ знакъ, что онъ младшаго Новія даже и видѣть не можетъ! [36]
Сплю до четвертаго чáса; [37] потомъ, погулявши, читаю,
Или пишу, про себя, что нибудь, что меня занимаетъ;
Послѣ я масломъ натрусь; не такимъ, какъ запачканный Нáта, [38]
Краденнымъ имъ изъ ночныхъ фонарей!—Тутъ, ежели солнце
Жаромъ меня утомитъ и напомнитъ о бáнѣ прохладной,
Я отъ жара укроюсь туда!—Насыщаюсь нежадно,
Ѣмъ, чтобъ быть сыту и легкимъ весь день сохранить мой желудокъ!

Дома потомъ отдохну.—Жизнь подобную только проводятъ
Люди, свободные вовсе отъ узъ честолюбія тяжкихъ!
Я утѣшаюся тѣмъ, что пріятнѣй живу, чѣмъ когда бы
Дѣдъ мой, отецъ, или дядя, были бы квесторы Рима.

28 Дек. 1848.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТ. 6.

—

1) Ст. 2. Горацій слѣдуетъ здѣсь общему преданію, утверждавшемуся на Геродотѣ, по свидѣтельству котораго Этруски, (впослѣдствіи: Тосканцы), будто бы происходили отъ одной Лидійской колоніи, приведенной туда Тирренеемъ, сыномъ царя Атиса. Неосновательность этаго преданія, которое уже Діодоръ Сицилійскій называетъ сказкою, опровергается розысканіями новѣйшихъ ученыхъ. Діодоръ говоритъ даже, что Этруски ничего не имѣли общаго съ другими народами, ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, и что они были родовые туземцы земли, ими обитаемой. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ преданіе это существовало, то Горацій, какъ поэтъ, имѣлъ полное право имъ воспользоваться.

3. Ст. 4. Кто были предки Мецената, начальствовавшіе легіонами, это неизвѣстно. Въ фастахъ (лѣтописяхъ) римской республики нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы фамилія, изъ которой происходилъ Меценатъ, была отличена высокими званіями. Но было преданіе, что онъ происходилъ отъ царей Этрусскихъ.

Древніе Этруски составляли двѣнадцать соединенныхъ областей, изъ которыхъ каждая управлялась *Лукумономъ*, который былъ вмѣстѣ и полководецъ, и верховный судья, и первосвященникъ. Римляне называли ихъ царями. Родъ Мецената (gens Cilnia) производилъ себя отъ одного изъ сихъ Лукумоновъ. Такое древнее происхожденіе должно было имѣть большой вѣсъ у римлянъ, въ тѣ времена, когда Цезари имѣли притязаніе на происхожденіе своего рода отъ Венеры, Энея и сына его Іула. И потому Горацій никогда не упускаетъ случая воспользоваться преданіемъ о знатности Мецената. См. кн. 1 ода 1 и кн. 3. ода 29.

Другія свидѣтельства о его родѣ находятся слѣдующія. Объ одномъ изъ сильныхъ и богатыхъ предковъ Мецената упоминаетъ Т. Ливій (10: 3). Цицеронъ говоритъ о Каіѣ Меценатѣ, римскомъ всадникѣ, который храбро сопротивлялся Марку Ливію Друзу. Цильній, котораго хвалитъ Силій (Silius L. 8 v. 29) былъ изъ той же фа-

миліи. Тотъ же стихотворецъ (L. 10) говоритъ еще объ одномъ Меценатѣ, который былъ убитъ при Каннахъ, и котораго онъ производитъ тоже отъ царей Лидійскихъ и Этрусскихъ.

Слово: *легіонъ*, не употреблялось у Этрусковъ. Горацій употребилъ его вмѣсто общаго слова: войска.

3) Ст. 5. Я предпочелъ руское выраженіе: *поднимать носъ*; что значитъ: *гордиться*. Гораціево naso adunco suspendere, которое Низаръ называетъ непереводимымъ, значитъ *почти* тоже: оказывать насмѣшливое пренебреженіе, narguer persiffler, пренебрегать, пересмѣхать. Какъ было перевести это иначе?

4) Ст. 8. Въ подлинникѣ: ingenuus. Горацій съ намѣреніемъ употребилъ это слово, имѣющее двойное значеніе, какъ и у насъ слово: *благородный*, означающее и благородное происхожденіе, и благородную душу. Чтобы понять это и многія подобныя мѣста изъ Горація, надобно вспомнить, что великая государственная перемѣна, претерпѣнная римской республикой въ правленіе Августа, произведя нѣкоторое ослабленіе древняго римскаго духа и республиканскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должна была произвести упадокъ и поддѣлку въ степеняхъ гражданскихъ состояній. Послѣ междоусобныхъ войнъ и проскрипцій, осталось очень немного патриціанскихъ фамилій. Сенаторское достоинство много потеряло прежняго своего блеска отъ *новыхъ людей*, (novi homines), которые въ великомъ множествѣ принимаемы были въ это сословіе, даже изъ самаго низкаго класса народа, (plebs) единственно изъ милости, или по богатству. Важность званія всаднческаго, напротивъ, возвышалась по мѣрѣ упадка званія сенаторскаго. Также возвысилось и званіе *свободнорожденнаго* (ingenui) и составило какъ-бы нижнее дворянство, которое непримѣтно сливалось съ званіемъ всадниковъ, причисляясь къ нему или посредствомъ полученія почетныхъ мѣстъ, или посредствомъ записки въ цензъ. Перемѣна, которую это должно было произвести въ римскомъ народномъ духѣ, была тѣмъ значительнѣе, что и въ классъ ingenui попадали, перескакивая черезъ одну степень; а именно: libertini. или сыновья вольноотпущенниковъ, составляли прежде *средній классъ* между libertis и ingenuis, и только сынъ libertini (т. е. внукъ вольноотпущеннаго), имѣлъ право на званіе ingenui; но въ это время давалось это названіе и дѣтямъ вольноотпущенниковъ, а libertus и libertinus считались за одно. Что это вошло въ употребленіе еще во время Цицерона, явствуетъ изъ его рѣчи pro Cluentio, гдѣ дѣло идетъ о защитѣ Скамандра, liberti Фабриціевъ, и гдѣ Цицеронъ говоритъ, что онъ въ защищеніе Скамандра воспользовался такимъ основаніемъ, которое *in libertinorum causis* всегда признавалось достаточнымъ. Многіе толкователи, по невнимательности къ этому смѣшенію состояній, произшедшему незамѣтно въ послѣднія времена республики, изъ этихъ словъ: libertinus, которое употребляетъ Горацій, говоря о своемъ отцѣ, и ingenuus, говоря о себѣ, заключили, что еще отецъ Горація былъ сынъ вольноотпущенника. Но доказательство Альда Мануція младшаго, что въ это время слово libertinus потеряло свое старое значеніе и означало тоже самое, что прежде libertus, а равно и вся связь этой сатиры, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что заключеніе этихъ толкованій не имѣетъ основанія.

И такъ ingenuus употреблено здѣсь не такъ, какъ слово *права* для означенія свободнаго человѣка, котораго и отецъ не былъ рабомъ. Здѣсь оно, какъ и у насъ слово: *благородный*, употреблено въ смыслѣ благородныхъ качествъ души.

5) Ст. 9. Горацій слѣдуетъ мнѣнію народному, которое почитало Сервія Туллія человѣкомъ низкаго происхожденія, потому что онъ былъ сыномъ рабы; но дѣйствительно онъ происходилъ отъ высокаго рода, который уронилъ одинъ жребій войны. Его отецъ былъ убитъ, при взятіи Корникулума, гдѣ онъ начальствовалъ войскомъ; а мать его, Окризія, беременная имъ, была взята въ плѣнъ и привезена въ Римъ, гдѣ царица, супруга Тарквинія Приска, дала ей свободу, и воспитала Сервія Туллія; но онъ былъ рожденъ еще до полученія свободы, почему и названъ Servius. По нашему: *рабичъ*, или *рабыничъ*. Такъ, у Нестора, говоритъ Рогнеда о Владимірѣ: «Не хочу разуть рабынича.»

6) Ст. 11. Фамилія Valeria была изъ древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ фамилій въ Римѣ. Валерій Публикола, (который намѣсто Коллатина данъ былъ въ товарищи по консульству знаменитому Юнію Бруту, потому что вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе способствовалъ къ изгнанію Тарквинія Гордаго), положилъ первое основаніе знаменитости рода Валеріевъ, коего отраслями были: Левинусы, Корвины, Катуллы, Флакки, и другіе.

И потому *Публикола* и *Левинусъ* принадлежали къ двумъ различнымъ отраслямъ одного и того же рода Валеріевъ, изъ которыхъ первая была отрасль патриціанская, а вторая плебейская. Изъ послѣднихъ тоже было четыре консула. Тотъ, о которомъ говорится здѣсь, долженъ быть П. Валерій Левинусъ, сынъ консула того же имени, который сражался противъ Пирра. Этотъ сынъ его велъ столь неизвѣстную жизнь, что ничего не сохранилось о немъ, кромѣ его имени. Одинъ схоліастъ говоритъ, что онъ, по дурной славѣ, навлеченной дурными нравами, никогда не могъ достигнуть выше претуры. Не отъ него ли упала эта фамилія? По свидѣтельству Плинія (кн. 35 гл. 2), ораторъ Мессала запретилъ даже помѣщать Левинусовъ между изображеніями предковъ его дома.

7) Ст. 17. Римляне сохраняли изображенія предковъ, какъ памятники, свидѣтельствующіе древность и знаменитость рода.

8) Ст. 19. Деціи были плебеи. Вѣроятно, разумѣется здѣсь Публій Децій Мусъ, который столь славенъ принесеніемъ себя на жертву за республику, и который, первый изъ Деціевъ, изъ плебейскаго происхожденія достигъ (въ 415 г. Р.) консульства. Въ отношеніи къ Валерію Левинусу, его современику, и можетъ быть соискателю консульства онъ былъ homo novus.

9) Ст. 22. Здѣсь говоритъ Горацій не собственно о себѣ, а о людяхъ его состоянія, которые были бы въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Нужно однакожь объяснить, о какомъ изгнаніи здѣсь говорится. Полагаютъ, что незадолго до паденія республики, вольноотпущенные принимаемы были въ число сена-

торовъ. Ценсоръ Аппій Клавдій исключилъ ихъ, оставя только внуковъ вольноотпущенниковъ. Здѣсь, въ подлинникѣ, то же слово ingenuus, какъ и въ стихѣ 8. (См. прим. 4); но здѣсь оно употреблено въ смыслѣ права.

Діонъ Кассій говоритъ, что ценсоръ Аппій Клавдій исключилъ изъ сената не только вольноотпущенныхъ, но многихъ мужей и знатнаго происхожденія, въ томъ числѣ и историка Саллюстія. Аппій былъ патриціанскаго происхожденія и гордился своимъ родомъ.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ переводчикъ Саллюстія, Dureau Delamalle: «надобно признаться, что нѣкоторые сенаторы и всадники, исключенные Аппіемъ Клавдіемъ, были достойны этаго посрамленія. Но если нѣкоторыя исключенія и были несправедливыми, тѣмъ не менѣе всѣ они должны были казаться таковыми, будучи произведены такимъ ославленнымъ человѣкомъ, каковъ былъ самъ Аппій Клавдій, который незадолго до своего ценсорства былъ замѣшанъ въ два обвиненія, и одолженъ былъ своимъ спасеніемъ болѣе силѣ Помпея, чѣмъ своей безвинности.»

Ценсура въ хорошія времена республики была конечно учрежденіемъ мудрымъ, въ тѣ времена, когда должность ценсоровъ возлагалась на людей безукоризненныхъ, и когда, по чистотѣ нравовъ, наказанія были рѣдки. Но не то уже было, когда всеобщій развратъ распространился и на самыхъ ценсоровъ, и требовалъ столь же частыхъ наказаній, сколь часты были преступленія.

Такимъ образомъ нельзя не обвинять Аппія Клавдія за исключеніе Саллюстія изъ числа сенаторовъ. Поводомъ къ этому были его связи съ нѣкоторыми знатными римлянками: порокъ общій въ это время всеобщаго разврата, который не могъ быть достаточною причиною къ позорному униженію такого человѣка, каковъ былъ Саллюстій.

Послѣ этаго очень понятно, почему Горацій говоритъ объ этихъ исключеніяхъ съ такой презрительной насмѣшкой.

10) Ст. 22. Сравненіе, вѣроятно, взятое изъ басни Езопа: оселъ въ львиной кожѣ.

11) Ст. 25. Обыкновеніе обшивать одежду пурпуровою каймою перешло, какъ полагаютъ, изъ Азіи въ Грецію, а оттуда въ Италію. Въ Римѣ первый послѣдовалъ этому обычаю Туллъ Гостилій; впослѣдствіи пурпуровыя полосы были знакомъ отличія всадниковъ отъ простаго народа, а сенаторовъ отъ всадниковъ. Туника всадниковъ имѣла двѣ *узкія* полосы, и потому называлась angusticlavia; а сенаторы напротивъ отличались одною *широкою* полосою: latus clavus. Впрочемъ, гдѣ онѣ нашивались, никто этаго незнаетъ: одни думаютъ, что спереди, другіе, что по бокамъ; одни, что онѣ доходили до самаго низу и окружали подолъ; другіе, что онѣ доходили только до пояса. Изображеній же римлянъ въ этомъ костюмѣ до насъ не дошло.

Патриціи носили latum clavum, по праву рожденія, еще до принятія togae virilis. (См. примѣч. 37 къ сат. 5). Августъ распространилъ это право на всѣхъ сыновей

сенаторовъ; а въ позднѣйшее время оно стало зависѣть просто отъ снисходительности государей (indulgentia Principis), и право носить latus clavus сдѣлалось милостію, которую можно было получить отъ благорасположенія и счастія, безъ правъ рожденія и безъ достоинства. Во время Августа, когда упадокъ старыхъ обычаевъ старались еще, посредствомъ разныхъ измѣненій, сдѣлать не столь замѣтнымъ, сынъ плебея могъ, чрезъ должность военнаго трибуна, достичь до степени всадника, а сынъ всадника, чрезъ ту же военную должность, до права сенаторскаго, или до latus clavus. При позднѣйшихъ императорахъ смотрѣли на это уже не такъ строго; было множество трибуновъ почетныхъ, т. е. только по титулу, а не по должности, которые для того только добивались этаго чина, чтобы получить latus clavus, который отъ этаго сдѣлался наконецъ столь обыкновеннымъ, что пересталъ служить знакомъ отличія.

Кто былъ *Тиллій*, (или *Туллій*, какъ пишется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ), достовѣрно неизвѣстно. Полагаютъ, что это былъ тотъ самый, человѣкъ низкаго происхожденія и дурныхъ нравовъ, который, воспользовавшись смятеніями междоусобныхъ войнъ для достиженія высокихъ должностей, былъ принужденъ Цезаремъ снять латиклаву, за то, что онъ принадлежалъ къ сторонѣ Помпея. Послѣ смерти Цезаря, онъ опять надѣлъ ее и былъ народнымъ трибуномъ.

Впрочемъ одинъ комментаторъ (Геснеръ), для объясненія этаго стиха Горація, замѣчаетъ, что даже кандидаты на сенаторское званіе, въ надеждѣ полученія этаго достоинства, заранѣе надѣвали latum clavum, и такимъ образомъ, въ случаѣ неудачи, должны были снимать съ себя пурпуръ.

12) Ст. 28. Здѣсь разумѣетъ Горацій ботины, или полусапожки сенаторовъ, называвшіеся mulleus. — Они дѣлались изъ черной, или изъ бѣлой кожи, на высокой подошвѣ, доставали до половины икры и завязывались ремнями, которые вверху застегивались пряжкою.

13) Ст. 30. Объ немъ говорится въ сатирѣ 4-й ст. 110. См. примѣч. 36.

14) Ст. 36. Это относится вѣроятно къ формѣ клятвы, которую давали высшія должностныя лица въ Римѣ, при вступленіи въ должность.

15) Ст. 38. Рабы римлянъ были по большей части изъ Сиріи, или изъ Ѳракіи. Вотъ почему имя Syrus, сиріянинъ, дается почти всегда рабу въ ихъ комедіи. Dama и Damas — тоже обыкновенное имя раба, сокращенное изъ имени Demetrius, также какъ говорилось Menas вмѣсто Menodorus, Thevdas вмѣсто Theodorus.

16) Ст. 39. Тарпейская скала составляла южную остроконечность горы Капитолійской, гдѣ вѣроятно была старая крѣпостца еще до Ромула. *Tarpeia*, дочь Сп. Тарпеія, которому ввѣрена была защита этаго поста, допустила, какъ говоритъ баснословное преданіе, подкупить себя *Тацію*, предводителю латинянъ, и отворила ему тайныя ворота, ведущія въ крѣпость. Отъ нея эта остроконечная скала получила имя Тарпейской.

Одинъ схоліастъ говоритъ, что низвергать государственныхъ преступниковъ съ скалы Тарпейской было должностію народныхъ трибуновъ. Въ римской исторіи встрѣчаются примѣры, что народные трибуны угрожали даже и людямъ высокой степени низверженіемъ ихъ съ скалы Тарпейской, что было наказаніемъ измѣны, или другихъ неслыханныхъ преступленій. Что въ Горацієво время это не было отмѣнено, то свидѣтельствуется самымъ этимъ мѣстомъ сатиры; а Тацитъ повѣствуетъ (лѣт. кн. 6 гл. 19), что цезарь Тиберій низвергъ съ Тарпейской скалы Секста Марія, который, къ своему несчастію, былъ богатѣйшій человѣкъ во всей Испаніи.

17) Ст. 40. Кадмъ, вѣроятно, былъ ликторъ. Имъ предавали виновныхъ для тѣлеснаго наказанія, или для отсѣченія головы.

18) Ст. 41. Новій былъ самъ вольноотпущенный; а говорящій — сынъ вольноотпущеннаго: слѣдовательно степенью выше перваго. Это презабавная черта новичка, сказать по нашему, вышедшаго въ люди, который, презирая товарища за то, что онъ одною степенью ниже его, промолвился такъ неловко: «чѣмъ былъ мой отецъ, онъ такой же!»

19) Ст. 42. Мессала былъ изъ рода Валеріевъ; а Павелъ изъ Эмиліевъ: оба изъ знаменитыхъ и древнихъ домовъ Рима.

20) Ст. 45. Духовые инструменты, трубы и флейты, употреблялись у римлянъ: первые при погребеніи людей зрѣлаго возраста, а вторые дѣтей. Закономъ XII таблицъ число этихъ трубъ и флейтъ ограничено десятью. Погребенія проходили обыкновенно чрезъ форумъ, гдѣ иногда останавливалась процессія для произнесенія надгробныхъ рѣчей. Это очень забавная черта, что этотъ Новій въ почетѣ за то, что громко кричитъ. Это бываетъ и не у римлянъ.

21) Ст. 48. Горацій былъ convictor Мецената. У насъ нѣтъ слова для перевода этаго названія. Понятіе, представляемое этимъ словомъ, означаетъ собственно человѣка, который живетъ въ домѣ другаго; но оно же значитъ и такого, который составляетъ всегдашнее общество другаго и пользуется, когда хочетъ, его столомъ. Наше слово: со-житель, имѣетъ другое значеніе; а слово: застольникъ, было бы слишкомъ низко. Ближе всего слово: собесѣдникъ, невполнѣ однако выражающее понятіе римскаго слова.

22) Ст. 49. Горацій былъ подъ начальствомъ Брута и находился въ битвѣ при Филиппахъ. Трибунъ имѣлъ подъ начальствомъ тысячу человѣкъ; но изъ словъ Горація видно, что онъ начальствовалъ легіономъ. Странно, что ввѣрили эту должность столь молодому человѣку; но въ это время безпорядка неудивительно.

23) Ст. 58. Городокъ Saturejum находился на землѣ тарентинской. Эта сторона славилась коннозаводствомъ. Въ окрестностяхъ Тарента были превосходныя пастбища.

24) Ст. 61. Это мѣсто тѣмъ болѣе стóитъ быть замѣченнымъ, что оно служитъ хронологическою повѣркою нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни Горація. Въ битвѣ

при Филиппахъ (въ 712 г.) Горацій предводительствовалъ легіономъ подъ начальствомъ Брута, съ которымъ за два года до того онъ познакомился въ Аѳинахъ. А такъ какъ онъ родился въ 689 году, то тогда ему было 23 годъ отъ роду. Послѣ несчастнаго исхода этой битвы, которой первымъ и несчастнѣйшимъ послѣдствіемъ— была смерть Брута и Кассія, Горацій воспользовался всеобщимъ прощеніемъ, которое даровалъ побѣдитель всѣмъ приверженцамъ Брута и Кассія, которые положатъ оружіе и спокойно возвратятся въ домъ. Горацій, (какъ выражается онъ въ эпистолѣ къ Юлію Флору), возвратился на свою родину decisis humilis pennis, «съ подрѣзанными и низко порхающими крыльями.» Небольшое наслѣдственное родительское имѣніе (ст. 70) потерялъ онъ черезъ опалу, которой подверглись отъ тріумвировъ всѣ приверженцы убійцъ Цезаря. Онъ очутился въ такомъ положеніи, въ которомъ ему не оставалось никакихъ другихъ средствъ, кромѣ его хорошаго воспитанія и дарованія поэтическаго; а въ поэзіи, какъ видно изъ сатиры 10 (ст. 31) онъ упражнялся еще въ Аѳинахъ. Безсомнѣнія вскорѣ послѣ этаго познакомился онъ съ обоими поэтами, Виргиліемъ и Варіемъ, которые по любви своей къ нему, познакомивъ его съ Меценатомъ, положили основаніе его благополучію. Виргилій и самъ не прежде, какъ въ 713 году, прибылъ изъ Мантуи въ Римъ и познакомился съ Меценатомъ. Если предположить, что Виргилій прежде долженъ былъ самъ убѣдиться въ любезныхъ качествахъ своего новаго друга, и потомъ уже могъ осмѣлиться сказать, «что онъ такое, quid esset, другу и любимцу Октавія Цезаря; и такъ какъ, кромѣ этаго, между тѣмъ временемъ и днемъ, въ который Горацій былъ лично представленъ Меценату, (какъ показываетъ въ подлинникѣ слово olim), прошло не мало времени: то съ основательностію можно заключить, что онъ едвали прежде 715 года могъ въ первый разъ сдѣлаться вхожимъ къ Меценату. Между этимъ днемъ и тѣмъ временемъ, когда Меценатъ опять призвалъ его и объявилъ ему, что впредь будетъ считать его въ числѣ своихъ пріятелей, (jubes esse in amicorum numero), прошло девять мѣсяцевъ: и такъ эпоха короткой связи между ними приходится никакъ неранѣе конца 715, или начала слѣдующаго года. Такимъ образомъ и настоящая сатира могла быть написана не прежде, но и не послѣ 717 года. Очень вѣроятно, что она слѣдовала непосредственно за путешествіемъ въ Брундузіумъ: слѣдовательно она относится къ такому времени, когда благосклонность Мецената къ Горацію была уже извѣстна, но такъ еще нова, что обращала на себя вниманіе, какъ новость, и возбуждала въ мелкихъ душахъ зависть, какъ это видно во многихъ мѣстахъ и другихъ его сатиръ. Напр. въ 6 сат. 2 кн. и проч. Эта зависть, какъ видно, изыскивала всевозможныя средства ослабить то выгодное положеніе, въ которое ставили его покровительство молодаго Цезаря, дружба Мецената и слава его дарованія.

25) Ст. 71. Флавій былъ, какъ видно, учитель, который обучалъ читать, писать и считать. Надобно полагать, что его школа была въ Венузіѣ, родинѣ Горація.

26) Ст. 72. Центуріоны, сотники, были, по нашему, ротные начальники, но они были только въ пѣхотѣ, а не въ конницѣ. Magni centuriones, какъ названы они здѣсь въ подлинникѣ, начальствовали первой ротой и потому считались выше первыхъ.

27) Ст. 74. Чтобы уяснить этотъ стихъ, надобно припомнить слѣдующее. Каждый римской мѣсяцъ раздѣлялся *идами* почти на двѣ равныя части, и хотя это названіе принадлежало только 13 или 15 числу мѣсяца, однако на иды считалось по осьми дней, и потому-то Горацій называетъ ихъ octonas.

Обыкновенно у римлянъ проценты на занятую сумму платились ежемѣсячно, (см. сат. 2 примѣч. 3), или *въ календы*, т. е. въ первый день мѣсяца; или въ *иды*, т. е. въ половинѣ мѣсяца. Въ подлинникѣ, подъ словомъ aera, разумѣетъ Горацій не иное что, какъ проценты. И такъ этотъ стихъ значитъ, что ученики приносили учителю ариѳметическія задачи, заданныя имъ для рѣшенія на дому; напр. «сколько процентовъ принесутъ въ мѣсяцъ столько-то сестерцій, считая по стольку-то на сто?» Это сатирическій взглядъ на ту же современную черту характера народа, которой касается поэтъ и въ эпистолѣ къ Пизонамъ, какъ главной причинѣ, почему римляне отстали отъ грековъ въ изящныхъ искуствахъ и въ поэзіи.

28) Ст. 77. Эти науки были: грамматика, риторика, діалектика, нравоученіе и проч.

29) Ст. 85. Praeco—былъ публичный возглашатель при аукціонныхъ продажахъ; coactor—тотъ, который собираетъ деньги, полученныя за продажу. Это званіе отца Горація, exactionum coactor, упоминается и въ древнемъ жизнеописаніи Горація, которое приписываютъ Светонію. Любопытные могутъ найти его въ подлинникѣ въ переводахъ Дасье и Санадона сочиненій Горація. Издан. 1731 года т. I.

30) Ст. 107. Вѣроятно тотъ же, о которомъ упоминается въ стихѣ 25.

31) Ст. 112. Большой циркъ былъ между горою Палатинскою и Авентинскою. Circus maximus и Forum romanum были всегда, особенно вечеромъ, наполнены множествомъ праздныхъ людей, между которыми находили случай отправлять свое ремесло всякаго рода промышленники и искусники: фокусники, площадные лѣкари, толкователи сновъ, гадатели, и другая подобная имъ сволочь. Горацій считаетъ въ числѣ выгодъ своего неизвѣстнаго состоянія, что можетъ забавляться какъ ему угодно. Человѣку высшаго состоянія было бы неприлично толкаться между народомъ и слушать шарлатановъ и гадателей; а его никто въ этомъ не осудитъ.

32) Ст. 114. Чрезвычайно трудно передать на новѣйшій языкъ древнюю кухню. Овощи у Горація поименованы; но какъ ихъ названія возбуждаютъ разногласіе объяснителей, то я рѣшился употребить общее нарицательное имя. A lagani catinum, по изъясненію бо́льшей части изъ нихъ, значитъ пироги изъ муки, на оливковомъ маслѣ и съ медомъ.

33) Ст. 115. Трое рабовъ, то есть: 1. поваръ; 2. Structor, который накрываетъ на столъ и подаетъ кушанье; 3. Pocillator, разливатель питья. Кажется, для одного человѣка довольно этой прислуги; но въ сравненіи съ множествомъ слугъ, которыми наполнены были столовыя знатныхъ и богатыхъ римлянъ, это число было самое ограниченное для порядочнаго человѣка. Трое слугъ прислуживаютъ за столомъ сына вольноотпущенника, и этаго мало! Чудно какъ любили барствовать эти римляне!

34) Ст. 116. Два бокала или два кубка: одинъ для воды, другой для вина; и одинъ cyathus, для вина смѣшаннаго съ водой: ибо чистое вино безъ воды употреблялось рѣдко. Cyathus былъ въ родѣ небольшаго стакана. Онъ содержалъ въ себѣ двѣнадцатую часть секстарія (sextarius), или, какъ говорятъ нѣкоторые комментаторы, одинъ глотокъ.

На пирахъ, при питьѣ за здоровье, что было въ употребленіи между молодыми людьми, измѣрялось ціатами сколько каждому должно выпить; напримѣръ: выпить столько ціатовъ, сколько буквъ содержитъ его имя. Это видно изъ одной эпиграммы Марціала:

Naevia sex cyathis, septem Iustino bibatur,
Quinque Lycas, Lyde quattuor, Ida tribus.

35) Ст. 117. Всѣ эти роды посуды, само собою разумѣется, нельзя перевести вѣрно, а только приблизительно. Иные обычаи и потребности древнихъ; иные наши. Самые точные переводчики и комментаторы несогласны ни въ значеніи, ни въ переводѣ на новѣйшіе языки этихъ названій, по неизвѣстности, иногда формы посуды, иногда ея значенія и употребленія.

Кампанія доставляла Риму глиняную посуду, подобную нынѣшнему фаянсу.

36) Ст. 120. Извѣстна изъ Миѳологіи басня о сатирѣ Марсіѣ, который, съ своей флейтою, вызывалъ Аполлона, съ его цитрою, на состязаніе. Когда музы отдали преимущество въ игрѣ Аполлону, а Марсія объявили побѣжденнымъ, тогда немилосердый побѣдитель содралъ съ живаго Марсія кожу. Поясная статуя несчастнаго Сатира стояла на большомъ римскомъ форумѣ, въ той сторонѣ, гдѣ находились столы римскихъ мѣнялъ. Одинъ изъ этихъ ростовщиковъ былъ младшій Новій, котораго физіономія была вѣроятно очень непріятна римскимъ повѣсамъ и расточителямъ, которые были ему должны. Шутливая причина, приводимая Гораціемъ, почему кривляется Марсій, объясняется такимъ образомъ сама собою. Но для насъ рускихъ, по странному сходству одного нашего выраженія съ мыслію Горація, это мѣсто должно быть еще понятнѣе: мы говоримъ о ростовщикахъ, что они съ своихъ должниковъ «кожу деруть.»

37) Ст. 121. Это, по нынѣшнему измѣренію дня, часовъ до девяти утра. Объяснители Горація оправдываютъ такое позднее пробужденіе отъ сна — тѣмъ, что онъ проводилъ ночь въ чтеніи и письмѣ. Изъ многихъ свидѣтельствъ древнихъ видно, что это было у нихъ въ обычаѣ; можетъ быть, по жаркому климату, который препятствовалъ заниматься днемъ умственною работою.

38) Ст. 123. Natta было прозваніе одной изъ отраслей Пинарієвъ, которыя раздѣлялись на трп: Mamertini, Natta и Rufi. Всѣ они были патриціанскаго происхожденія. Кто былъ самый этотъ Natta, упоминаемый здѣсь — неизвѣстно.

САТИРА СЕДЬМАЯ.

ТЯЖБА.

Всякой цирюльникъ и всякой подслѣпый, я думаю, знаетъ, [1]
Какъ полуримлянинъ Персій, [2] съ проскриптомъ Руфиліемъ въ ссорѣ,[3]
(Прозваннымъ Царь), отплатилъ за его ядовитость и гнусность!
Персій богачъ былъ; имѣлъ онъ большія дѣла въ Клазоменѣ; [4]
Съ этимъ Руфиліемъ-Царемъ имѣлъ онъ тяжелую тяжбу!
Жёсткой онъ былъ человѣкъ, ненавистникъ: въ томъ и Царя онъ
Могъ превзойти!—И надмененъ и гордъ, оскорбительной рѣчью
Онъ на бѣлыхъ коняхъ обгонялъ и Сизенну и Барра! [5]
Возвращаюсь къ Руфилію снова.—Никакъ не возможно
Было ихъ согласить—за тѣмъ, что сутяги имѣютъ
То же право стоять за себя, какъ и храбрые въ битвѣ!
Такъ между Гекторомъ, сыномъ Пріама, и храбрымъ Ахилломъ
Гнѣвъ былъ столько великъ, что лишь смерть развела ратоборцевъ! [6]
А причиной одно: что въ нихъ мужество равное было!
Еслижь вражда между слабыхъ, или война межь неравныхъ,

Такъ, какъ случилось между Діомедомъ и Главкомъ ликійцемъ:
То трусливый назадъ; и подарки еще предлагаетъ! [7]

Персій съ Руфиліемъ въ битву вступили предъ преторомъ Брутомъ: [8]
Азіей правилъ богатою онъ.—Самъ Вноъ и самъ Бакхій
Менѣе были бъ равны, чѣмъ они на побоищѣ этомъ! [9]
Оба выходятъ на судъ, другъ на друга горящіе гнѣвомъ;
Оба великое зрѣлище взорамъ собранья готовятъ!

Персій свой искъ изложилъ, и былъ всѣми согласно осмѣянъ!
Претора Брута сперва расхвалилъ онъ, потомъ и когорты;
Солнцемъ всей Азіи Брута назвавъ, онъ къ звѣздамъ благотворнымъ
Свиту его примѣнилъ; одного лишь Руфилія назвалъ
Псомъ—созвѣздіемъ злымъ, ненавистнымъ для всѣхъ земледѣльцевъ! [10]
Персій стремился, какъ зимній потокъ нерубленнымъ лѣсомъ!

Началъ Пренéстецъ потомъ; отплатилъ онъ ему, и съ избыткомъ!
Такъ виноградарь, когда закукуетъ прохожій кукушкой,
Бранью его провожаетъ, пока онъ изъ глазъ не исчезнетъ! [11]

Вотъ грекъ Персій, Италіи уксусомъ выкупанъ вдоволь, [12]
Вдругъ закричалъ: «Умоляю богами, о Брутъ благородный!
Ты, который съ царями, справляться привыкъ!—Для чего ты
Этаго терпишь?—Оно бы твое настоящее дѣло!» [13]

26 Февр. 1852.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 7.

1) Ст. 1. Слова Горація: lippis et tonsoribus notum, т. е. «извѣстно всякому, имѣющему гнойные глаза, и всякому брадобрѣю»—должно думать, были поговоркой, которая значитъ просто: «извѣстно всякому.» Такъ какъ для слова lippus, (по французски chassieux), у насъ нѣтъ термина, заключающагося въ одномъ словѣ, то я рѣшился перевести приблизительно, словомъ *подслѣпый*; отъ чего мысль и выраженіе Горація, и безъ того для насъ неясныя, не теряютъ ничего.

Кажется, глазная болѣзнь, которую означаетъ слово lippus, была въ Римѣ довольно обыкновенною, судя потому, что объ ней у Горація упоминается часто. Лавки продавцевъ глазной мази и лавки брадобрѣевъ были всегда наполнены людьми, которые, въ ожиданіи, пока ихъ отпустятъ, занимались разговорами и разсказами о городскихъ новостяхъ. Вотъ почему, вѣроятно, брадобрѣевъ и больныхъ глазами Горацій почитаетъ вѣстовщиками. Это слово lippus, и въ первой сатирѣ, гдѣ говоритъ Горацій о философѣ Криспинѣ, и въ пятой, гдѣ говоритъ о самомъ себѣ, довольно часто у него встрѣчается, и нерѣдко въ насмѣшку.

2) Ст. 2. Hybrida Persius—я перевелъ словами: *полуримлянинъ Персій*. Слово hybrida или ibrida, значитъ по своему словопроизводству: вѣтвь, привитая къ дереву другаго рода. Персій былъ сынъ римлянина и гречанки, или, какъ полагаютъ нѣкоторые , съ бо́льшею вѣроятностію, сынъ грека и римлянки; ибо въ стихѣ 31 Горацій называетъ его грекомъ; слѣдовательно по понятію римлянъ — помѣсь, выродокъ, происшедшій не отъ чистой римской крови.

3) Ст. 2. Публій Рупилій, по прозванію «Царь», уроженецъ Пренесты, былъ военный сослуживецъ Горація, въ лагерѣ Брута, и вмѣстѣ съ другими, въ правленіе тріумвировъ былъ подвергнутъ проскрипціи. Странно, что Горацій упоминаетъ, какъ бы въ упрекъ ему, проскрипцію, которой и самъ подпалъ наравнѣ съ нимъ, какъ приверженецъ Брута.

4) Ст. 4. *Клазомена*—знаменитый торговый городъ въ малой Азіи, на западной сторонѣ небольшаго залива, который образовало Эгейское море между имъ и Смирной, лежащей по восточную сторону того же залива. Изъ уваженія къ выгодному положенію этаго города, удобнаго для торговли, Клазоменѣ покровительствовалъ Александръ Великій, а потомъ и римляне. Августъ столь распространилъ ее и украсилъ, что на монетахъ Клазомены изображалось лице Августа, какъ втораго ея основателя.

5) Ст. 8. *Баррусъ* и *Сизена*—имена въ точности неизвѣстныя. О Баррусѣ думаютъ, что это тотъ самый, о которомъ говорится въ сатирѣ 4 и 6. О Сизенѣ полагаютъ, тоже по догадкѣ, что это тотъ самый Корнелій Сизена, котораго острое слово, сказанное имъ въ сенатѣ на счетъ Августа, упоминается у Діона. Его упрекали дурною жизнію его жены. Онъ отвѣчалъ: «я женился на ней по совѣту Августа.» Онъ хотѣлъ дать знать этимъ отвѣтомъ, что Августъ принудилъ его на ней жениться, чтобы удобнѣе имѣть съ нею сношенія. Хотя все это догадки, но я долженъ былъ привести ихъ, какъ мнѣнія объяснителей.

Выраженіе подлинника: equis albis praecurrere — «обгонять на бѣлыхъ коняхъ» — было поговорка, или пословица, которая произошла отъ мнѣнія, будто бѣлыя лошади быстрѣе прочихъ. По этому и Виргилій говоритъ о коняхъ Пилумна:

«Превосходили снѣгъ бѣлизной, а скоростью вѣтеръ.»

6) Ст. 13. Поэтъ сравниваетъ ихъ, въ шутку, съ двумя величайшими героями войны троянской.

7) Ст. 17. Встрѣча на полѣ битвы Главка съ Діомидомъ, описана у Гомера въ 4 пѣснѣ Иліады.

8) Ст. 18. Хотя Азія была провинція проконсульская, т. е. такая, которой правители, по обыкновенному порядку, должны были быть изъ консуловъ; но въ томъ безпорядкѣ, въ который пришла республика послѣ смерти Юлія Цезаря, не строго смотрѣли на права лицъ, при ихъ назначеніи къ важнымъ должностямъ. Сенатъ, при всей своей слабости и боязливости, былъ однако убѣжденъ, что вся надежда на возстановленіе республики заключалась въ Брутѣ, и потому поспѣшилъ надавать ему столько провинцій, сколькими онъ могъ управить. Такимъ образомъ сначала онъ получилъ, какъ пропреторъ, островъ Критъ; потомъ Македонію; а въ 711 году, послѣ проконсула Азіи, Требонія, и эту богатую провинцію. И такъ слово: преторъ Горацій употребляетъ въ смыслѣ пропретора; а между тѣмъ и Плутархъ говоритъ, что Брутъ объѣзжалъ города Азіи, и судилъ тяжбы и споры въ качествѣ претора.

9) Ст. 20. *Биѳъ* и *Бакхій* были два гладіатора, которые въ одномъ побоищѣ побѣдили всѣхъ прочихъ, и потому должны были наконецъ биться между собою. Такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ признать другаго побѣдителемъ, то наконецъ они пали оба, и побѣда осталась нерѣшеною.

10) Ст. 27. Созвѣздіе, называемое и у насъ псомъ, canis, отъ чего происходитъ и слово каникулы. Поэтъ называетъ его ненавистнымъ для всѣхъ земледѣльцевъ, потому что въ это время года жары изсушаютъ землю, препятствуютъ ея плодоносной силѣ, и смертоносны для стадъ.

11) Ст. 31. Чтобы понять это мѣсто, нужно обратиться къ Плинію (кн. 13 гл. 9). «Подчистка виноградныхъ лозъ, говоритъ онъ, должна производиться въ первыя двѣ недѣли послѣ весенняго равноденствія; и потому сельскіе жители считаютъ за большой себѣ стыдъ, когда во время этой работы закукуетъ кукушка, какъ признакъ, что они опоздали. Это, между поселянъ, подаетъ поводъ къ различнымъ шуткамъ.» Извѣстно, что въ Италіи садили обыкновенно виноградъ около вязовъ. Прохожій, увидя на деревѣ крестьянина, обрѣзывающаго виноградныя лозы, на смѣхъ ему кековалъ кукушкой и мѣшалъ его работѣ. Виноградарь же, принявъ это за обиду, начиналъ браниться, и такимъ образомъ завязывалась ссора, которая оканчивалась только съ удаленіемъ прохожаго.

12) Ст. 32. Горацій называетъ здѣсь *уксусомъ* Италіи, italo aceto, оскорбительныя и бранныя слова, которыя были въ употребленіи, или особенно въ Италіи, или въ одной Италіи.

13) Ст. 35. Сколь ни неприлично само по себѣ это обращеніе къ Бруту, тѣмъ неменѣе намѣреніе Персія было—польстить ему. Это тѣмъ смѣшнѣе, что онъ перемѣшалъ М. Брута съ Юніемъ Брутомъ, который жилъ за нѣсколько столѣтій и способствовалъ къ изгнанію Тарквинія, какъ будто этотъ самый М. Брутъ также сбылъ съ рукъ и Тарквинія, какъ Юлія Цезаря, и какъ будто это—его ремесло.

САТИРА ОСЬМАЯ.

ЭСКВИЛІЙСКІЯ ВОЛШЕБНИЦЫ.

Нѣкогда былъ я чурбанъ, отъ смоковницы пень безполезный;
Долго думалъ художникъ, чѣмъ быть мнѣ, скамьей, иль Пріапомъ!
«Сдѣлаю бога!» сказалъ; вотъ и богъ я!—Съ тѣхъ поръ я пугаю
Птицъ и воровъ!—Я правой рукою воровъ отгоняю; [1]
А тростникъ на моей головѣ птицъ прожорливыхъ гонитъ,
Не пуская садиться въ саду молодомъ на деревья! [2]
Прежде здѣсь трупы рабовъ погребались, [3] которые рабъ же
Въ бѣдномъ гробу привозилъ за наемную скудную плату! [4]
Общее было здѣсь всякаго нищаго люда кладбище;
Пантолаба ль шута, Номентана ль извѣстнаго мота. [5]
Съ надписью столбъ назначалъ по дорогѣ имъ тысячу пядей,
По-полю триста, чтобъ кто не вступился въ наслѣдіе мертвыхъ! [6]
Холмъ Эсквилійскій теперь заселенъ; тутъ воздухъ здоровый! [7]
Нынче по насыпи можно гулять, гдѣ еще столь недавно

Бѣлыя кости вездѣ—попадались печальному взору!
Но ни воры, ни звѣри, которые роютъ тутъ землю,
Столько заботъ и хлопотъ мнѣ не стоютъ, какъ эти колдуньи,
Ядомъ и злымъ волхвованьемъ мутящіе умъ человѣковъ!
Не могу ихъ никакъ отучить, чтобъ онѣ не ходили
Вредныя травы и кости сбирать, какъ скоро покажетъ
Ликъ свой прекрасный луна, проходя по лазурному небу!
Видѣлъ Канидію сáмъ я, одѣтую въ черную паллу, [8]
Какъ, босикомъ, растрепавъ волосà, съ Саганою старшей, [9]
Здѣсь завывали онѣ; и отъ блѣдности та и другая
Были ужасны на видъ!—Сначала обѣ ногтями
Стали рыть землю; потомъ теребили и рвали зубами
Черную ярку, и кровью наполнили яму, чтобъ тѣни
Вызвать умершихъ—на страшныя ихъ отвѣчать заклинанья!
Вынули образъ какой-то изъ шерсти; другой же изъ воску.
Первый былъ больше, какъ будто грозилъ восковому; а этотъ
Робко стоялъ передъ нимъ, какъ рабъ, ожидающій смерти!
Тутъ Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать другая. [10]—Вокругъ ихъ, казалось, ползли и бродили
Змѣи и адскіе псы!—А луна, побагровѣвъ со страха,
Скрылась, чтобъ скверныхъ ихъ дѣлъ не видать, за высокой гробницей! [11]
Но зачѣмъ мнѣ разсказывать все!—Разсказать ли, какъ тѣни,
Попеременно съ Саганой, пронзительнымъ голосомъ выли;
Какъ украдкою бороду волчью съ зубомъ эхидны
Въ землю зарыли онѣ; какъ сильный огонь—восковое
Изображеніе сжегъ; какъ отъ ужаса я, содрогнувшись,
Былъ отомщенъ, свидѣтель и словъ и дѣяній двухъ фурій!
Сдѣланъ изъ дерева—сзади я вдругъ раскололся, и треснулъ!

Точно какъ лопнулъ пузырь! —Тутъ колдуньи — какъ пустятся въ городъ!
То-то вамъ было бъ смѣшно посмотрѣть, какъ попадали въ бѣгствѣ
Зубы изъ рта Канидіи, парикъ съ головы у Саганы,
Тра́вы и даже запястья волшебныя съ рукъ у обѣихъ!

6 Дек. 1849.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН 1. САТИРА 8.

—

1) Ст. 4. Между 4-го и 5-го стиха, одинъ стихъ подлинника я долженъ былъ пропустить въ моемъ переводѣ.

2) Ст. 6. Октавій, желая уничтожить вредъ, происходящій отъ дурныхъ испареній горы Эсквилійской, испросилъ дозволеніе сената и народа отдать часть этой земли Меценату, который построилъ тамъ великолѣпный домъ и развелъ садъ.

3. Ст. 7. Здѣсь въ подлинникѣ при словѣ: «трупы» нѣтъ слова: «рабовъ,» но оно подразумѣвается; ибо сказано: cadavera cellis, а cellae назывались тѣсныя комнаты, въ которыхъ помѣщались рабы. Всякой разъ, когда въ самомъ переводѣ могло заключаться объясненіе, я считалъ себя вправѣ воспользоваться этою возможностію; ибо въ такомъ случаѣ измѣненіе выраженія не только не измѣняетъ смысла, но напротивъ дѣлаетъ его яснѣе.

4) Ст. 8. Въ Римѣ были люди, которые за нѣкоторую плату отправляли похороны. Ихъ называли vespillones и sandapilarios. У нихъ былъ гробъ, который служилъ для всѣхъ бѣдныхъ: въ этомъ гробѣ только отвозили ихъ на кладбище; а въ могилу опускали одно тѣло, вынувъ его изъ гроба. Светоній называетъ этотъ гробъ: popularem sandapilam.

5) Ст. 10. *Пантолабъ* и *Номентанъ*, два негодяя, изъ которыхъ одинъ пропитывался своимъ шутовствомъ, а другой, какъ думаютъ объяснители, промоталъ свое наслѣдство. Этаго послѣдняго, т. е. Номентана, Горацій упоминаетъ и въ первой своей сатирѣ, какъ расточителя, и второй книги тоже въ сатирѣ первой. Слѣдуя схоліасту, настоящее имя Пантолаба было Mallius Verna; а Номентану родовое имя было—*Кассій*. Оба они были еще живы, когда была написана эта сатира. Горацій хочетъ сказать этимъ стихомъ, что и ихъ мѣсто было бы тутъ же, гдѣ погребались бѣдняки и нищіе.

6) Ст. 12. На каменномъ столбѣ писалось, что такой-то, владѣлецъ земли, уступаетъ ее подъ кладбище; потомъ обозначалась ей мѣра *въ длину*, т. е. по дорогѣ,

и *въ глубину*, или *въ ширину*, т. е. въ поле. Надпись оканчивалась обыкновенно словами: heredes monumentum ne sequeretur; чѣмъ запрещалось наслѣдникамъ вступаться въ эту землю.

7) Ст. 13. Холмъ Эсквилійскій былъ заключенъ въ окружность Рима еще при царѣ Сервіѣ Тулліѣ. Онъ былъ столь обширенъ, что составлялъ нѣкогда второй округъ Рима, а при новомъ раздѣленіи Рима, во время Августа, онъ, вмѣстѣ съ холмомъ Виминальскимъ, составилъ пятый округъ. Мѣсто, которое здѣсь описано и которое служитъ Канидіи сценою ея волшебства, лежало, по всей вѣроятности, на самомъ концѣ горы Эсквилійской. Послѣ разведенія садовъ воздухъ на ней столь очистился, что Августъ, когда бывалъ боленъ, переѣзжалъ туда для перемѣны воздуха.

8) Ст. 22. Palla—верхнее широкое платье.

9) Ст. 23. Канидія и Сагана—тѣже самыя, о которыхъ говорится кн. 5 въ одѣ 5 и въ концѣ осьмой сатиры, кн. 2. Сагана называется старшей, вѣроятно, потому, что ихъ было двѣ сестры.

10) Ст. 33. Геката—тоже, что Діана. Ее всегда призывали при волшебныхъ заклинаніяхъ, что видно и въ упомянутой выше одѣ: къ Канидіи.

11) Ст. 35. Послѣ этаго стиха я опять долженъ былъ пропустить три стиха подлинника. Пусть любопытные прочитаютъ ихъ въ оригиналѣ. У древнихъ слухъ былъ не столь стыдливъ, какъ у насъ новѣйшихъ.

САТИРА ДЕВЯТАЯ.

ВСТРѢЧА.

Шелъ я случайно Священною улицей—въ мысляхъ о чемъ-то, [1]
Такъ, по привычкѣ моей, о бездѣлкѣ задумавшись.—Нѣкто
Вдругъ повстрѣчался со мной, мнѣ по имени только извѣстный.
За руку взявъ, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, какъ поживаешь, любезный?» [2]
—«Такъ, потихоньку, какъ видишь! За добрый привѣтъ—исполненья
Всѣхъ желаній тебѣ!»—Но видя, что шелъ онъ за мною,
Я съ вопросомъ къ нему: не имѣетъ ли нужды во мнѣ онъ?
«Мы вѣдь извѣстны тебѣ, онъ сказалъ: мы ученые люди!» [3]
—«Знаю!» ему я въ отвѣтъ: «и тѣмъ больше тебя уважаю!»
Самъ торопился, нельзяли уйти, и пошелъ поскорѣе;
Только что изрѣдка на-ухо будто шепну что съ слугою.
Потъ между тѣмъ съ нетерпѣнья дождемъ такъ съ меня и катился
Съ головы до подошвъ!—«О! какъ же ты счастливъ, Болàнусъ, [4]
Что съ такой ты рожденъ головой!» я подумалъ.—А спутникъ
Улицы, городъ хвалить принялся!... Но не слыша ни слова,

«Вѣрно ты хочешь, сказалъ, ускользнуть отъ меня: я ужъ вижу!
Только тебѣ не уйти: не пущу, и пойду за тобою! [5]
А куда ты идешь?»—«Далекó! Мой знакомый—за Тибромъ;
Тамъ, у садовъ; онъ съ тобой незнакомъ! Что кружить попустому!» [6]
—«Я не лѣнивъ; провожу!»—Опустилъ я съ отчаянья уши,
Точно упрямый осленокъ, навьюченный лишнею ношей!
А сопутникъ опять: «Если знаю себя я—конечно
Дружбу оцѣнишь мою ты неменьше, чѣмъ дружбу другова,
Виска, сказать напримѣръ, или Варія! [7] — Кто сочиняетъ
Столько стиховъ, и такъ скоро, какъ я?... Кто въ пляскѣ такъ ловокъ?...
Въ пѣньѣ же самъ Гермогенъ мой завистникъ!» [8]—«А что!» тутъ спросилъ я,
Чтобъ прервать разговоръ: «есть и мать у тебя, и родные?»
—«Всѣхъ схоронилъ!—Никого!»—«Вотъ прямо счастливцы!» подумалъ
Я про себя: «а вотъ я... еще живъ на мученье! Недаромъ,
Жребій въ урнѣ встряхнувъ, предрекала старуха Сабинка: [9]
«Этотъ ребенокъ, сказала она, не умретъ ни отъ яда,
Ни отъ стали врага, ни отъ боли въ боку, ни отъ кашля;
Ни подагра его не возметъ!... Но какъ въ возрастъ придетъ онъ,
Надо беречься ему болтуновъ!»—Вотъ дошли мы до храма
Весты; [10] а дня ужь четвертая часть миновала! [11] —Мой спутникъ
Поручился явиться въ судѣ; а неявкою—дѣло
Былобъ проиграно!—«Если ты любишь меня, онъ сказалъ мнѣ,
Помоги мнѣ: побудь тамъ немножко со мною!» [12] — «Я, право,
Долго стоять не могу; да я и законовъ не знаю!» [13]
—«Что же мнѣ дѣлать!» онъ молвилъ въ раздумьѣ: «тебя ли оставить,
Или ужь тяжбу?» [14] — «Конечно меня! Тутъ чего сомнѣваться!»
—«Нѣтъ! не оставлю!» сказалъ — и снова пошелъ онъ со мною!
Съ сильнымъ бороться нельзя; я за нимъ.— «Что? какъ нынче съ тобою

И хорошъ ли къ тебѣ Меценатъ?—Онъ вѣдь другъ не со всякимъ!
Здравомыслящъ, уменъ, и съ Фортуною ладить умѣетъ!
Еслибъ одинъ человѣкъ... могъ втерѣться къ нему!—Помоги-ка:
Былъ бы помощникъ твой, въ роляхъ вторыхъ! Всѣхъ отбилъ бы! Клянуся!»[15]
—«Полно! ему я сказалъ: мы не любимъ тамъ этихъ продѣлокъ!
Домъ Мецената таковъ, что никто тамъ другимъ не помѣхой!
Будь кто богаче меня, иль ученѣе, каждому мѣсто!»
—«Чудно! и трудно повѣрить!»—«Однако же такъ!»—«Тѣмъ сильнѣе
Ты охоту во мнѣ возбудилъ къ Меценату быть ближе!»
—«Стоитъ тебѣ захотѣть! Меценатъ лишь сначала неласковъ;
Впрочемъ, доступенъ онъ всѣмъ!»—«Ничего! какъ нибудь постараюсь!
Хоть рабовъ у него подкуплю; а ужь я не отстану!
Выгонютъ нынче—въ другой разъ приду; гдѣ нибудь перекресткомъ
Встрѣчу его, и пойду провожать!—Что же дѣлать! Намъ смертнымъ
Жизнь ничего не даетъ безъ труда: ужь такая намъ доля!»
Такъ онъ болталъ безъ умолку!—Вотъ, встрѣтясь съ АристіемъФускомъ,[16]
(Зналъ онъ его хорошо)—я помедлилъ идти; помѣнялись
Мы вопросами съ нимъ: «Ты откуда? куда?»—Я за тогу
Фуска къ себѣ потянулъ, и за обѣ взялъ руки; и тихо
Сдѣлавши знакъ головой, самъ глазами ему показалъ, чтобъ избавилъ
Какъ нибудь отъ мученья меня!—А лукавецъ смѣется
И не хочетъ понять!—Тутъ вся желчь во мнѣ закипѣла!
«Ты, Аристій, хотѣлъ мнѣ что-то сказать посекрету?»
—«Помню, сказалъ онъ, но лучше въ другое удобное время!
У Іудеевъ тридцатая нынѣ суббота, и праздникъ;[17]
Что за дѣла въ подобные дни, и начто оскорблять ихъ!»
—«Строгъ же ты въ совѣсти!» я возразилъ: «а я, признаюся,
Я не таковъ!»—«Чтожь дѣлать! въ отвѣтъ онъ: я многимъ слабѣе![18]

Человѣкъ я простой, съ предразсудками; лучше отложимъ!»
Черный же день на меня! — Онъ ушелъ; и остался я снова
Подъ злодѣйскимъ ножомъ! — Но по счастью отвѣтчикъ навстрѣчу! [19]
75. «Гдѣ ты, безчестный!» вскричалъ онъ. Потомъ — онъ ко мнѣ обратился
Съ прозьбой: свидѣтелемъ быть. — Я скорѣй протянулъ уже ухо! [20]
Повели молодца! — Въ слѣдъ за ними, и справа, и слѣва,
Съ крикомъ народъ повалилъ! — Такъ избавленъ я былъ Аполлономъ! [21]

5 Дек. 1849.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТ. 9.

—

1) Ст. 1. Священная улица получила это названіе можетъ быть отъ такъ называемой Regia, гдѣ верховный жрецъ, Rex sacrificulus, ежемѣсячно приносилъ торжественную жертву за городъ Римъ, и гдѣ великій первосвященникъ, pontifex maximus, собиралъ коллегію жрецовъ. Эта улица перерѣзывала четвертую часть города и вела къ такъ называемой meta sudans, фонтана въ видѣ обелиска, до большаго римскаго форума, подъ Флавіевы ворота. Она была одна изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ удобныхъ для ходьбы улицъ Рима; и потому на ней всегда много было праздныхъ охотниковъ до ходьбы, и услужливыхъ красавицъ, и философовъ, и стихотворцевъ.

2) Ст. 4. Видъ короткаго знакомства съ Горацiемъ этаго человѣка, котораго онъ едва знаетъ по имени, есть первая черта, показывающая уже нахала и пустаго человѣка.

3) Ст. 8. Это множественное *мы* вмѣсто единственнаго *я*, удивительно какъ приходится по свойству нашего языка. Оно показываетъ и нѣкоторую важность говорливаго самохвала, и нѣкоторую робость неопредѣленнаго выраженія, и какъ будто принадлежность къ разряду ученыхъ.

4) Ст. 13. Этотъ Bollanus, говоритъ схоліастъ, былъ грубіянъ, который всякому говорилъ въ глаза, что̀ объ немъ думалъ, какъ бы ни было это неучтиво.

5) Ст. 17. Вѣролтно, эта дерзость была, по мнѣнію нахала, только остротою.

6) Ст. 19. Въ подлинникѣ: «близъ *цезаревыхъ* садовъ.» Признаюсь, прилагательное не умѣстилось въ стихъ, хотя оно было очень нужно для означенія дальней дороги, чѣмъ Горацій хотѣлъ отдѣлаться отъ своего спутника. Такая неудача бываетъ и съ великими поэтами. Самъ Горацій (въ сат. 5), пропустилъ имя одного города, потому что не могъ умѣстить его въ мѣру стиха. Цезаревы сады были за Тибромъ, на другомъ концѣ города, совершенно противуположномъ Священной улицѣ.

7) Ст. 24. Виски (Viscus, Visci), были два брата сенаторскаго достоинства, сыновья римскаго всадника Вибія Виска (Vibius Viscus), котораго очень уважалъ Августъ. Оба они отличались своими дарованіями въ литературѣ. Горацій упоминаетъ объ нихъ въ сатирѣ 10-й въ числѣ людей, которыхъ одобреніе почитаетъ для себя лестнымъ. Отъ нихъ ничего не дошло до насъ, кромѣ имени извѣстнаго изъ Горація.

8) Ст. 26. Пѣвецъ Гермогенъ Тигелій. Нѣкоторые смѣшиваютъ его съ Тигеліемъ сардинскимъ, о которомъ упоминаетъ Горацій въ сат. 2 и 3-й. Но сардинскаго Тигелія въ это время не было уже въ живыхъ. Доказательство этому, см. въ примѣчаніи къ сат. 2-й стиху 3-му.

9) Ст. 30. Здѣсь говорится о гаданіи посредствомъ урны и жребіевъ, per urnam et sortes, которое происходило такимъ образомъ: урна наполнялась множествомъ буквъ и цѣлыхъ словъ; ихъ трясли въ урнѣ и потомъ высыпали. Если случалось, что изъ буквъ, лежащихъ рядомъ, выходили цѣлыя слова, а изъ словъ рѣченія: то изъ нихъ выводили отвѣтъ на гаданіе.

10) Ст. 35. Храмъ Весты находился, какъ и Священная улица, тоже въ четвертой части Рима, но уже на другой, на Новой улицѣ. Это значитъ, что Горацій, не дойдя до Форума, поворотилъ на лѣво; но не мимо Форума, какъ говоритъ Дасье. Планъ Рима, находящійся у Дезобри, и которымъ я пользовался для повѣрки мѣстности, ясно показываетъ дорогу, по которой шелъ Горацій.

11) Ст. 35. Здѣсь слово *часть*, pars, какъ говорятъ толкователи, означаетъ *часъ*. Марціалъ говоритъ, что суды открывались въ три часа, (по нашему исчисленію времени, часовъ въ девять утра): exercet raucos tertia caussidicos (Mart. L. 4 ep. 8). Слѣдовательно уже часъ, какъ были открыты суды; а говоруну, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, надобно было явиться въ судъ.

12) Ст. 38. Въ подлинникѣ эта странная просьба тотчасъ понятна, потому что она выражена судебнымъ терминомъ: adesse. Это значило прибыть въ судъ, чтобы подкрѣпить чью тяжбу своимъ присутствіемъ, или предлагая и припоминая нѣкоторыя доказательства, или напоминая законы.

13) Ст. 39. Горацій, чтобы извинить свой отказъ, представляетъ двѣ причины: 1) что не можетъ стоять — я прибавилъ для ясности: *долго* стоять; 2) что онъ не знаетъ законовъ, и потому не можетъ быть ему полезнымъ. А что Горацій, видно, дѣйствительно не зналъ римскихъ законовъ, это можно заключить изъ упрека ему извѣстнаго законовѣда Требатія. Кн. 2 сат. 1 ст. 80.

14) Ст. 41. Это не можетъ быть почтено излишнею натяжкою сатирика; ибо изъ послѣдствія видно, что говорунъ, привязавшись къ Горацію, имѣлъ свои виды, свою цѣль: знакомство съ сильнымъ лицемъ, съ Меценатомъ.

15) Ст. 47. Слово помощникъ не передаетъ вполнѣ термина, находящагося въ подлинникѣ: magnum adjutorem; но какъ было перевести его? Слово adjutor взято

отъ сцены; оно означало того, который помогалъ актеру, или голосомъ, или знаками. Выраженіе «во вторыхъ роляхъ», secundae partes, показываетъ яснѣе всего мысль говорящаго. Тѣ, которымъ доставались вторыя роли, хотя бы это случилось и съ первостепеннымъ актеромъ, были обязаны такъ выставлять главную роль, главное лицо піесы, чтобы и на актерѣ отражалось это первенство.

16) Ст. 59. Тотъ самый, къ которому написана 22 ода первой книги, и 10 эпистола тоже книги первой.

17) Ст. 68. Іудеи начинали новый годъ мѣсяцемъ *Тишри*, который соотвѣтствовалъ сентябрю; а праздникъ пасхи былъ у нихъ 15 числа мѣсяца *Нисана*, что соотвѣтствуетъ или концу марта, или апрѣлю. А съ перваго сентября по половину апрѣля дѣйствительно 30 недѣль. И такъ эта сцена Горація съ говоруномъ происходила, или въ концѣ марта, или въ половинѣ апрѣля, въ праздникъ іудейской пасхи. Этотъ праздникъ продолжался у нихъ, какъ и у насъ, недѣлю. Два первые и два послѣдніе дня были самыми торжественными, въ которые запрещалось даже и говорить о дѣлахъ. Вотъ почему Аристій Фускъ не хочетъ говорить съ Гораціемъ. Для бо́льшаго уразумѣнія этаго мѣста надобно замѣтить, что въ Римѣ было множество Іудеевъ, и что Августъ, по примѣру Юлія Цезаря, имъ особенно покровительствовалъ. Онъ не только воспретилъ мѣшать имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ; но, по свидѣтельству Филона Іудеянина, онъ опредѣлилъ сумму для принесенія ежедневно, за него и за весь домъ его, въ жертву тельца и двухъ агнцевъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. И эта жертва, какъ увѣряетъ Филонъ, приносилась еще долго и по смерти Августа.

18) Ст. 71. Все это Аристій Фускъ говоритъ объ Іудеяхъ, безсомнѣнія, въ шутку, и можетъ быть отчасти намекая на благочестіе Августа. И потому очень странно, что изъ словъ: «я нѣсколько слабѣе», paulo infirmior, Дасье заключаетъ, что Аристій былъ можетъ быть послѣдователь іудейскаго закона; ибо, говоритъ онъ, Іудеи обратили тогда многихъ римлянъ.

19) Ст. 74. Въ римскомъ правѣ не было закона, чтобы по неявкѣ къ суду, (in contumatiam) тяжущагося, или лица, представленнаго имъ для доказательства своего права, дѣло почиталось проиграннымъ. И потому, говоритъ Гейндорфъ, должно предполагать, что въ этомъ случаѣ было условлено между тяжущимися, чтобы въ случаѣ неявки которой-либо стороны, цѣна иска, (litis aestimatio) была уплачена неявившеюся стороною. А такъ какъ въ стихѣ 40 говорунъ разсуждаетъ итти ли ему, или нѣтъ: то такое равнодушіе къ процессу показываетъ, что потеря иска падала не на него, а на тяжущагося, который потому-то и имѣлъ причину обрадоваться, что съ нимъ встрѣтился, и потащить его насильно.

20) Ст. 76. Если человѣкъ, обязанный поручительствомъ явиться къ суду, vadatus, въ назначенный день не являлся, тогда, по прошествіи часа, назначеннаго къ явкѣ, дозволялось вести его силою къ претору. Но прежде употребленія насилія надлежало

взять въ свидѣтели тѣхъ, которые при этомъ случились. Получивъ же ихъ согласіе быть свидѣтелями, въ знакъ этаго, брали ихъ за ухо, приговаривая: memento, quod tu in illa causa testis eris, «помни, что ты въ этомъ дѣлѣ былъ свидѣтелемъ,» что и называлось antestari. Но если тяжущійся употреблялъ насильственное средство, не пригласивъ предварительно свидѣтелей, тогда обиженный имѣлъ право начать противъ него искъ въ оскорбленіи, actionem injurarium.

Въ законѣ XII таблицъ, (tab. 1) именно сказано: Si in jus vocatus, nec it, antistatus igitur im capito: si calvitur pedemve struit, manum endojacito. «Если позванный къ суду не является, возми свидѣтелей и схвати его; если онъ противится и хочетъ бѣжать, веди силою».

Этаго обряда, т. е. приглашенія свидѣтелей, не соблюдалось только съ ворами, продавцами рабовъ, и другими людьми презираемаго класса. Но къ свободной женщинѣ совсѣмъ не дозволено было прикасаться.

21) Ст. 78. Подражаніе, можетъ быть, Гомеру. Иліада, пѣснь 20, ст. 443. Въ переводѣ Гнѣдича:

«Но Фебъ Аполлонъ Пріамида избавилъ.»

САТИРА ДЕСЯТАЯ.

ПРОТИВЪ ЛУЦИЛІЯ. (1)

Да! я конечно сказалъ, что стихи у Луцилія грубы, [2]
Что бѣгутъ безъ порядка они!—Кто безсмысленный будетъ
Столько приверженъ къ нему, что и самъ не признается въ этомъ?...
Но того же Луцилія я и хвалилъ—за насмѣшки,
Полныя соли, прóтиву Рима! [3] —Однакожь, воздавши
Эту ему похвалу, не могу я хвалить все другое!
Еслибы такъ, то пришлось бы мнѣ всѣмъ восхищаться, и даже
Мимамъ Лаберія вслухъ, какъ прекраснымъ поэмамъ, дивиться! [4]
Хорошо и умѣть разсмѣшить, но еще не довольно!
Краткость нужна, чтобъ не путалась мысль, а стремилась свободно!
Нужно, чтобъ слогъ былъ, то важенъ, то кстати игривъ; чтобы слышны
Были въ немъ риторъ, поэтъ, но и тонкости свѣтской красивость! [5]
Надобно силу умѣть и беречь, и гдѣ нужно, умѣрить!
Шуткой нерѣдко рѣшается трудность и легче, и лучше,
Нежели силой ума!—То старинные комики знали!

Намъ бы не худо послѣдовать имъ; а ихъ не читаютъ
Ни прекрасный собой Гермогенъ, [6] ни та обезьяна,
Чье все искуство въ одномъ: подпѣвать Катуллу, да Кальву! [7]
«Такъ! но вѣдь этотъ Луцилій сдѣлалъ великое дѣло
Тѣмъ, что онъ много ввелъ греческихъ словъ, примѣшавши къ латинскимъ!»
—О запоздалые люди! вамъ кажется важнымъ и труднымъ,
То, что бывало давно! Такъ писалъ Пиоолеонъ Родосецъ! [8]
«Правда! но это смѣшенье въ стихахъ такъ для слуха пріятно,
Какъ хіосское вмѣстѣ съ фалернскимъ—пріятно для вкуса!» [9]
—А позволь мнѣ спросить: напримѣръ, хорошоли бы, еслибъ
Трудное дѣло Петиллія ты защищалъ, [10] —и другіе,
Педій, Корвинъ, Публикола, потѣли бъ съ своею латынью, [11]
Ты же, забывъ и отца и отечество, сталъ возражать имъ
Рѣчью своей и чужой, какъ въ Канузіумѣ двуязычномъ! [12]
Я и самъ, хоть рожденъ по сю сторону моря, [13] однако,
Тоже, случалось, погречески писывалъ прежде стишонки!
Но однажды, средь ночи, когда сны бываютъ правдивы, [14]
Вдругъ мнѣ явился Квиринъ, [15] и съ угрозой сказалъ мнѣ: безумецъ!
Въ Греціи много поэтовъ! [16] —Толпу ихъ умножить собою —
Тоже, что въ рощу дровъ наносить; ничуть не умнѣе!» [17]
Между тѣмъ, какъ надутый Альпинъ вторично Мемнона
Рѣжетъ въ стихахъ, и уродуетъ грязную голову Рейна, [18]
Я для забавы бездѣлки пишу, которыя въ храмѣ
Бога поэтовъ, (гдѣ Тарпа судьей), состязаться не будутъ, [19]
И не будутъ понѣскольку разъ появляться на сценѣ!
Ты лишь одинъ изъ живущихъ поэтовъ, Фунданій! столь мило
Можешь прелестницъ заставить болтать; столь искусно представить
Дава, который морочитъ бѣднаго старца Хремеса! [20]

Но Полліонъ воспѣваетъ царей; но пламенный Варій
Равныхъ не знаетъ себѣ въ эпопеѣ; а сельскія музы
Нѣжное, тонкое чувство Виргилію въ даръ низпослали!
Я же, что пробовалъ Вàрронъ-Ата́цинъ вотще, и другіе, [21]
Лучше пишу я сатиры, хотя и другой изобрѣлъ ихъ. [22]
Славы великой вѣнца я съ его головы не срываю!
Я одно лишь сказалъ: что онъ льется, какъ мутный источникъ; [23]
Но что больше достойнаго памяти въ немъ, чѣмъ забвенья!
Развѣ нѣтъ недостатковъ въ само́мъ великомъ Гомерѣ?
Развѣ самъ скромный Луцилій не дѣлалъ поправокъ—и въ комъ же?
Въ трагикѣ Акціѣ! [24]—Развѣ надъ Энніемъ онъ не смѣется? [25]
Развѣ, другихъ порицая, себя онъ не выше ихъ ставитъ?..
Чтоже мѣшаетъ и намъ, читая Луцилія, тоже
Вслухъ разбирать: ему ли натура его отказала
Въ мягкости, или предметы, которые онъ выбираетъ
Жо́стки; но только стихи у Луцилія жо́стки—какъ будто
Такъ онъ писалъ, чтобы только шесть стопъ въ стихѣ умѣстились,
Да чтобъ двѣсти стиховъ натощакъ, да столько же послѣ
Ужина!—Чтожь! говорятъ, вѣдь писалъ же такъ Кассій Этрурецъ! [26]
Какъ рѣка онъ стихами кипѣлъ; и по смерти сожженъ былъ
Съ кипой стиховъ: ихъ однихъ на костеръ погребальный достало!
Я повторяю: Луцилій конечно и легче, и глаже,
Чѣмъ нашъ поэтъ, изобрѣтшій стихи, неизвѣстные грекамъ;
Легче и глаже онъ былъ всей толпы стародавныхъ поэтовъ! [27]
Но когда бы, по волѣ судьбы, онъ въ наше жилъ время,
Много бы выключилъ онъ: все, что ниже нашелъ совершенства!
Ногти бы до́-крови грызъ онъ, чтобъ сдѣлать свой стихъ совершеннымъ!
Если ты хочешь достойное что написать, чтобъ читатель

Нѣсколько разъ прочиталъ—ты стиль оборачивай чаще! [28]
Не желай удивленья толпы; а пиши для немногихъ!
Или ты пишешь для школьниковъ? [29] —Нѣтъ! я другаго желаю!
Нѣтъ! я желаю, чтобъ всадникъ меня похвалилъ благородный! [30]
Такъ Арбускула танцовщица разъ, какъ ее освистали,
Очень умно говорила: что зрителей всѣхъ презирая,
Плесковъ она отъ однихъ благородныхъ ждала и желала! [31]
Пусть же Пантилій меня безпокоитъ, какъ клопъ; пусть заочно
Будетъ царапать меня и Деметрій; пусть и безумецъ
Фанній поноситъ при всѣхъ, за столомъ у Тигеллія сидя! [32]
Толькобы Плотій и Варій, мой Меценатъ и Виргилій,
Мужъ благородный Октавій, [33] Валгій и Фускъ одобряли!
Еслибы оба и Виски хвалили—я былъ бы доволенъ!
Но, оставивши лесть, я могу справедливо причислить
Къ нимъ и тебя, Полліонъ, и Мессалу съ достойнѣйшимъ братомъ,
Также Бибула и Сервія, также и Фурнія съ ними! [34]
Многихъ друзей просвѣщенныхъ мнѣ скромность назвать запрещаетъ!
Ихъ бы желалъ я хвалы; признаюсь, что мнѣ грустно бы было,
Еслибъ надежда меня въ одобреніи ихъ обманула!
Съ васъ же, Деметрій, съ Тигелліемъ, будетъ вниманья и школьницъ! [35]
Мальчикъ! поди переписывать эту тетрадку съ другими!

10 Генв. 1849.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 10.

—

1) Каій Енній Луцилій былъ римскій всадникъ. Онъ родился, по иным извѣстіямъ, за 147, а по другимъ за 149 лѣтъ до Р. Х., а умеръ за 103 года; слѣдовательно за 38 лѣтъ до рожденія Горація. Луцилій былъ двоюродный дѣдъ Помпея, со стороны его матери, т. е. ея родной дядя. Онъ написалъ 30 сатиръ, которыхъ отрывки были собраны и напечатаны въ первый разъ въ 1597 году, въ Лейпцигѣ. Луцилій почитался изобрѣтателемъ римской сатиры. (См. примѣч. 22 и 27).

2) Ст. 1. Это относится къ 4-й сатирѣ Горація этой же книги. Луцилій по свидѣтельству схоліастовъ, имѣлъ много приверженцевъ, даже и во время Горація. Они обвиняли новаго поэта въ неуваженіи къ старому, и даже въ зависти къ своему предшественнику. Здѣсь оправдывается Горацій въ этомъ обвиненіи.

3) Ст. 5. Луцилій нападалъ не только на извѣстныхъ римлянъ, но и на народъ римской; почему Горацій и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: (кн. 2 сат. 1 ст. 69):

Primores populi arripuit, populumque tributim.

«Онъ нападалъ и на первыхъ людей, и на цѣлыя трибы.»

4) Ст. 8. Римляне изстари любили всякаго рода шутовскія драматическія представленія. Одно изъ такихъ были *мимы*, которыя, (какъ почти всѣ ихъ artes ludicras), кажется, были заимствованы отъ грековъ. Ни одно изъ этихъ произведеній не дошло до насъ; но изъ всего, что извлечено новѣйшими филологами объ этомъ предметѣ, можно догадываться, что это были *монодрамы*; что главнѣйшею цѣлію ихъ было возбудить хохотъ зрителей, и что при этомъ мало щадилось цѣломудріе слуха. По этому и Овидій говоритъ о нихъ: mimos obsena jocantes. Счастливый геній и тонкій вкусъ грековъ вѣроятно умѣлъ украсить и эти простонародныя драмы; ибо самъ Платонъ читалъ съ удовольствіемъ мимы Софронія Сиракузскаго. Должно думать, что мимы Лаберія и Публія Сира были тоже отличны отъ другихъ въ своемъ родѣ. Горацій не опорочиваетъ здѣсь ни самаго Лаберія, ни его сочиненій: онъ говоритъ объ

ихъ, вѣроятно, только по сравненію съ изящными произведеніями поэзіи, имѣющими цѣлію не толпу, а людей образованныхъ; ибо, въ художественномъ отношеніи, не все то изящно, что нравится. Платонъ и Аристотель строго различаютъ прекрасное съ пріятнымъ: прекрасное, по ихъ мнѣнію, есть доброе, честное и достойное похвалы, перенесенное въ область красоты, въ область искуства. Горацій, напитанный ученіемъ грековъ, вѣроятно слѣдуетъ здѣсь имъ же въ понятіи о прекрасномъ.

Здѣсь я почитаю нужнымъ сказать о самомъ Лаберіѣ, и дозволю себѣ, въ оправданіе его, нѣсколько распространиться.

Децій Лаберій былъ римскій всадникъ, (Род. въ 645 г. отъ п. Р. за 109 лѣтъ до Р. Х.). Онъ только *писалъ* мимы; но, какъ всадникъ, для котораго званіе актера было унизительно, не игралъ въ нихъ, а отдавалъ разыгрывать ихъ актерамъ. Но Цезарь, по окончаніи помпеевской гражданской войны, учредившій на своемъ иждивеніи во всѣхъ частяхъ города Рима игры, потребовалъ отъ шестидесятилѣтняго Лаберія, чтобы онъ вышелъ самъ на сцену для состязанія съ знаменитымъ молодымъ гистріономъ Публіемъ Сиромъ. Горько было Лаберію такое униженіе; но надобно было покориться силѣ. Макробій сохранилъ намъ часть пролога, который при этомъ случаѣ говорилъ Лаберій передъ народомъ, пролога, наполненнаго благороднаго чувства оскорбленнаго достоинства, покоряющагося необходимости.

Мало этаго. Такъ какъ выборъ мимы предоставленъ былъ самому Лаберію, то онъ выбралъ такую, въ которой многіе стихи могли быть примѣнены къ самому Юлію Цезарю. Напр. стихъ, которымъ онъ, въ ролѣ раба, обратился вдругъ къ народу:

Porro, Quirites! libertatem perdimus!
«Правда, квириты! мы вольность свою потеряли!»

А потомъ:

Necesse est multos timeat, quem multi timent!
«Многихъ долженъ бояться и самъ, кого всѣ боятся!»

При этихъ словахъ взоры всего народа обратились къ Цезарю. Такъ отмстилъ Лаберій за свое униженіе!

Юлій Цезарь присудилъ награду Публію Сиру, но чтобы возстановить Лаберія въ званіи всадника, (которое онъ потерялъ чрезъ согласіе явиться гистріономъ), тутъ же вручилъ ему золотое кольцо, (знакъ всадника), подарилъ ему 500 тысячъ сестерцій и пригласилъ занять мѣсто, по его званію въ амфитеатрѣ, между всадниками. Всадники нарочно стѣснили ряды, чтобы не дать ему мѣста. Тогда Цицеронъ, сидѣвшій на скамьѣ сенаторовъ, видя замѣшательство Лаберія, сказалъ ему: «Я далъ бы тебѣ мѣсто возлѣ себя; да и у насъ тѣсно!» Это острое слово относилось къ Цезарю, который незадолго передъ тѣмъ наполнилъ сенатъ множествомъ *людей новыхъ*, своихъ приверженцевъ.

5) Ст. 12. Вотъ какъ Горацій разумѣетъ о стилѣ истиннаго поэта, который онъ почиталъ необходимымъ условіемъ поэтическаго произведенія. Кромѣ его «Науки по-

эзіи» и кромѣ «Эпистолы къ Августу», (кн. 2 эп. 1) по многимъ мѣстамъ его произведеній разбросаны драгоцѣнныя указанія, которыя и нынѣ могутъ быть полезными и вести къ прямой цѣли изящнаго. Безъ стиха не можетъ быть вѣрнаго выраженія идеи; а безъ вѣрнаго выраженія пропадаетъ и красота вымысла.

6) Ст. 17. О Гермогенѣ Тигеллiѣ—см. сат. 2 ст. 3., сат. 3 ст. 3 и примѣчанія къ нимъ.

7) Ст. 18. Деметрій, о которомъ говорится ниже, ст. 80. Онъ былъ актеръ и писалъ стихи. Горацій называетъ его обезьяною, какъ полагаютъ нѣкоторые, по его безобразію и мелкой злости. Но и безъ этаго названіе обезьяной достаточно объясняется его подражательностію Катуллу и Кальву. *Катуллъ* извѣстенъ; о *Кальвѣ* же видно изъ Авла Геллія, что сами греки находили его стихотворенія достойными сравненія съ пѣснями Анакреона. И Гермогенъ, и Деметрій не читали другихъ поэтовъ, кромѣ этихъ двухъ, которые нравились имъ по сладострастному направленію ихъ произведеній. Здѣсь выраженіе Calvum et Catullum cantare—перевелъ я словомъ *подпѣвать*, потому что по общему изъясненію толкователей, оно не значитъ пѣть стихи этихъ поэтовъ, но подражать имъ.

8) Ст. 22. По свидѣтельству схоліаста этотъ graeculus писалъ эпиграмы, въ которыхъ греческія и латинскія слова были перемѣшаны.

9) Ст. 24. Фалернское вино было довольно грубо, и потому къ нему прибавляли хіосскаго, которое было легче и слаще. Юлій Цезарь, на пирѣ данномъ по случаю его тріумфа, велѣлъ поставить на каждый столъ и того и другаго, дабы тѣ, которые не могли пить одного фалернскаго, могли прибавлять къ нему хіосскаго.

10) Ст. 26. О Петиллiѣ см. сат. 4, примѣч. 32 къ стиху 95.

11) Ст. 27. *Педій* — полагаютъ что это сынъ К. Педія, которому Юлій Цезарь завѣщалъ четвертую часть своего имѣнія, и который былъ консуломъ при Августѣ. *Корвинъ* — Мессала Корвинъ, знаменитый краснорѣчіемъ и благородствомъ своего происхожденія.

12) Ст. 29. Городъ Canusium (см. примѣч. къ сат. 5 ст. 92) по преданію былъ построенъ Діомедомъ. Жители его были греческаго происхожденія, и потому мѣшали греческій языкъ съ латинскимъ.

13) Ст. 30. Горацій говоритъ: «рожденъ по-сію сторону моря» (что значитъ въ Италіи), въ противоположность Греціи, лежащей отъ Италіи по ту сторону моря.

14) Ст. 32. Аполлоній Тіанскій говоритъ, (въ Филостратѣ), что толкователи снова спрашивали всегда, въ которомъ часу ночи привидѣлся сонъ. Если къ утру, или по прошествіи полуночи, то почитали его справедливымъ, потому что душа бываетъ тогда свободна отъ испареній пищи и вина.

15) Ст. 33. Ромулъ явился ему преимущественно передъ другими богами вѣроятно потому, что онъ болѣе другихъ заботился, чтобы потомки его народа сохранили языкъ отечественный, языкъ Рима.

16) Ст. 34. Во время Горація безсомнѣнія гораздо болѣе было произведеній греческихъ поэтовъ, нежели дошло до нашего времени.

17) Ст. 35. «Дрова въ лѣсъ носить»—пословица, или поговорка, подобная нашей: «въ море лить воду», и напоминающая стихъ Крылова, въ баснѣ *Туча*:

«А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно».

18) Ст. 37. Одинъ изъ схоліастовъ полагаетъ, что этотъ Альпинъ—есть Фурій Бибакулъ, получившій прозваніе *Альпина*, потому что онъ родился въ той части Галліи, въ которой находились Альпы. *Мемнонъ*, какъ думаютъ, была его трагедія. Онъ написалъ еще поэму на войну въ Германіи, въ которой изображаетъ бога рѣки Рейна. Объ этомъ Фуріѣ упоминается еще у Горація въ 5 сат. 2 кн. ст. 41.

19) Ст. 39. Поэты, писавшіе для сцены, должны были предварительно прочитывать свои сочиненія предъ ценсорами, при чемъ они состязались и въ достоинствѣ своихъ произведеній. Для разбора ихъ назначено было пять судей. Спурій Метій Тарпа былъ важнѣйшій между ними.

Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ схоліастовъ: Metius Tarpa fuit judex criticus, auditor assiduus poëmatum et poëtarum, in aede Apollinis sed Musarum, quo convenire poëtae solebant, suaque scripta recitare, quae nisi à Tarpa aut alio critico, qui numero erant quinque, probarentur, in scenam non deferebantur. «Метій Тарпа былъ судья-цѣнитель, и прилежный выслушиватель поэмъ и поэтовъ, въ храмѣ Аполлона, или музъ, куда обыкновенно сходились поэты читать свои сочиненія, которыя никакъ не отдавались на сцену, если не были одобрены Тарпой и другими критиками, которые были въ числѣ пяти.» На состязаніяхъ, бывавшихъ при этихъ чтеніяхъ между поэтами, упоминалось иногда имя Августа. И потому Августъ повелѣлъ претору смотрѣть, чтобъ имя его не унижалось въ ихъ спорахъ. Admonebatque Praetores, ne paterentur nomen suum commissionibus obsolefieri. Suet c. 89.

20) Ст. 43. Старикъ *Хремесъ*, дѣйствующее лице въ одной изъ комедій Терренція. Комической поэтъ *Фунданій* долженъ быть тотъ самый, котораго выводитъ Горацій, какъ лице, съ нимъ разговаривающее, въ 8 сат. 2 книги.

21) Ст. 47. Виргилій извѣстенъ. Varro Atacinus — сатирикъ, котораго недолжно смѣшивать съ полигисторомъ М. Терренціемъ Барономъ, авторомъ недошедшихъ до насъ, такъ называемыхъ, Менипейскихъ сатиръ, писанныхъ прозою, или неправильными стихами. Этотъ, упоминаемый здѣсь Горацiемъ, былъ *Публій Терренцій Варронъ*, изъ мѣстечка Atax, въ Нарбонской Галліи. Отъ него не осталось ничего, кромѣ незначительныхъ отрывковъ и эпиграммъ.

22) Ст. 48. Здѣсь называетъ Горацій изобрѣтателемъ *Луцилія*, а ниже (ст. 66) *Эннія*. Толкователи стараются согласить это такъ, что сатиры Эннія и Луцилія имѣли общаго только одно названіе; но что онѣ существенно различествовали между

собою. Satira говоритъ грамматикъ Діомедъ, est carmen maledicum, et ad carpenda hominum vitia compositum, quale scripserunt Lucilius, Horatius et Persius. Sed olim carmen quod ex variis poëmatibus constabat satira vocabatur, quales scripserunt Pacuvius et Ennius. «Сатира есть сочиненіе порицательное, предназначенное для охужденія людскихъ пороковъ: таковыя писали Луцилій, Горацій и Персій. Но въ старинное время называлось сатирою произведеніе, составленное изъ различныхъ стиховъ; такъ писали Пакувій и Энній.»

23) Ст. 50. Эти стихи находятся въ сат. 4 ст. 6—11.

24) Ст. 54. Акцій, или Аттій; поэтъ трагической. Онъ написалъ болѣе шестидесяти драматическихъ сочиненій, изъ которыхъ до насъ дошли только отрывки.

25) Ст. 54. Энній, эпическій и трагическій поэтъ; онъ же и писатель сатиръ, упоминаемый выше, родомъ изъ Калабріи родился за 174 года до рожденія Горація. Онъ написалъ поэму подъ названіемъ: *Римскія лѣтописи*, въ которую включилъ всю римскую исторію до своего времени. Изъ нея остались небольшіе отрывки. Другая его поэма: *Сципіонъ*. Онъ перевелъ многія поэмы греческія.

26) Ст. 62. Санадонъ полагаетъ, что здѣсь названъ Этрурцемъ Кассій Пармскій, потому что Парма принадлежала въ древности къ Этруріи. Дасье говоритъ, что это тотъ самый Кассій, который былъ въ числѣ заговорщиковъ противъ Цезаря и пристадъ, послѣ смерти Брута, къ сторонѣ Помпея, а потомъ передался Антонію, и когда былъ разбитъ Антоній, удалился въ Аѳины; что Августъ, оскорбленный его дерзкими словами, повелѣлъ Вару убить его; что Варъ напослъ его въ кабинетъ, убилъ и сжегъ его тѣло вмѣстѣ съ его рукописями.

Но Виландъ утверждаетъ, что это лицо неизвѣстное. Вопервыхъ, говоритъ онъ, тотъ Кассій, бывшій въ заговорѣ противъ Цезаря, былъ товарищъ Горація въ лагерѣ Брута; вовторыхъ, Горацій, въ своей эпистолѣ къ Тибуллу, упоминаетъ объ немъ съ уваженіемъ; въ третьихъ, для отличія отъ Кассія Пармскаго, Горацій называетъ этаго именно Этрурцемъ, а чтобы Парма когда нибудь причислялась къ Этруріи, этаго ничѣмъ не доказано.

27) Ст. 66. Здѣсь говорится тоже объ Эннiѣ. Подъ «стихами неизвѣстными Грекамъ» подразумѣвается сатира, которая у Грековъ имѣла форму драматическую, а не ту, которую приняла у римлянъ.

Изъ всего сказаннаго выше о сатирѣ, и изъ всего, что о ней извѣстно изъ свидѣтельствъ древнихъ, кажется, можно вывести такое заключеніе, что поэма, называемая безразлично сатирою, раздѣляется на три рода: 1. сатира Грековъ, которая имѣла форму драматическую. 2. Старинная римская сатира, Пакувія и Эннія, была смѣсью разнородныхъ стиховъ. 3. Новѣйшая римская сатира, начавшаяся съ Луцилія, есть

та, которая принадлежитъ къ дидактикѣ, и хотя является въ разговорной формѣ, но не въ драматической, т. е. не представляетъ дѣйствія.

28) Ст. 72. Выраженіе извѣстное: saepe stilum vertas. Оно взято отъ *стиля*, шпильки, которую употребляли для писанія на дощечкахъ, натертыхъ воскомъ. Одинъ конецъ этаго орудія былъ острый и служилъ для начертанія словъ; а другой плоской для стиранія написаннаго. И потому: «чаще оборачивай стиль,» значитъ: «чаще стирай и переправляй написанное.»

29) Ст. 74. Учители диктовали своимъ ученикамъ стихи старыхъ поэтовъ, неотличавшихся красотою слога, и не удостоивали вниманія новѣйшихъ. Такъ Орбилій диктовалъ своему ученику, Горацію, стихи Ливія Андроника.

30) Ст. 75. Подъ именемъ «всадника» здѣсь разумѣются вообще люди благородные, возвышающіеся своею образованностію надъ толпою черни.

31) Ст. 78. *Арбускула*—пантомимная танцовщица, которая процвѣтала въ послѣднихъ годахъ седьмаго столѣтія, отъ п. Рима. Объ ней упоминается въ 4 книгѣ писемъ Цицерона, въ письмѣ къ Аттику.

32) Ст. 81. *Пантилій*, *Деметрій*, *Фанній* и *Тигеллій*, вѣроятно были главы той партіи, противъ которой возстаетъ здѣсь Горацій. О Фанніи упомянуто еще въ сатирѣ четвертой. (См. ст. 20 прим. 2). Деметрій—тотъ самый, который выше названъ обезьяною. Пантилій-клопъ долженъ быть scurra, шутъ, или забавникъ Тигеллія. Тигеллій—вѣроятно не тотъ, о которомъ упоминается въ сат. 2 и 3. Здѣсь говорится о лицѣ живомъ, а того давно уже не было на свѣтѣ, когда написана эта сатира; ибо еще въ сатирѣ 2-й упоминается уже о его смерти (См. сат. 2 прим. 2 и сат. 3 прим. 1).

33) Ст. 83. Имя *Октавія* здѣсь никакъ не можетъ относиться къ Августу. Наслѣдникъ Цезаря давно уже въ это время назывался не Октавіемъ, а Цезаремъ, и до самаго того времени, какъ въ 727 году Рима (именно въ томъ году, когда написана эта сатира), получилъ прозваніе Августа. *Октавій*, о которомъ упоминается здѣсь, былъ поэтъ и историкъ, который умеръ за столомъ, отъ гнѣва, и на смерть котораго находятся стихи въ каталектахъ, приписываемыхъ Виргилію. Такъ какъ каталекты находятся не во всѣхъ изданіяхъ Виргилія, то любопытные могутъ ихъ найти въ собраніи латинскихъ поэтовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ подъ руководствомъ Низара.

34) Ст. 82—87. *Вальгій*—къ которому написана книги 2 ода 9. *Фускъ*—тотъ самый Aristius Fuscus, о которомъ упомянуто въ сатирѣ 9. (См. прим. 16 къ ст. 59). *Виски* — два брата, (о нихъ см. сат. 9 ст. 24 примѣч. 7). *Полліонъ* — C. Asinius Pollio, поэтъ, ораторъ, историкъ и полководецъ. Онъ писалъ трагедіи, написалъ исторію внутреннихъ междоусобій; покорилъ Далматовъ, получилъ тріумфъ

и былъ консуломъ. *Мессала*—Messala Corvinus. (См. прим. 11 къ стиху 27). *Бибулъ*, — полагаютъ, что онъ былъ внукъ того Бибула, который былъ консуломъ вмѣстѣ съ Юліемъ Цезаремъ. *Сервій* — сынъ Сервія Сульпиція, къ которому есть письма Цицерона. *Фурній*—C. Furnius, который былъ консуломъ послѣ К. Юнія Силана, и къ которому находятся тоже два письма Цицерона въ кн. 10.

35) Ст. 91. Въ началѣ этой сатиры видно, что Деметрій и Тигеллій имѣли вкусъ изнѣженный, и что они не читали ничего, кромѣ любовныхъ стихотвореній Катулла и Кальва. И потому нѣкоторые полагаютъ, что подъ именемъ школьницъ разумѣются здѣсь женщины, которыя однѣ съ наслажденіемъ слушали ихъ чтенія; а другіе думаютъ, что Горацій называетъ въ насмѣшку школьницами ихъ учениковъ, по причинѣ близости ихъ къ столь изнѣженнымъ и развратнымъ людямъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

САТИРА ПЕРВАЯ.

СОВѢЩАНІЕ.

ГОРАЦІЙ.

Многіе думаютъ, будто въ сатирахъ излишне я рѣзокъ
И что я выхожу изъ предѣловъ; другимъ же напротивъ,
Что ни пишу я, все кажется слабымъ!—Такими стихами
Можно писать, говорятъ, стиховъ по тысячѣ въ сутки!
Что же мнѣ дѣлать, Требатій?—скажи! [1]

ТРЕБАТІЙ.

Оставаться въ покоѣ!

ГОРАЦІЙ.

То есть — вовсе стиховъ не писать?

ТРЕБАТІЙ.

Не писать!

ГОРАЦІЙ.

Пусть погибну,
Ежели это не лучшее! — Но... безъ того мнѣ не спится!

ТРЕБАТІЙ.

А кто хочетъ покрѣпче уснуть, тотъ вытертый масломъ,
Трижды имѣетъ чрезъ Тибръ переплыть, и на́-ночь желудокъ
Цѣльнымъ виномъ всполоскать! [2] — Но если писать ты охотникъ,
Лучше отважься подвиги цезаря славить стихами!
Вѣрно ты будешь за трудъ награжденъ!

ГОРАЦІЙ.

. . . И желалъ бы, отецъ мой!
Но не чувствую силы къ тому! — Не всякой же можетъ
Живо полки описать, съ ихъ стѣною желѣзною копій,
Галла со смертью въ борьбѣ на обломкахъ оружій, иль Парѳовъ,
Сбитыхъ съ коне́й! . . .

ТРЕБАТІЙ.

Но ты могъ бы представить его справедливость
И великость души, какъ Луцилій воспѣлъ Сципіона! [4]

ГОРАЦІЙ.

Непремѣнно; какъ скоро представится случай! — Некстати
Цезаря слуху стихами Флаккъ докучать не захочетъ! [5]
Кто неловко погладитъ его, онъ, какъ конь, забрыкаетъ! [6]

ТРЕБАТІЙ.

Это честнѣе бы, чѣмъ Пантолаба, иль Номентана, [7]

Шута, да мота бранить!—За себя опасается всякой!
Ты, кого и не трогалъ, и тѣ ужь тебя ненавидятъ!

ГОРАЦІЙ.

Что же мнѣ дѣлать!—Милоній плясать начинаетъ, какъ скоро
Винный паръ въ голову вступитъ ему и свѣчи задвоятся; [3]
Ка́сторъ—любитъ коне́й; изъ того же яйца порожденный
По́ллуксъ—борьбу!—Что головъ, то различныхъ пристрастій на свѣтѣ!
Мнѣ наслажденье—слова заключать въ стихотворную мѣру,
Какъ Луцилію было, хотя онъ... обоихъ насъ лучше! [9]
Всякія тайны свои, какъ друзьямъ, повѣрялъ онъ листочкамъ!
Горесть ли, радость ли—къ нимъ, къ нимъ однимъ завсегда прибѣгалъ онъ!
Всѣ приключенья, всю жизнь, какъ на вѣрныхъ обѣтныхъ дощечкахъ, [10]
Въ сочиненьяхъ старикъ начерталъ! [11] — И его-то примѣру
Слѣдую я, ктобъ я ни былъ, Луканецъ ли, или Апулеецъ;
(Ибо житель Венузіи пашетъ въ обоихъ предѣлахъ,
Присланный нѣкогда — если преданію старому вѣрить —
Снова тотъ край заселить, по изгнаньи тутъ жившихъ Самнитовъ,
Съ тѣмъ, чтобъ на случай войны Апулеянъ, или Луканянъ,
Не былъ врагу путь до Рима открытъ черезъ земли пустыя!) [12]
Впрочемъ мой грифель впередъ ни души не обидитъ; но будетъ
Мнѣ лишь въ защиту, какъ мечь, хранимый въ ножнахъ!—И къ чему же
Вынимать мнѣ его, безъ нападковъ отъ явныхъ злодѣевъ!...
О Юпитеръ, царь и отецъ! Пусть оружіе это
Гибнетъ отъ ржавчины, брошено мною, покуда не вздумалъ
Самъ кто вредить мнѣ, любящему миръ!—Но первый, кто тронетъ—
(Я упреждаю: лучше не трогай!)—заплачетъ, и будетъ
Въ цѣломъ Римѣ, себѣ на бѣду, прославленъ стихами!

Сервій, во гнѣвѣ, закономъ и урной грозитъ; Канидія
Зельями злыми; а Турій судья—рѣшеніемъ дѣла: [15]
Стало быть всякой себѣ избираетъ орудье по силамъ!
Такъ повелѣла натура; ты въ томъ согласишься со мною!
Волку защитою зубы; рога для вола!—Довѣрьте вы моту
Сцевѣ—его престарѣлую мать въ попеченье: онъ руку
Отъ убійства конечно удержитъ!—Чему жь вы дивитесь?
Волкъ не бодаетъ рогами; волъ не кусаетъ зубами:
Такъ и его отъ старушки—избавитъ и съ медомъ цикута! [14]
Но короче скажу: суждена ли мнѣ долгая старость,
Или на черныхъ крылахъ смерть летаетъ уже надо мною,
Нищъ ли, богатъ ли, въ Римѣ ли я, иль въ изгнаніи буду,
Если угодно судьбѣ—я сатиры писать не отстану!

ТРЕБАТІЙ.

Сынъ мой! боюсь я—тебѣ не дожить до сѣдинъ; а холодность
Сильныхъ друзей — испытаешь и ты!

ГОРАЦІЙ.

По чему же Луцилій,
Первый начавшій сатиры писать, [15] не боялся, когда онъ
Съ гнусныхъ тѣхъ душъ совлекая блестящую кожу притворства, [16]
Ихъ выставлялъ въ наготѣ!—Ты скажи: оскорблялся ли Лелій,
Или герой, получившій прозванье отъ стѣнъ Карѳагена,
И казалось ли дерзостью имъ, что Луцилій — Метелла
Смѣлъ порицать, или Лупа въ стихахъ предавать поношенью?... [17]
Онъ нападалъ безъ разбора на всѣхъ, на народъ и на знатныхъ;
Только щадилъ добродѣтель, щадилъ онъ ея лишь любимцевъ!

Даже, когда Сципіонъ, или Лелій мудрецъ безмятежный,
Отъ народной толпы и отъ дѣлъ на покой удалились,
Часто любили они съ нимъ шутить и бесѣдовать просто,
Между тѣмъ, какъ готовили имъ овощей на трапезу! [18]
Я, хоть и ниже Луцилія даромъ моимъ и породой, [19]
Съ знатными жилъ же и я: въ томъ признается самая зависть!
Ежели тронетъ она и меня сокрушающимъ зубомъ,
Жестко покажется ей!—Но быть можетъ, ученый Требатій,
Ты не согласенъ?...

ТРЕБАТІЙ.

Нѣтъ! въ этомъ и я не поспорю!—Однако
Все мой совѣтъ: берегись!—Ты законовъ священныхъ не знаешь!
Бойся попасть въ непріятную тяжбу! — Если писатель
Дурно напишетъ о комъ, онъ повиненъ суду и отвѣту! [20]

ГОРАЦІЙ.

Да! кто *дурно* напишетъ; а кто хорошо, то навѣрно
Первый самъ Цезарь похвалитъ! [21] — И ежели, самъ безъ порока,
Смѣхомъ позоритъ людей онъ, достойныхъ позора....

ТРЕБАТІЙ.

То смѣхомъ
Дѣло твое порѣшатъ; а ты возвратишься оправданъ! [22]

2 Апр. 1850.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 1.

1) Ст. 5. Требатій Теста, одинъ изъ знаменитѣйшихъ юрисконсультовъ того времени.

2) Ст. 10. Горацій заставляетъ здѣсь говорить Требатія съ шутливою важностію, какъ юриста, который будто бы даетъ совѣтъ по дѣлу; и потому онъ выражается въ подлинникѣ тономъ преторскаго эдикта: transnanto! habento! Этого нельзя было выразить по руски; и потому смѣшное, заключающееся въ самомъ тонѣ первыхъ словъ Требатія, въ переводѣ пропадаетъ. Чтобы сколько нибудь приблизиться къ судебному тону, я рѣшился выразиться отчасти старинымъ судебнымъ слогомъ:

«Трижды *имѣетъ* чрезъ Тибръ *переплыть*.»

Дасье замѣчаетъ, при этомъ случаѣ, что Цицеронъ въ письмѣ къ Требатію (Lib. VII ep. 10) называетъ его studiosissimus homo natandi, *человѣкъ прилежнѣйшій* въ плаваніи. И потому Требатій говоритъ здѣсь, какъ извѣстный любитель плаванія; и Горацій заставляетъ его совѣтовать это діэтическое средство, какъ универсальное лѣкарство противъ всего, даже противъ страсти къ стихотворству.

3) Ст. 12. «Отецъ мой» — въ подлинникѣ pater optime, выраженіе уваженія, какъ бы ученика къ наставнику. За то и Требатій, въ стихѣ 61 называетъ Горація puer; что я перевелъ: «сынъ мой.»

4) Ст. 17. Схоліастъ Порфирій говоритъ, что Луцилій описалъ въ стихахъ частную жизнь Сципіона старшаго. И потому новѣйшіе изслѣдователи не соглашаются съ мнѣніемъ Дасье, который думаетъ, что Горацій говоритъ здѣсь о Сципіонѣ младшемъ, сынѣ Павла Эмилія.

5) Ст. 19. Что Горацій былъ въ подобныхъ случаяхъ остороженъ и не любилъ докучать Августу не во́-время, видно изъ его эпистолы къ Виннію Азеллѣ (кн. 1 эп. 13) гдѣ онъ говоритъ Виннію:

Augusto reddes signata volumina, Vinni,
Si valides, si laetus erit, si denique poscet.

Августу съ книгами связку отдай за моею печатью,
Если здоровъ онъ, если онъ веселъ, и ежели спроситъ.

6) Ст. 20.

Кто неловко погладитъ его, онъ, какъ конь, забрыкаетъ!

Въ подлинникѣ: Cui male sipalpere, recalcitrat undique tutus. Это сравненіе съ дикимъ и брыкливымъ конемъ заслуживаетъ быть выставлено, какъ примѣръ, сколь различны понятія о приличіяхъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Все это мѣсто (съ 12 ст. по 20) служитъ явнымъ доказательствомъ, какъ мало охоты и расположенія имѣлъ Горацій приблизиться къ Октавіану посредствомъ лести, который, при всей своей власти и силѣ, представлялъ тогда собою еще очень двузначительное лице въ римскомъ государствѣ, или республикѣ.

7) Ст. 21. См. кн. 1 сат. 8 примѣч. 5).

8) Ст. 25. Кто былъ этотъ Милоній, неизвѣстно. Порфирій говоритъ, что онъ былъ шутъ, scurra; но, по обвиненію въ пляскѣ надобно полагать, что онъ былъ изъ извѣстныхъ людей въ Римѣ: ибо оно не такъ маловажно и безобидно, какъ мы приняли бы это по нашимъ обычаямъ. По понятіямъ римлянъ плясать было постыдно. Это видно изъ словъ Цицерона, въ рѣчи его за Мурену. Катонъ назвалъ Мурену плясуномъ, saltatorem. Цицеронъ возражаетъ, что человѣкъ важный, какъ Катонъ, не долженъ былъ называть плясуномъ консула; что онъ долженъ былъ взвѣсить чрезмѣрность этой обиды и сообразить всѣ пороки, которые нераздѣльны съ такимъ обвиненіемъ. Nemo enim fere saltat sobrius, говоритъ онъ, nisi forte insanit; neque in solitudine, neque in convivio moderato, atque honesto. Tempestivi convivii, amoeni loci, multarum deliciarum comes est extrema saltatio. «Ни одинъ человѣкъ трезвый плясать не будетъ, ни на единѣ, ни въ честномъ и благопристойномъ обществѣ, если только онъ не сумасшедшій. Пляска есть уже крайній признакъ неумѣренности, которой предаются только въ большомъ развратѣ, слѣдующемъ обыкновенно за пиромъ, въ мѣстахъ различныхъ веселостей.»

9) Ст. 29. «Обоихъ насъ лучше» nostrum melioris utroque. Полагаютъ, что это было обыкновенное выраженіе учтивости, когда говорилось о человѣкѣ, имѣющемъ большую извѣстность.

10) Ст. 32. *Обѣтная табличка,* tabula или tabella votiva. Дощечка, на которой древніе писали объ избавленіи себя отъ какой-либо болѣзни, или бѣдствія, и которую, въ знакъ благодарности къ божеству, вѣшали въ посвященномъ ему храмѣ. Иногда на этихъ дощечкахъ были живописныя изображенія самаго происшествія. Та картина, о которой говоритъ Горацій въ своей «Наукѣ поэзіи,» (гдѣ видно, что нѣкто заказалъ живописцу написать кораблекрушеніе; а онъ тутъ же помѣстилъ кипарисъ),

вѣроятно принадлежала къ этимъ же *обѣтнымъ* табличкамъ. Всего богаче были такими приношеніями храмы боговъ морскихъ.

11) Ст. 33. *Луцилій*, (См. кн. 1 сат. 10 прим. 1) умеръ 46 лѣтъ отъ роду. Почему Горацій называетъ его старикомъ?—Дасье и Санадонъ, оба опровергаютъ свидѣтельство Евсевія, (въ его хроникѣ), на которой обыкновенно основываютъ исчисленіе лѣтъ Луцилія. Опроверженіе ихъ заключается въ томъ, что въ сочиненіяхъ Луцилія упоминается о законѣ Лициніевомъ, который былъ изданъ семь, или восемь лѣтъ послѣ того года, въ которомъ полагаютъ смерть Луцилія. «Слѣдовательно, говорятъ они, Луцилій прожилъ лѣтъ до пятидесяти пяти, или шести; и потому Горацій правъ, называя его старикомъ.

12) Ст. 39. Эта вставка о Венузіѣ (повидимому совсѣмъ лишняя, заключающая въ себѣ ненужныя подробности и замедляющая рѣчь), употреблена Гораціемъ не безъ намѣренія; а въ подражаніе Луцилію, который любилъ пускаться во всѣ подробности. Современникамъ вѣроятно это было замѣтно и казалось забавнымъ, какъ пародія на Луцилія.

Самниты были ближайшіе и самые безпокойные враги римлянъ, нарушавшіе миръ при первомъ удобномъ случаѣ. Ихъ, частію изгналъ, частію истребилъ Силла, перерѣзавъ ихъ отъ пяти до шести тысячъ въ одинъ день, на Марсовомъ полѣ.

13) Ст. 49. *Сервій* (говоритъ одинъ схоліастъ) подавалъ на Цн. Кальвина ложный доносъ въ тайномъ убійствѣ. Изъ словъ Горація можно заключить, что онъ изъ подобныхъ жалобъ составилъ себѣ ремесло. «Грозитъ судомъ и урной» сказано потому, что обвинительные, или оправдательные голоса, судьи бросали въ урну. *Канидія* — та же, о которой говорится въ сатирѣ 8 книги 1. Въ подлинникѣ при ея имени поставлено еще: Albuti. Нѣкоторые раздѣляли эти имена, почитая ихъ за два разныя имени; другіе соединяли, думая, что Канидія была дочь Альбуція. Чтобы избѣжать ошибки, я рѣшился пропустить имя Альбуція. *Турій*, лице намъ совершенно неизвѣстное; но видно, что онъ былъ судья, который пользовался своею должностію для личныхъ своихъ выгодъ.

14) Ст. 54—56. Примѣненіе къ происшествію, которое, вѣроятно, тогда было всѣмъ извѣстно. Жалѣю, что при словѣ *рука* я не могъ передать Гораціева выраженія pia dextra, *благочестивая десница*, что, разумѣется, должно принимать иронически.

15) Ст. 63. См. примѣч. 22 и 27 къ сат. 10.

16) Ст. 64. Вмѣсто слова *кожу*, здѣсь можно бы сказать: *маску*, которую вѣроятно разумѣлъ Горацій подъ этимъ словомъ; ибо маски древнихъ дѣлались изъ кожи.

17) Ст. 65 — 68. *Лелій*, прозванный мудрымъ, котораго выводитъ Цицеронъ въ своемъ разговорѣ о дружбѣ. П. *Сципіонъ*, Эмиліанъ, прозванный Африканскимъ за

разореніе Карѳагена. *Метеллъ*: иные полагаютъ, что это К. Цецилій Метеллъ Македонскій; другіе думаютъ съ бо́льшею достовѣрностію, что это К. Цецилій Метеллъ Нумидійскій, племянникъ Македонскаго. П. Рутилій *Луппъ* былъ въ 664 г. Р. консуломъ. Луцилій обвинялъ сего послѣдняго въ нечестіи и неуваженіи къ богамъ. Самую смерть Луппа приписываютъ его невѣрію; ибо, презрѣвъ предсказаніе жрецовъ, которые не нашли верхней части печени во внутренностяхъ жертвы, онъ далъ сраженіе, въ которомъ самъ онъ былъ убитъ, а войско его разбито.

18) Ст. 74. Горацій говоритъ здѣсь объ овощахъ, по отношенію къ законамъ, постановленнымъ въ это время. *Законъ Фаніевъ*, въ дни публичныхъ игръ, сатурналій, circenses, и проч. запрещалъ употреблять болѣе 100 ассовъ въ день на мясо: ассъ же въ то время былъ не то, что въ началѣ, а самая мелкая монета; въ дни ме́ньшихъ праздниковъ, болѣе 30 ассовъ; а въ простые, рабочіе дни болѣе 10. *Законъ Лициніевъ* постановилъ правила снисходительнѣе. Но вообще всѣ эти законы ничего не постановляли о зелени и объ овощахъ.

19) Ст. 75. На латинскомъ infra Lucili censum ingeniumque. Я слово: *цензъ*, замѣнилъ словомъ: *порода*. Виландъ употребилъ тоже слово: Geburt. Луцилій, какъ сказано выше, былъ римской всадникъ и по сестрѣ своей родственникъ Помпею. Можетъ быть къ породѣ же относится и стихъ 29: «обоихъ насъ лучше,» хотя и объясняютъ его простымъ выраженіемъ вѣжливости.

20) Ст. 82. Законъ двѣнадцати таблицъ постановлялъ весьма строгое наказаніе для оскорбителя, написавшаго ругательные стихи. Впослѣдствіи эта строгость была уменьшена; но тѣмъ не менѣе Августъ повелѣлъ преслѣдовать оскорбителей и подвергать отвѣтственности.

21) Ст. 84. Довольно трудно мнѣ было удержать поруски шутливый оборотъ рѣчи и игру словъ Горація, который mala carmina *злые стихи*, принимаетъ въ смыслѣ *плохихъ стиховъ*. У него и въ томъ и въ другомъ случаѣ одно и тоже слово: mala. Не знаю, удачно ли я нашелъ руской оборотъ для этой шутки, въ выраженіи: «говорить о комъ дурно.» Лучше я не могъ выразить эту игру словъ. Впрочемъ Горацій, чтобы не отдѣлаться одной шуткой отъ настоящаго смысла словъ Требатія, и не показать будто онъ его не понимаетъ, тутъ же прибавляетъ: si quis opprobriis dignum laceraverit, integer ipse, «если кто нападаетъ на человѣка, достойнаго позора, а самъ безъ порока.»

22) Ст. 85. Этотъ послѣдній стихъ подалъ поводъ къ столь многимъ толкованіямъ, что онѣ еще болѣе затемняютъ стихъ Горація, и потому нѣтъ никакой пользы приводить ихъ. Много путало и переводчиковъ выраженіе: solventur risu tabulae. Но слово *разрѣшить*, или *порѣшить* такъ близко во всѣхъ своихъ значеніяхъ къ латинскому слову solvere, что для рускаго переводчика смыслъ долженъ быть яснѣе.

САТИРА ВТОРАЯ.

ОБЪ УМѢРЕННОСТИ.

Какъ хорошо, какъ полезно, друзья, быть довольну немногимъ!
(Это не я говорю; такъ училъ насъ Офеллъ поселянинъ, [1]
Школъ невидавшій мудрецъ, одаренный природнымъ разсудкомъ.) [2]
Слушайте рѣчь мудреца, не за пышной и сытной трапезой,
Не тогда, какъ безсмысленный блескъ ослѣпляетъ вамъ очи, [3]
Какъ обманутый разумъ полезное все отвергаетъ!
Нѣтъ! натощакъ побесѣдуемъ! [4] — «Какъ натощакъ? Для чего же?»
— Я объясню вамъ!—За тѣмъ, что судья, подкупленный дарами,
Судитъ неправо! [5] — Когда ты устанешь, гоняясь за зайцемъ,
Или скакавъ на упрямомъ конѣ, иль мячемъ забавляясь, [6]
(Ибо, изнѣженнымъ греками, римлянъ военные игры
Намъ тяжелы; а съ забавами мы забываемъ усталость)! [7]
Или когда утомишься усильнымъ бросаніемъ диска:
Тутъ ты, почувствовавъ жажду и позывъ пустаго желудка,
Прéзришь ли пищей простой? Перетерпишь ли жажду, за тѣмъ лишь,

Что фалернскаго нѣтъ, подслащеннаго медомъ гиметскимъ; [8]
Что нѣтъ клюшника дома; что море, взволнованно бурей,
Рыбъ защищаетъ въ своей глубинѣ отъ сѣтей рыболововъ?
Нѣтъ! какъ животъ заворчитъ, то ему и хлѣбъ съ солью пріятны. [9]
Ибо не въ запахѣ яствъ, а въ тебѣ самóмъ наслажденье!
Пóтомъ усталости—вотъ чѣмъ отыскивай вкусныя блюда!
Лѣни обрюзглой, что ни подай, ей все не по вкусу;
Устрицы ль, скаръ ли, иль заяцъ морской, издалёка прибывшій!
Если павлинъ предъ тобою, какъ ни проси, ты не станешь
Курицу жирную ѣсть; тотъ пріятнѣе вкусъ твой щекочетъ!
Это все суетность! Все отъ того, что за рѣдкую птицу
Золотомъ платятъ; что хвостъ у нея разноцвѣтный и пышный:
Точно какъ будто все дѣло въ хвостѣ! но ѣшь ли ты перья?
Стóитъ ихъ только изжарить—куда красота ихъ дѣвалась!
Мясо-жь павлина нисколько не лучше куринаго мяса!
Ясно, что въ этомъ одна лишь наружность твой вкусъ обольщаетъ!
Пусть такъ! но какъ узнаёшь ты по вкусу, гдѣ поймана эта
Щука, съ широкой разинутой пастью: въ Тибрѣ, иль въ морѣ;
Мéжду мостовъ ли ее, или въ устьѣ волны качали? [10]
Хвалишь, безумный, ты мулла, за то лишь одно, что онъ вѣсомъ
Ровно въ три фунта; [11] а долженъ же будешь изрѣзать на части!
Если прельщаетъ огромность, то какъ же огромная щука
Столько противна тебѣ?—Отъ того, что не рѣдкость!—Природа
Щуку большой сотворила; а муллъ—большой не бываетъ!
«Что за прекраснѣйшій видъ, какъ онъ цѣлое блюдо покроетъ!»
Такъ восклицаетъ обжора, съ глоткой, достойною гарпій!
Австеръ! лети—пережги ихъ роскошныя яства! [12]—А впрочемъ
Если испорченъ желудокъ, и ромбъ, и кабанъ непріятны!

Горькой радисъ и кислый щавель тутъ нужнѣе!—Конечно
Предковъ оливки и яица—нами не изгнаны вовсе
Съ нашихъ столовъ; и недавно Галонія всѣ осуждали, [13]
Бирюча городскаго, за роскошь! — «Какъ! неужѣли
Менѣе ромбовъ въ то время питало глубокое море?»—
Нѣтъ! но покуда въ нихъ вкусъ не открылъ намъ—преторіанецъ,
Въ морѣ спокойно жилъ ромбъ, и аистъ былъ въ гнѣздѣ безопасенъ! [14]
Еслибъ кто выдалъ эдиктъ, что нырокъ зажаренный вкусенъ,
Юноши Рима повѣрятъ: они на дурное послушны!
Впрочемъ умѣренный столъ и столъ скряги—Офеллъ различаетъ;
Ибо напрасно бѣжать отъ порока къ пороку другому!
Авидіенъ, справедливо прозванный псомъ, [15] ежедневно
Ѣлъ лишь оливки, которымъ пять лѣтъ, [16] да ягоды терна;
А вино онъ берегъ, покуда совсѣмъ не прокиснетъ.
Въ день же рожденія, или на утро дня свадьбы, [17] одѣтый,
Въ бѣломъ, какъ слѣдуетъ въ праздникъ, [18] онъ—гостямъ на капусту
Масло такое изъ рога по капелькѣ лилъ своеручно,
Что захватитъ дыханье; за то не скупился на уксусъ! [19]
Какъ же прилично жить мудрецу? И съ кого брать примѣры?
Тамъ угрожаетъ мнѣ волкъ; а тутъ—попадешься собакѣ! [20]
Чисто одѣтымъ быть значитъ—не быть въ запачканномъ платьѣ;
А не то, чтобъ наряженнымъ быть щегольски! — Кто средину
Хочетъ во всемъ сохранить, тотъ не будь, какъ Альбуцій, который
Раздавая приказы слугамъ, ихъ заранѣе мучилъ;
Но не будь и безпеченъ, какъ Невій, который помои
Вмѣсто воды подавалъ!—Недостатокъ великій и это!
Слушай же, сколько приноситъ намъ пользы пища простая:
Первая польза—здоровье; за тѣмъ, что всѣ сложныя яства

Вредны для тѣла! [21] — Вспомни, какую ты чувствовалъ легкость
Послѣ простаго стола! Но вареное съ жаренымъ вмѣстѣ,
Устрицъ съ дроздами, какъ скоро смѣшаешь въ одно: то въ желудкѣ
Сладкое въ желчь обратится, [22] и внутренній въ немъ безпорядокъ
Клейкую слизь породитъ!—Посмотри, какъ бываютъ всѣ блѣдны,
Вставъ изъ за пира, гдѣ были въ смѣшеньѣ различныя яства!
Тѣло, вчерашнимъ грѣхомъ отягченное, духъ отягчаетъ,
Пригнѣтая къ землѣ часть дыханья божественной силы! [23]
Но умѣренный, скоро насытясь, и сладко заснувши,
Свѣжимъ и бодрымъ встаетъ ото-сна къ ежедневнымъ занятьямъ. [24]
Можетъ и онъ иногда дозволить себѣ что́ получше,
Ежели праздничный день съ годовымъ оборотомъ приходитъ;
Или—въ усталости; или тогда наконецъ, какъ съ годами
Тѣло слабѣетъ, и требуетъ бо̀льшихъ о немъ попеченій! [25]
Ты же, который, будучи молодъ и крѣпокъ, заранѣ
Къ нѣгѣ себя пріучилъ, чѣмъ себя ты понѣжишь, какъ хворость,
Или тяжелая старость потребуютъ силъ подкрѣпленья!
Предки хвалили мясо каба̀на, хотя и невовсе
Свѣже; не то, чтобы не было вовсе у нихъ обонянья:
Нѣтъ! но чѣмъ свѣжее ѣсть самому, имъ казалось, что лучше
Початóе имѣть наготóвѣ для поздняго гостя! [26]
О! когдабъ я родился во время тѣхъ старыхъ героевъ!
Если желаешь ты славы, которая слуху тщеславныхъ
Сладостнѣй пѣсней: то вѣрь мнѣ, что рыбы и блюда большія
Только послужатъ къ стыду твоему, къ разорѣнью!— Въ добавокъ
Дядю разсердишь; сосѣди тебя возненавидятъ!—Ты будешь
Смерти желать, но не́-на-что будетъ купить и веревки!
«Это, ты скажешь, идетъ не ко мнѣ: я не Травзій! [27] — Имѣній

И доходовъ моихъ—для троихъ царей бы достало!»
—Ежели такъ, то за чѣмъ ты излишекъ не тратишь на пользу?
Если богатъ ты, за чѣмъ же есть въ бѣдности честные люди?
Для чего же боговъ разрушаются древніе храмы? [23]
Для чего ты, негодный, хоть малую часть изъ сокровищъ,
Накоплённыхъ тобой, не приносишь отечеству въ жертву?
Или, ты думаешь, счастье тебѣ одному не измѣнитъ?
Время придетъ, что и ты для враговъ посмѣшищемъ будешь!
Кто въ перемѣнахъ судьбы понадѣяться можетъ на твердость?
Тотъ, кто умѣлъ покорить и тѣла привычки, и гордость,
Или, кто малымъ доволенъ, на будущность мало надѣясь,
Могъ, какъ мудрецъ, быть готовымъ къ войнѣ въ продолженіе мира!
Вѣрьте мнѣ: мальчикомъ бывши еще, знавалъ я Офелла!
Нынче бѣднякъ, и тогда онъ, при цѣломъ имѣньѣ, не шире
Жилъ, чѣмъ теперь!—На своемъ, для другихъ отмѣжеванномъ полѣ, [29]
Онъ и донынѣ, съ дѣтьми и со стадомъ, живетъ, какъ наемщикъ!
«Никогда, говорилъ онъ, по буднямъ не ѣлъ я другаго,
Кромѣ простыхъ овощей и куска прокопченой свинины!
Если же изрѣдка гость приходилъ, иль въ свободное время
Добрый сосѣдъ навѣщалъ, особливо въ ненастную пору,
Я не рыбою купленной ихъ угощалъ; но домашнимъ—
Или цыпленкомъ, или козленкомъ!—Кисть винограда,
Крупныя фиги, орѣхи: вотъ что мой столъ украшало!
Въ мирной игрѣ между насъ—проигравшій пилъ лишнюю рюмку;
Или, въ честь доброй Церерѣ, чтобъ выше взрастали колосья
Нашихъ полей—мы заботы чела виномъ прогоняли!
Пусть же Фортуна враждуетъ и новыя бури воздвигнетъ!
Что ей похитить у насъ?—Скажите, мои домочадцы,

Меньше-ль счастливо мы жили съ тѣхъ поръ, какъ у насъ поселёнецъ
Новый явился? [30] — Ни мнѣ, ни ему, ни другому природа
Не назначила вѣчно владѣть!—Онъ насъ выгналъ; его же,
Если не ябеда, то расточительность, тоже прогонятъ;
Или наслѣдникъ, его пережившій, владѣнье присвоитъ!
Нынче землица Умбрена, прежде землица Офелла;
Но, поправдѣ, ничья, а давалась въ владѣнье на время,
Прежде Офеллу, а послѣ другимъ! [31] — Сохранимъ же всю бодрость!
Твердую душу поставимъ прóтивъ ударовъ Фортуны!»

17 Окт. 1852.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 2.

—

1) Ст. 2. *Офелл*ъ — имя неизвѣстное. Вѣроятно это былъ житель Кремоны, или Мантуи, нанимавшій землицу, которая прежде принадлежала ему въ собственность.

2) Ст. 3. Въ подлинникѣ: crassa Minerva. Это не значитъ загрубѣлаго ума; но человѣка, не просвѣщеннаго ученіемъ, съ здравымъ природнымъ умомъ, который, въ простотѣ натуры, ясно разбираетъ истину.

3) Ст. 5. То есть: блескъ пиршествъ, безумныхъ своимъ великолѣпіемъ; блескъ, который такъ ослѣпляетъ очи и разумъ, что послѣдній не въ состояніи судить здраво.

4) Ст. 7. «На тощакъ,» потому что тогда разумъ, неотягченный виномъ и различными яствами, остается во всей силѣ, и ничто не препятствуетъ ему въ отправленіяхъ здраваго смысла.

5) Ст. 9. Сравненіе очень вѣрное. Какъ судья, подкупленный дарами, худо изслѣдуетъ истину, такъ и человѣкъ не въ состояніи слушать правила умѣренности, среди пира, когда всѣ его чувства обольщены предметами, которые льстятъ имъ и обманываютъ ихъ.

6) Ст. 10. У древнихъ было четыре рода игры въ мячь. Pollis — мячь, который кидали рукою, покрытою наручникомъ, а если мячь былъ малъ, то отталкивали его кулакомъ. Pila, который впослѣдствіи называли trigonalis, потому что стали играть имъ втроемъ, становясь треугольникомъ, и отбрасывая мячь отъ одного къ другому, потомъ къ третьему. Кто ронялъ мячь на землю, тотъ проигрывалъ. Paganica — былъ мячь, утыканный перьями. Четвертый родъ мяча былъ всѣхъ менѣе. Самая употребительная игра была втроемъ.

7) Ст. 12. Это не относится къ играмъ грековъ, но къ извѣстной у римлянъ поговоркѣ: *пить по-гречески*; ибо греки славились тѣмъ, что много пили. — Каждый

народъ имѣетъ свои понятія. Такъ грекъ Анакреонъ, въ одѣ 57 укоряетъ скиѳовъ въ безчинствѣ пьянства.

8) Ст. 16. Крѣпкое фалернское, обыкновенно, или подслащивали медомъ съ горы Гимета, или мѣшали съ хіосскимъ.

9) Ст. 19. На латинскомъ: «залаетъ животъ.»

10) Ст. 34. Воображали ли такъ, или дѣйствительно распознавалось это тонкостію вкуса, только морской волкъ, (я перевелъ *щука*), пойманный между двумя мостами Тибра, почитался лакомками Рима вкуснѣе тѣхъ, которыхъ ловили при впаденіи Тибра въ море. Впрочемъ тоже свидѣтельствуетъ и Плиній, (кн. 9 гл. 54). Quando eadem aquatilium genera aliubi atque aliubi meliora: sicut lupi pisces in Tiberi amne inter duos pontos. «Та же рыба лучше въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ другихъ: такъ морской волкъ, пойманный между двухъ мостовъ Тибра, лучше.»

11) Ст. 36. Mullus—морская рыба, неимѣющая у насъ названія. Mullus barbatus переводится «барвена;» а въ словарѣ Академіи названа она: «краснобородка.» Но рыба того же рода: Ciprinus barbus, переводится у насъ «чебакъ.»—По сей причинѣ, т. е. по неимѣнію на рускомъ языкѣ опредѣленнаго названія этой рыбы, я принужденъ былъ поставить въ моемъ переводѣ ея латинское названіе. По свидѣтельству Плинія (Hist. nat. L. 9 c. 15) эта рыба рѣдко попадалася тяжелѣе двухъ фунтовъ, и даже въ садкахъ и прудахъ недоростала выше этаго вѣса.

12) Ст. 42. Горацій, въ своемъ негодованіи, обращается здѣсь къ южному горячему вѣтру, чтобы онъ испортилъ драгоцѣнныя яства обжоръ и превратилъ ихъ въ протухлыя.

13) Ст. 46. Галлоній вошелъ въ славу расточителя, потому что онъ на одномъ пирѣ подалъ на столъ огромнаго осетра, которые въ такой чести были у римлянъ, что ихъ непначе обносили кругомъ стола, какъ увѣнчанныхъ цвѣтами и въ предшествіи флейщика. Галлоній былъ современникъ поэта Луцилія; и вѣроятно, Луцилій сдѣлалъ ему столь худую славу, что во время Цицерона вошло въ пословицу говорить: «онъ живетъ, какъ Галлоній.» Стихи Луцилія приводитъ Цицеронъ, въ книгѣ: De finibus bon. et malor. L. 11 c. 8.

Но во время Плинія осетры, эта нѣкогда дорогая и рѣдкая рыба, вошли въ такое презрѣніе, что модный человѣкъ счелъ бы за безчестіе подавать ихъ за столомъ своимъ. Ихъ замѣнили mulli, scari и rhombi.

14) Ст. 50. Это насмѣшка надъ однимъ *Азелломъ Рутиліемъ*, или, какъ говорятъ другіе, надъ *Семпроніемъ Руфомъ*, который огромное число блюдъ римскихъ прожоръ умножилъ еще молодыми анстами. На это изобрѣтеніе, и на то, что онъ, по дурной своей славѣ, не попалъ въ преторы, написана была слѣдующая эпиграмма:

Ciconiarum Rufus iste conditor
Hic est duobus elegantior Plancis,
Suffragorium puncto non tulit septem:
Ciconiarum populus ultus est mortem.

Отъ того же, т. е. отъ неудавшейся претуры, Горацій называетъ его praetorius.

15) Ст. 55. *Авидіенъ* — лице, намъ неизвѣстное. Фельдбаушъ, въ объяснительномъ словарѣ къ Горацію, полагаетъ, что это имя составлено Горацiемъ изъ слова avidus. Впрочемъ слова: cui canis ex vero dictum cognomen—«Авидіенъ, столь справедливо получившій прозваніе пса»—показываютъ, что это было лице, извѣстное современникамъ Горація. Габерфельдъ замѣчаетъ, что онъ былъ прозванъ псомъ по своей нечистотѣ, а не потому, чтобъ онъ принадлежалъ къ сектѣ цинниковъ.

16) Ст. 56. Свѣжія оливки могли сохраняться года два, не болѣе. Слѣдовательно пятилѣтнія никуда уже не годились.

17) Ст. 58. Первый день свадьбы назывался у римлянъ nuptiae, а второй по свадьбѣ repotia, потому что тутъ доѣдали и допивали остатки послѣ свадьбы. День рожденія римляне вообще праздновали пышно, и не только день собственнаго своего рожденія, но друзей и подругъ. См. кн. 4 ода 11 какъ Горацій праздновалъ день рожденія Мецената.

18) Ст. 59. Бѣлый цвѣтъ былъ обыкновенный, употребляемый римлянами, особенно за столомъ, на пиршествахъ. Они не носили чернаго даже и на похоронахъ. Они выходили изъ дому всегда въ бѣлыхъ тогахъ. Одинъ народъ, plebs, плебейство, смѣло показываться въ туникахъ темнаго цвѣта, или въ черныхъ плащахъ. Августъ, встрѣтивши въ одинъ день многихъ, одѣтыхъ такимъ образомъ, произнесъ съ негодованіемъ стихъ Виргилія:

Romanos rerum dominos gentemque togatam!

19) Ст. 61. У Горація cornu bilibri—«изъ двухъ-фунтоваго рога.»—Обыкновенно роговая посуда для масла содержала у римлянъ одинъ фунтъ; а такъ какъ у Авидіена она содержала два фунта, то тѣмъ долѣе шло изъ нея масло, и тѣмъ болѣе оно должно было протухнуть.

Поливать кушанье масломъ обыкновенно было дѣломъ слугъ; но здѣсь самъ хозяинъ дѣлаетъ это, чтобы слуги не надили лишняго. Авидіенъ не скупился на уксусъ, потому что и онъ былъ давнишный, (veteris), при томъ же онъ поправлялъ нѣсколько дурной запахъ масла; да и легко могъ быть дополненъ прокисшими винами хозяина.

20) Ст. 63. Hac urget lupus, hac canis aiunt. Это была пословица: она очень кстати употреблена въ отношеніи къ Авидіену, прозванному собакой.

21) Ст. 72. Тоже самое говоритъ Гиппократъ. Тоже находимъ въ книгѣ Сираха: «Не разливайся на различіе брашна; ибо во многихъ брашнахъ недугъ бу-

дeть.» (Гл. 37 ст. 32 и 33). Тоже у Плиніи: homini cibus utilissimus simplex: assatio saporem pestifera, condimenta perniciosiora. «Простая пища для человѣка есть полезнѣйшая; смѣшеніе различныхъ предметовъ вкуса вредно; приправы гибельны.»

22) Ст. 75 У Сираха: «Трудъ бдѣнія, и холера, и чревоболѣніе съ мужемъ ненасытнымъ» (Гл. 31 ст. 23).

23) Ст. 79. Atque affigit humi divinae particulam aurae. Удивительно, какая свѣтлая и глубокая мысль о духовной части человѣка, когда вспомнишь, что это говоритъ язычникъ! Вотъ этимъ-то древніе выше насъ, не говоря уже о ихъ художественныхъ дарованіяхъ: то есть—важностію мысли, наклонностію къ глубокимъ и высокимъ помысламъ о человѣкѣ! Невольно вспомнишь изреченіе Карамзина: «Мы ученѣе грековъ; но греки были умнѣе насъ!»

24) Ст. 81. Опять правило благоразумія для сохраненія здоровья и бодрости духа. И опять тоже самое находится у Сираха: «Сонъ здравый отъ чрева умѣренна; воста заутра, и душа его съ нимъ.» (Гл. 31 ст. 22). То есть: «и сохраняетъ всю свѣжесть ума, или душевныхъ способностей.»

25) Ст. 85. Офелъ признаетъ здѣсь только три причины, дозволяющія человѣку нѣсколько себя понѣжить: 1. Дни праздничные; 2. ослабленіе силъ, происходящее отъ болѣзни, или отъ работы; и 3. недуги, происходящіе отъ старости. Впрочемъ, подъ разрядомъ праздниковъ разумѣются здѣсь и другіе случаи, напр. посѣщеніе пріятеля, и проч.

26) Ст. 92. Древніе римляне никогда не подавали на столъ цѣлаго кабана. П. Сервилій Руфулъ первый подалъ цѣлаго, и это излишество, которое до временъ Цезаря было неслыханнымъ, сдѣлалось наконецъ обыкновеннымъ. Подавали даже двухъ, трехъ кабановъ вмѣстѣ: до такой степени дошла наконецъ роскошь обжорства у римлянъ! Чего дивиться послѣ этого чудовищнымъ пирамъ Геліогабала! Выше замѣтилъ я высокость мысли у древнихъ, но справедливость требуетъ сказать, что мы, новѣйшіе, не доходимъ и до той развратной роскоши, до какой доходили они.

27) Ст. 99. *Травзій*—лице неизвѣстное.

28) Ст. 103. Съ одной стороны (говоритъ Дезобри, въ книгѣ: Siècle s'Auguste), построеніе публичныхъ зданій частными лицами, гражданами, было выгодно для казны общественной; съ другой имѣло свои невыгоды: ибо эти зданія, оставаясь частною собственностію, были въ тягость дѣтямъ и потомкамъ основателей. Если они были беззаботны, или впадали въ бѣдность, или если родъ ихъ прекращался, зданіе оставалось безъ поддержки и превращалось въ развалины. Это случалось нерѣдко даже съ храмами Такъ напр. храмъ Юноны-Соспиты исчезъ совершенно. Такимъ образомъ храмъ Юпитера Ферестрійскаго, въ капитоліи, спасенъ былъ отъ совершеннаго разрушенія только рукою Августа; а храмъ Согласія—помощію Тиберія.

Когда частный человѣкъ хотѣлъ возстановить публичное зданіе, которое не принадлежало его фамиліи, надобно было испросить на это дозволеніе сената, не смотря на то, что потомки основателя не думаютъ исправить памятникъ, воздвигнутый ихъ предками, и даже не могутъ.

Вотъ отъ чего во время Августа было уже множество разрушающихся зданій. Къ этому-то обстоятельству относятся слова Горація. Слѣдовательно напрасно Санадонъ, Дасье и нѣкоторые другіе, относятъ ихъ только къ желанію придворнаго поэта польстить Августу.

29) Ст. 114. То есть: поле, которое принадлежало Офеллу, а потомъ было отдано воинамъ. Землю, для раздачи имъ, измѣряли, дабы каждому досталось поровну. Это было послѣ сраженія при Филиппахъ, когда Августъ привелъ ветерановъ обратно въ Италію, и награждалъ ихъ землями. Землица Офелла досталась Умбрену, который потомъ отдалъ ее въ наймы прежнему хозяину Офеллу. Виргилій тоже былъ выгнанъ изъ своего владѣнія; о чемъ жалуется онъ въ слѣдующемъ стихѣ:

Pertica quae nostras metata est improbe agellos.

30) Ст. 129. На латинскомъ: novus incola, новый житель, новый поселенецъ, а не владѣтель. Это относится къ послѣдующему, и значитъ что здѣсь, на землѣ, все дается въ временное пользованіе, а не въ вѣчное владѣніе.

31) Ст. 135. Тоже находится въ одномъ изрѣченіи Публія Сира:

Nil proprium ducas quod mutarier potest.

«Не называй своимъ, что можетъ измѣниться!»

САТИРА ТРЕТІЯ.

СТОИКИ.

Дамазиппъ.

Рѣдко ты пишешь!—Едвали четырежды въ годъ ты пергаментъ
Въ руки возмешь! [1] — Лишь только наткалъ, и опять распускаешь,
Самъ недоволенъ собой, что вино и сонливость мѣшаютъ
Славы достойный трудъ совершить!—Что изъ этаго выдетъ?...
Чтожь ты на дни сатурналій сюда убѣжалъ? [2] — Напиши же
Здѣсь, протрезвясь, что нибудь ожиданій достойное нашихъ!
Что?—ничего?—такъ напрасно-жь перо обвинять, и напрасно
Бѣдныя стѣны, созда́нныя въ гнѣвѣ боговъ и поэтовъ!
Мы, по лицу твоему, отъ тебя—превосходнаго много
Ждали, когда ты подъ сельскую теплую кровлю сокрылся!
Для чего же привезъ ты съ собою Платона съ Менандромъ?
Что же взялъ въ свиту свою Эвполи́са, и съ нимъ Архилоха? [3]
Хочешь ли зависть ты тѣмъ усмирить, что возмешь у достоинствъ?

Нѣтъ! лишь презрѣнье одно наживешь!—Отбрось же ты лѣность,
Эту сирену; или и то, что и лучшею жизнью
Ты пріобрѣлъ, потеряешь опять!

ГОРАЦІЙ.

Да даруютъ же боги
И богини тебѣ, Дамазиппъ, брадобрѣя — за этотъ
Столь полезный совѣтъ! [4] — Но какъ я тебѣ столь извѣстенъ?

ДАМАЗИППЪ.

Съ той поры, какъ попалъ я у средняго Януса на-мѣль, [5]
Я, оставивъ свои всѣ дѣла, занимаюсь чужими!
Прежде любилъ я изслѣдовать бронзу лохани, въ которой
Ноги мылъ хитрый Сизифъ; [6] разбиралъ, гдѣ замѣтна въ ваяньѣ
Слабость рѣзца; гдѣ металлъ отлился неудачно и грубо;
Зналъ я, что̀ статуя стоитъ: сколько тысячь сестерцій;
Домы, сады покупать, въ томъ со мною никто не равнялся,
Такъ, что меня при продажахъ любимцемъ Меркурія звали! [7]

ГОРАЦІЙ.

Это я знаю!—Дивлюсь, какъ отъ этаго ты изцѣлился!

ДАМАЗИППЪ.

Такъ, какъ бываетъ это всегда, что всякая новость
Выгонитъ старое!—Крови приливъ къ головѣ, или къ боку,
Вдругъ обращается къ груди!—Иной, летаргіей былъ боленъ;
Смотришь—врача своего на кулачный ужь бой вызываетъ!

ГОРАЦІЙ.

Лишь бы меня не касалось; съ другими—будь что угодно!

ДАМАЗИППЪ.

Другъ! понапрасну не льстись! Всѣ глупцы, да и самъ ты безуменъ,[8]
Если намъ правду Стертиній твердилъ! [9] — Отъ него я науку
Превосходную принялъ, тогда, какъ меня убѣдилъ опъ
Мудрую эту браду себѣ отростить въ утѣшенье, [10]
И отъ моста Фабриція въ мирѣ домой воротиться: [11]
Ибо, когда я, въ упадкѣ всѣхъ дѣлъ, съ головою покрытой, [12]
Броситься въ волны хотѣлъ, онъ стоялъ ужь по правую руку! [13]

Берегись недостойнаго дѣла! вскричалъ опъ. [14] — Ты мучимъ
Ложнымъ стыдомъ; ты боишься безумнымъ прослыть межь безумцевъ!
Но разсмотримъ вопервыхъ: «что есть безуміе?»—Если
Ты лишь безуменъ одинъ: я ни слова!—Пусть смертью отважной
Кончишь ты жизнь!—Но если кого лишь слѣпое незнанье
Зла и добра—побуждаетъ къ тому, то Хризиппъ и вся школа [15]
Прямо того почитаютъ безумцемъ!—Подъ правило это
Всѣ, и цари и народы подходятъ, кромѣ лишь мудрыхъ!
Слушай же: я объясню, почему—тѣ, которымъ безумцемъ
Кажешься ты, всѣ и сами не мепѣе—тоже безумны!
Если два путника, идучи лѣсомъ, въ немъ заблудятся,
Этотъ съ дороги собьется на право, а этотъ на лѣво:
Оба блуждаютъ они, но только по разнымъ дорогамъ!
Такъ всѣ равно и безумны, хотя надъ тобой и смѣются!

Вѣрь мнѣ: съ хвостомъ и они! [16]—Бояться, гдѣ вовсе нѣтъ страха—
Это безуміе, точно такое жь, какъ еслибъ кто началъ
Въ полѣ открытомъ кричать, что рѣка преграждаетъ дорогу,
Или огонь!—А противная крайность—есть тоже безумство,
Только другое—броситься прямо въ рѣку̀, или въ пламя,
Какъ ни кричалибъ, и мать, и сестра, и отецъ, и супруга:
«Здѣсь глубочайшая бездна, скала! берегися несчастный!»
Нѣтъ! Онъ не слышитъ, безумный, какъ Фузій, который на сценѣ
Пьяный на ложѣ заснулъ, и проспалъ Иліону [17] — и тщетно
Нѣсколько тысячь ему голосовъ изъ партера кричали:
«Матерь! тебя я зову!»—Заблуждаются всѣ! Докажу я!
Дамазиппа считаютъ безумнымъ за то, что скупаетъ
Старыя статуи онъ? а кто вѣритъ ему, тотъ умнѣе-ль?
Еслибъ тебѣ я сказалъ: «На—вотъ это! возми безъ возврата!»
Былъ ли бы глупъ ты, еслибы взялъ?—Нѣтъ! ты былъ бы глупѣе,
Еслибы не взялъ, что даромъ Меркурій тебѣ посылаетъ!
На инаго хоть десять разъ вексель у Нерія пишешь,
Хоть сто разъ у Цикуты; [18] опутай его хоть цѣпями:
Все ни во что! ускользнетъ онъ злодѣй съ проворствомъ Протея! [19]
А потàщишь къ суду: онъ смѣется, онъ вдругъ превратится
Въ птицу, въ кабáна, въ свинью̀, и въ дерево, если захочетъ!
Если безумный дѣйствуетъ худо, [20] разумный же лучше:
То Периллій безумнѣй тебя, получая твой вексель,
По которому знаетъ впередъ, что ты не заплатишь!
Подберите же тоги, чтобъ слушать меня со вниманьемъ! [21]
Всякой, кто съ честолюбія, кто съ сребролюбія блѣденъ,
Всякой, кто невоздержностью, кто суевѣріемъ боленъ,
Или другою горячкой души: всѣ ко мнѣ подходите!

Всѣ попорядку! Я докажу вамъ, что всѣ вы безумцы!
Самый сильный пріемъ чемерицы слѣдуетъ скрягамъ;
Думаю даже, не худо-бъ отдать имъ и всю Антициру! [22]
Завѣщалъ же Стаберій скупецъ, [23] чтобъ на камнѣ надгробномъ
Вырѣзалъ сумму наслѣдства наслѣдникъ его; а иначе
Долженъ народу дать пиръ, какъ устроить придумаетъ Аррій; [24]
Сто паръ бойцовъ, да пшеницы—годичную Африки жатву. [25]
«Справедливо ли это, или нѣтъ, мнѣ наслѣдникъ не дядя! [26]
Такъ я хочу!»—Вѣроятно, что такъ разсуждалъ завѣщатель.

ДАМАЗИППЪ.

Для чего же велѣлъ надписать онъ на камнѣ наслѣдство?...

СТЕРТИНІЙ.

Для того, что онъ бѣдность считалъ величайшимъ порокомъ,
Что боялся ужасно ея; и еслибы умеръ бѣднѣе
Хоть квадрантомъ однимъ: то считалъ бы себя безсомнѣнья
Человѣкомъ дурнымъ!—У людей подобнаго рода
Слава, честь, добродѣтель: все—предъ людьми и богами
Ниже богатства!—Одинъ лишь богатый—мужественъ, славенъ,
И справедливъ!

ДАМАЗИППЪ.

Неужѣли и мудръ?

СТЕРТИНІЙ.

И мудрецъ! безсомнѣнья!

Даже и царь! и все, что захочетъ!—Онъ думалъ, что деньги
Добродѣтель замѣнятъ ему и прославятъ въ потомствѣ!

ДАМАЗИППЪ.

Какъ съ нимъ несходенъ былъ грекъ Аристиппъ, [27] рабамъ приказавшій
Золото бросить въ ливійскихъ пескахъ, потому лишь, что тягость
Ихъ замедляла въ пути.—А который изъ нихъ былъ безумнѣй?

СТЕРТИНІЙ.

Спорнымъ примѣромъ спорный вопросъ разрѣшить невозможно!
Если кто цитры скупаетъ, музыки вовсе незная,
Ежели кто собираетъ—колодки башмашныя, шила,
Самъ же совсѣмъ не башмашникъ; или—кто парусы, снасти
Любитъ въ запасѣ хранить, отвращенье имѣя къ торговлѣ:
Тотъ безумный, по мнѣнію всѣхъ!—А разумнѣе-ль этотъ
Скряга, который золото прячетъ свое, и боится
Тронуть его, какъ будто оно какая святыня!
Если кто, съ длиннымъ въ рукахъ батогомъ, передъ кучею жита
Протянувшись, лежитъ господиномъ, его карауля;
Самъ не беретъ ни зерна и питается горькой травою; [28]
Если до тысячи кружекъ, тысячь до трёхъ-сотъ, фалерна
Самаго стараго, или хіосскаго, въ погребѣ скряги,
Самъ же кислятину пьетъ, [29] и лѣтъ семдесятъ девять проживши,
Спитъ на набитомъ соломой мѣшкѣ, имѣя въ запасѣ
Тюфяки въ кладовой, тараканамъ и моли въ добычу:
То—онъ по той лишь причинѣ въ безумствѣ замѣтенъ немногимъ,
Что есть множество, кромѣ его, въ такой же болѣзни!

О старикъ, ненавистный богамъ! Къ чему бережешь ты?
Развѣ за тѣмъ, чтобъ твой сынъ, иль отпущенникъ прожилъ наслѣдство?
Ты опасаешься нужды?—Конечно!—Изъ эдакой суммы
Много убавится, если отложишь частичку на масло,
Чтобы капусту приправить, иль голову глаже примазать!
Если столь мало нужно тебѣ, изъ чего же даешь ты
Ложныя клятвы?—За чѣмъ похищаешь? Зачѣмъ отнимаешь?
Какъ!—*Ты* въ здравомъ умѣ? [30] — Да еслибъ въ народъ ты каменья
Вздумалъ бросать, иль въ рабовъ, тебѣ же стóющихъ денегъ,
Всѣ бы мальчишки, дѣвчонки, кричали, что ты сумасшедшій;
А отравишь жену, или мать, ты и въ здравомъ разсудкѣ!....
Да! почему же не такъ!—Вѣдь ты не мечемъ, не въ Аргосѣ
Ихъ погубилъ, какъ Орестъ!—Или думаешь, онъ помѣшался
Послѣ убійства; и преданъ гоненію мстительныхъ фурій
Послѣ того, какъ согрѣлъ онъ въ матерней груди желѣзо?
Нѣтъ! съ той поры, какъ былъ признанъ безумнымъ, онъ никакого
Зла не свершилъ: не напалъ онъ съ мечемъ на сестру и на друга;
Фуріей только Электру сестру называлъ, а Пиладу
Тоже давалъ имена, сообразно горячности гнѣва!
Бѣдный Оппій, столь много сребра сохранявшій и злата, [31]
Въ праздники вейское пившій вино изъ глиняной кружки, [32]
Въ будни-жь довольный и кислымъ, однажды былъ спячкою боленъ
И какъ мертвый лежалъ; а наслѣдникъ ужь, въ радости сердца,
Бѣгалъ съ ключами вокругъ сундуковъ, любовался мѣшками!
Врачь его вѣрный придумалъ однакоже скорое средство,
Чтобъ больнаго отъ сна пробудить: онъ къ постелѣ больнаго
Столъ придвинуть велѣлъ; изъ мѣшковъ же высыпалъ деньги;
Призвалъ людей, и заставилъ считать. Вотъ больной и проснулся!

«Если не будешь самъ деньги беречь, врачь сказалъ: то наслѣдникъ
Всѣ унесетъ!»—Какъ! при жизни моей!—«Да! при жизни! Не спи же,
Ежели хочешь пожить!»—Такъ что же мнѣ дѣлать?—«А вотъ что:
Твой желудокъ совсѣмъ опустѣлъ; а въ жилахъ и крови
Скоро не будетъ. Надобно ихъ подкрѣпить поскорѣе!
На-вотъ каши изъ рису; поѣшь!»—А дорого-ль стоитъ?
—«Малость!»—Однакоже сколько?—«Восемь лишь ассовъ!»—Бѣда мнѣ!
Не умру отъ болѣзни—умру раззоренъ и ограбленъ!

ДАМАЗИППЪ.

Кто же въ здравомъ разсудкѣ?

СТЕРТИНІЙ.

Кто не безуменъ!

ДАМАЗИППЪ.

А скряга?

СТЕРТИНІЙ.

Онъ и глупецъ, и безумный! [55]

ДАМАЗИППЪ.

Слѣдственно тотъ безсомнѣнно
Въ здравомъ умѣ, кто не скряга?

СТЕРТИНІЙ.

Ничуть!

ДАМАЗИППЪ.

Отъ чего же?

Слушай! Представь, что врачь Кратеръ[34] сказалъ о больномъ: «онъ желудкомъ
Вовсе здоровъ!» — Такъ, стало быть — можетъ и встать онъ съ постели? —
— «Нѣтъ! потому что страдаетъ отъ боли въ боку, или въ почкахъ.»
Этотъ, положимъ, не клятвопреступникъ, не скряга: пусть ларамъ
Въ жертву за это свинью принесетъ! [35] — Но онъ честолюбецъ:
Пусть въ Антиціру плыветъ! [36] — Не та ли же глупость — имѣнье
Бросить въ пучину, или не смѣть до него дотронуться!

Сервій Оппидій богачь родовыя въ Канузіѣ земли
Двумъ раздѣлилъ сыновьямъ. Но предъ смертью, призвавъ ихъ, сказалъ имъ
«Я замѣтилъ, что въ дѣтствѣ ты, Авлъ, и орѣхи, и кости,
Въ пазухѣ просто носилъ, и проигрывалъ ихъ, и дарилъ ихъ;
Ты же, Тиберій, напротивъ, заботливо пряталъ ихъ въ уголъ
И пересчитывалъ; съ этой поры я всегда сокрушался,
Что въ двѣ разныя глупости въ зрѣлыхъ лѣтахъ вы впадете,
Что одинъ Номентаномъ, другой же Цикутою будетъ! [37]
Потому заклинаю пенатами васъ: берегитесь —
Ты — уменьшать, а ты — прибавлять къ тому, что отецъ вашъ
Почитаетъ довольнымъ для нуждъ, сообразныхъ съ природой!
Кромѣ того я хочу, чтобъ вы съ клятвою мнѣ обѣщали
Славы, честей щекотанья — беречься; и если который
Будетъ эдилемъ, иль преторомъ: [38] тотъ — самъ себя да объявитъ
Про́клятымъ мной, неспособнымъ владѣть завѣщаннымъ мною!» [39]

Какъ! чтобы чваниться въ циркѣ, чтобъ ликомъ своимъ величаться,
Вылитымъ въ бронзѣ, [40] — ты на горохѣ, бобахъ и лупинахъ
Все имѣнье отца проживешь? [41] — не Агриппѣ-ль захочешь
Льву благородному, хитрый лисенокъ, быть подражатель? — [42]

—Что ты, Атридъ, запрещаешь предать погребенью Аякса? [43]
«Помни: я царь!»—Я плебей! замолчу и вопросъ оставляю!
«Что повелѣлъ я, то справедливо! Однакожь, кто мыслитъ,
Будто я въ этомъ неправъ, говори предо мной безопасно!»
—О! да даруютъ же боги, властитель! тебѣ съ кораблями,
Трою разрушивъ, обратно приплыть. [44] — И такъ, мнѣ вопросы
И возраженья... дозволены?—«Спрашивай! я дозволяю!»
—Царь! За что же Аяксъ, сей герой, вторый по Ахиллѣ,
Столько разъ грековъ спасавшій, тлѣетъ подъ небомъ открытымъ?
Или на радость Пріама и Трои— лишенъ погребенья
Тотъ, кѣмъ ихъ юноши были могилъ лишены въ ихъ отчизнѣ? —
«Нѣтъ! а за то, что напавъ на овецъ, восклицалъ онъ, что рѣжетъ
Менелая, Улисса, меня!»—А когда ты въ Авлидѣ
Дочь, какъ телицу, на жертву привелъ къ олтарю, и осыпалъ
Солью съ мукою ей голову, былъ ли ты въ здравомъ разсудкѣ? —
«Почему?»—Но безумный Аяксъ перерѣзалъ лишь стадо;
А супругу и сына онъ пощадилъ!—Онъ проклятьемъ
Зла не сдѣлалъ тебѣ; не напалъ на Улисса и Тевкра!—
«Я—чтобы вѣтеръ попутный судамъ, отъ враждебнаго брега,
Боги послали—хотѣлъ примирить ихъ той жертвенной кровью!»
—Чьею?... своею, безумный!—«Своей; но совсѣмъ не безумный!»
—Всякій безуменъ, кто, удаляясь отъ истины, ложно
Видитъ предметы, и зла отъ добра отличить не умѣетъ,
Гнѣвъ ли причиной тому, иль обманчивыхъ чувствъ возмущенье!
Пусть былъ безуменъ Аяксъ, поражающій агнцевъ невинныхъ;
Но не безуменъ ли былъ ты и самъ, когда преступленье
Мыслилъ свершить, честолюбьемъ надменный и гордостью сердца!
Еслибъ кто вздумалъ носить на покойныхъ носилкахъ овечку,

Шить ей, какъ дочери, платья, и дать ожерелья, служанокъ;
Куколкой, дѣвочкой ласково звать и готовить въ замужство:
Вѣрно бы преторъ ему запретилъ управленье имѣньемъ,
Вѣрнобъ его и имѣніе отдалъ роднымъ подъ опеку!
Какъ! неужѣли въ умѣ—тотъ, кто вмѣсто безгласной овечки
Въ жертву приноситъ родимую дочь?—Что ты скажешь на это?
Гдѣ безразсудность, тамъ и безуміе; кто же преступникъ,
Тотъ и безумецъ!—Кто хрупкимъ стекломъ обольщается славы,
Вѣрь мнѣ, что тотъ оглушенъ и громами кровавой Беллоны! [45]

Но разсмотримъ теперь расточительность и Номентана! [46]
Здравый разсудокъ тебѣ—легко ихъ безумство докажетъ.
Этотъ—какъ скоро талантовъ до тысячи схватитъ въ наслѣдство,
Тотчасъ объявитъ всѣмъ рыболовамъ и всѣмъ продающимъ
Овощи, птицъ и душистыя мази, всей сволочи этой, [47]
Всѣмъ шутáмъ, мясникамъ, чтобъ на завтра же утромъ явились!
Всѣ прибѣгутъ!—Вотъ рабами торгующій рѣчь начинаетъ: [48]
«Все, что ни есть у меня и у нихъ, все твое!—Прикажи лишь,
Завтра, иль нынчеже, все непремѣнно доставлено будетъ!»
Слушай же какъ благородно юный богачь отвѣчаетъ:
«Ты, говоритъ онъ, проводишь всѣ ночи въ снѣгахъ луканійскихъ
Съ тѣмъ, чтобъ доставить на столъ мнѣ, тобою добытаго вепря;
Ты, не взирая на бурное море, ловишь мнѣ рыбу!
Я—не тружусь, а пользуюсь всѣмъ недостойный!—Возмяже
Десять тысячь сестерцій себѣ; и столько же ты!—А тебѣ я
Втрое даю, за жену: хоть въ полночь позову, прибѣжаетъ!»
Сынъ Эзопа—жемчужину, бывшую въ ухѣ Метеллы, [49]

Въ уксусѣ крѣпкомъ велѣлъ распустить, чтобы разомъ—сестерцій
Проглотить милліонъ: не умнѣе, чѣмъ въ воду закинуть!
Квинта же Аррія дѣти, двое извѣстные братья, [50]
Два близнеца по распутству, имѣли привычку—въ обѣдѣ
Каждый день блюдо имѣть изъ однихъ соловьевъ! [51] — Неужéли
Не сумасбродство и то?—Чѣмъ отмѣтить ихъ: мѣломъ иль углемъ? [52]
Если старикъ забавляется дѣтской игрой въ четъ и нéчетъ, [53]
Или на палочкѣ ѣздетъ верхомъ, или домики строитъ,
Или мышей запрягаетъ въ колязочку: онъ сумасшедшій!
Ну, а если разсудокъ докажетъ тебѣ, что влюбленный
Больше ребенокъ, чѣмъ онъ?—Что валяться въ пескѣ, какъ мальчишка,
Что въ ногахъ у красавицы выть: не одно ли и тоже?...
Можешь ли ты напримѣръ поступить Палемону подобно? [54]
Бросишь ли признаки страсти, эти запястья, подвязки, [55]
Эти вѣнки, какъ бросилъ ихъ онъ, виномъ упоенный,
Только услышалъ случайно философа слово, который
Въ школѣ своей натощакъ проповѣдывалъ юношамъ мудрость!
Дай разсержéнному мальчику яблоко: онъ незахочетъ!
«На, мой голубчикъ, возми!» [56] —Не беретъ!—Не давай: онъ попроситъ!
Такъ и влюбленный!—Выгнанный вонъ, передъ дверью любезной [57]
Онъ разсуждаетъ: войти, или нѣтъ!—А тóтчасъ вошелъ бы
Еслибъ она не звала!—«Сама, говоритъ, умоляетъ;
Лучше нейти, и разомъ конецъ положить всѣмъ мученьямъ!
Выгнала; что же и звать! Не пойду, хоть проси съ униженьемъ!»
Столь же разумный слуга между тѣмъ говоритъ господину:
«Что не подходитъ подъ правила мудрости, или разсчета,
То въ равновѣсіе какъ привести?—Въ любви то и худо:
Въ ней—то война, то послѣдуетъ миръ!—Но кто захотѣлъ бы

Сдѣлать то́ постояннымъ, что̀ перемѣнно, какъ вѣтеръ,
Или какъ случай: это все тоже, какъ еслибъ онъ вздумалъ
Жить, какъ безумный, и вмѣстѣ по точнымъ законамъ разсудка!»
Какъ!—когда ты, гадая, зернышки яблокъ бросаешь [53]
И такъ радъ, что попалъ въ потолокъ: неужéль ты въ разсудкѣ?...
Какъ! когда ты, беззубый, лепечешь въ любви увѣренья,
То умнѣе ль ребенка, который домики строитъ?
Вспомнимъ и кровь и желѣзо, которыми тушатъ сей пламень;
Вспомнимъ Марія: онъ заколовши несчастную Геллу, [59]
Бросился самъ со скалы и погибъ: не безумецъ ли былъ онъ?
Если же это безуміе ты назовешь преступленьемъ;
Въ сущности будетъ все тоже; различіе только въ названьѣ!
Вольноотпущенникъ нѣкто, не ѣвши и вымывши руки, [60]
Дóсвѣту бѣгалъ по всѣмъ перекресткамъ, гдѣ только есть храмы,
Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы отъ смерти!
Только меня одного! Всемогущіе, это легко вамъ!»
Всѣмъ онъ здоровъ былъ, и слухомъ и зрѣньемъ; но за разсудокъ,
При продажѣ его, господинъ бы не могъ поручиться! [61]
Эту всю сволочь Хризиппъ въ собратьи Менепія числитъ! [62]
«О Юпитеръ, отъ коего все: и болѣзнь и здоровье!»
Такъ молилася мать, у которой ребенокъ былъ боленъ:
«Если его исцѣлишь, обѣщаюсь, что завтра же утромъ,
Такъ какъ на утро свершáемъ мы постъ въ честь тебѣ, всемогущій, [63]
Въ Тибръ его окуну!»—Чтожь! еслибы лѣкарь, иль случай
И избавилъ его отъ болѣзни: то глупая матерь
Непремѣннобъ ему лихорадку опять возвратила!
Что тутъ причиной безумства?—Причиной одно: суевѣрье!

Такъ Стертиній—мой другъ, осьмой межь семью мудрецами, [64]
Далъ мнѣ оружіе, дабы отнынѣ никто не остался
Безнаказанъ, задѣвши меня!—Кто мнѣ скажетъ: «безумецъ!»
Тотчасъ ему я въ отвѣтъ: «Оглянись! не виситъ ли что сзади!» [65]

ГОРАЦІЙ.

Стоикъ! Да будешь ты, послѣ банкротства, дороже
Новый товаръ продавать! [66]—Но, какъ много родовъ есть безумства,
То какоежь мое?—А по мнѣ... я здоровъ головою! [67]

ДАМАЗИППЪ.

Но—неужéли Агава, голову сына воткнувши,
Вмѣсто звѣриной, на тирсъ, почитала себя сумасшедшей? [68]

ГОРАЦІЙ.

Правдѣ пришлось уступить!—Сознаюсь откровенно: глупецъ я!
Даже безумный подчасъ!—Но скажи мнѣ однакожь: какою
Я страдаю болѣзнью души?...

ДАМАЗИППЪ.

Вопервыхъ: ты строишь! [69]
То есть: ты подражаешь людямъ высокимъ; [70] а самъ ты
Ежели смѣрять твой ростъ, не выше двухъ пядей [71]—и самъ же
Ты насмѣхаешься Турбѣ, [72] его и походкѣ и виду,
Въ бранныхъ доспѣхахъ, которые вовсе ему не по росту!
Меньшель смѣшонъ ты, когда съ Меценатомъ равняться желаешь?
Гдѣ же тебѣ, столь несходному съ нимъ, въ чемъ нибудь состязаться!
Разъ лягушонка теленокъ ногой раздавилъ; ускользнувши

Въ сильномъ испугѣ, другой разсказывать матери началъ,
Что товарища звѣрь растопталъ!—«А великъ ли?» спросила
Мать, надуваясь: «будетъ такой?»—Нѣтъ! тотъ вдвое былъ больше!
«А такой?» мать спросила, надувшись еще.—Нѣтъ! хоть лопни,
Все не будешь съ него!—Не твое ли подобіе это?...
Къ этому должно прибавить еще—страсть твою къ стихотворству, [73]
Страсть, съ которой ты масла еще на огонь подливаешь! [74]
Если въ умѣ сочиняютъ стихи, то и ты не безумный! [75]
Нравъ твой горячій... о немъ ужь молчу... [76]

ГОРАЦІЙ.

Перестань!...

ДАМАЗИППЪ.

О издержкахъ
Сверхъ состоянія....

ГОРАЦІЙ.

Вспомни себя, Дамазиппъ! [77]

ДАМАЗИППЪ.

Я ни слова
Про безумную къ дѣвочкамъ страсть и къ мальчикамъ дружбу! [78]

ГОРАЦІЙ.

О! пощади же ты, бо́льшій безумецъ, меньша́го безумца!

4 Окт. 1852.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 3.

—

1) Ст. 2. Древніе для письма начерно употребляли навосченныя таблички, съ которыхъ могли стирать написанное. Но набѣло переписывали на бумагу, которая называлась charta и дѣлалась изъ египетскаго растенія папируса; или на *пергаментъ*, который дѣлался изъ шкуръ животныхъ и назывался у римлянъ membranas. Здѣсь, упрекая Горація, что онъ рѣдко беретъ въ руки пергаментъ, Дамазиппъ говоритъ тоже, что впослѣдствіи, т. е. что Горацій безпрестанно переправляетъ свои сочиненія, и потому рѣдко переписываетъ ихъ *набѣло*.

2) Ст. 5. То есть: въ сабинскую деревеньку; что въ стихѣ 10 обозначено яснѣе. Сатурналіи приходились въ половинѣ декабря: слѣдовательно это было не въ то время года, въ которое обыкновенно переѣзжаютъ въ деревню; почему Дамазиппъ и думаетъ, что Горацій не могъ имѣть другой причины удалиться изъ Рима, въ такую пору года и въ дни праздниковъ, какъ развѣ для того, чтобы писать и заниматься поэзіей.

При этихъ стихахъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь въ первый разъ упоминаетъ Горацій о своей сабинской землицѣ, между тѣмъ, какъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ говоритъ о ней нерѣдко. Изъ этаго довольно основательно можно заключить, что онъ не задолго до этаго времени получилъ ее отъ Мецената; можетъ быть въ самомъ этомъ году, покрайней мѣрѣ не прежде 720 года отъ основ. Рима.

3) Ст. 12. Всѣ сочиненія Горацієвы доказываютъ его близкое знакомство съ греческими музами. Но это мѣсто особенно замѣчательно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о любимомъ его чтеніи, покрайней мѣрѣ въ этотъ періодъ его жизни: Платонъ, Менандръ, Эвполисъ, Архилохъ; вѣроятно къ нимъ можно прибавить Кратина и Аристофана.

Словомъ: *свита*, я хотѣлъ выразить латинское слово: comites, которое указываетъ на толпу кліентовъ, провожавшихъ знатныхъ римлянъ, когда они выходили изъ дому. Не зная въ подробности образа жизни римлянъ, нельзя и вообразить, съ одной стороны—ихъ пышности и чванства, съ другой—подлости добровольныхъ ихъ прислужниковъ. Эти провожатые, составлявшіе свиту богатыхъ и знатныхъ римскихъ гражданъ, даже раздѣлялись на степени. Одни имѣли право идти близко къ своему патрону, другіе только въ отдаленіи; одни по правую руку, другіе по лѣвую: и все это дѣлалось по большой части за sportula, за порцію съѣстнова, за подачку! Это слово: comites, употребленное о Эвполисѣ и Архилохѣ, въ отношеніи къ Горацію, должно было казаться очень забавнымъ для современниковъ. Но въ переводѣ древняго много смѣшное требуетъ истолкованія, и потому оно для насъ исчезаетъ.

4) Ст. 18. Стоики, сдѣлавшіе изъ этаго званія профессію, промыслъ, казались въ это время уже смѣшными и были почти въ презрѣніи. Сколько послужили къ этому господствующіе нравы того времени, столько и самая наружность стоиковъ, въ которой они болѣе и болѣе приближались къ циникамъ, «къ своей собачьей собратіи»—какъ выражается Виландъ. Они также не разчесывали волосъ, отращивали длинную бороду, и отличались отъ людей хорошаго общества своею неопрятностію, грубымъ обращеніемъ и безстыдствомъ.

У многихъ, вѣроятно, эта неопрятность происходила отъ нищеты. Но какъ бы то ни было, а это выраженіе благодарности Горація очень забавно! Послѣ важныхъ наставленій философа, поэтъ не находитъ лучшей награды за его добро, какъ пожелать ему брадобрѣя, который бы сдѣлалъ его похожимъ на другихъ людей! Это тѣмъ смѣшнѣе, что стоики очень дорожили своей бородою, какъ принадлежностію мудрости. Увидимъ ниже, что Дамазиппъ называетъ ее sapientem barbam, «мудрою бородою.»

5) Ст. 19. То есть: «съ тѣхъ поръ какъ обанкрутился.»—Метафора, взятая отъ кораблекрушенія.

«У средняго Януса.» Нѣкоторые объясняютъ такъ, что на форумѣ было три статуи Януса: двѣ по концамъ и одна по срединѣ; что у средней помѣщались банкиры и менялы. Другіе же говорятъ, что «средній Янусъ» означаетъ здѣсь не статую, а покрытую аркаду; что двѣ такія аркады были на Тосканской улицѣ, которая была занимаема купцами и банкирами. Объ этомъ упоминаютъ также Свѣтоній и Публій Викторъ. Послѣдній полагаетъ опредѣлительно, въ III-й части Рима и на форумѣ: Iani duo, celebris mercatorum locus; «два Януса, мѣсто знатительныхъ торговцовъ.» А Титъ Ливій говоритъ, что на форумѣ, (въ томъ же мѣстѣ, на которое указываетъ П. Викторъ, т. е. близъ Фабіевыхъ тріумфальныхъ воротъ); были *три* Януса, или *аркады*; ибо у него находимъ въ концѣ 41-й книги гл. 27, что Фульвій Флаккъ велѣлъ окружить форумъ портиками и лавками, и сдѣлать три Януса, т. е. аркады. Forum porticibus tabernisque claudendum, et *Ianos tres* faciendos locasse. Цицеронъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ о среднемъ Янусѣ. Въ концѣ 2-й кн. «О должно-

стяхъ» онъ говоритъ, что всѣ дѣла, касающіяся до платежа и отдачи въ долгъ, до помѣщенія своихъ денегъ и полученія съ нихъ дохода, производятся гораздо лучше такого рода людьми, которые сидятъ у средняго Януса, чѣмъ философами.

Какъ-бы то ни было, но выраженіе: «попалъ у средняго Януса на мель»—значитъ, что Дамазиппъ имѣлъ денежныя, или торговыя дѣла у римскихъ банкировъ и кончилъ банкротствомъ.

6) Ст. 22. Этотъ Сизифъ, еще въ героическія времена, царствовалъ въ Коринѳѣ. О его хитрости разсказываютъ греки разныя исторіи, отъ чего и была пословица: «сизифская хитрость.»

Виландъ полагаетъ, что здѣсь говорится о такъ называемой *коринѳской мѣди*, о которой между римлянами было такъ много споровъ и различныхъ мнѣній: была ли она извѣстна древнимъ, или произошла отъ соединенія различныхъ металловъ, разплавившихся въ пожарѣ Коринѳа, разрушеннаго римлянами.

7) Ст. 26. Этотъ *Юніусъ Дамазиппъ* былъ сенаторъ и стоическій философъ. Прежде вступленія своего въ секту стоиковъ онъ занимался покупкою и продажею статуй и всякихъ древностей, отъ чего и разорился. Цицеронъ упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ. Онъ поручалъ одному своему пріятелю купить для украшенія своей Арпинской виллы нѣсколько бюстовъ; но какъ пріятель заплатилъ за нихъ дорого, то Цицеронъ желалъ вновь продать ихъ. «Нельзяли, пишетъ онъ, найти какого нибудь Дамазиппа, который купилъ бы ихъ у меня за ту же цѣну?» Въ другомъ письмѣ рѣчь идетъ о садѣ, который онъ желаетъ сбыть съ рукъ тоже Дамазиппу.

Но какъ между этими письмами и разговоромъ Горація съ Дамазиппомъ прошло лѣтъ двадцать, то очень понятно, что въ это время Дамазиппъ изъ любителя художествъ успѣлъ сдѣлаться торговцомъ и сводчикомъ, и такъ проторговаться, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ или утопиться, или идти въ стоики.

8) Ст. 33. Слово *insanus*, которое я перевожу словомъ *безумный*, ставитъ переводчика въ большое затрудненіе. На латинскомъ оно употребляется въ противуположность слову sanus, которое значитъ и *здоровый*, и находящійся въ здравомъ умѣ, *здравомыслящій*. Такъ какъ Стертиній, во все продолженіе сатиры, называетъ всѣхъ безумныхъ больными, то эта противуположность здороваго и здравомыслящаго—съ больнымъ и безумнымъ, заключающаяся въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ sanus и insanus, необходима; но въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ обоимъ понятіямъ вмѣстѣ. (Это же примѣч. относится къ стихамъ 75 и 159).

9) Ст. 34. «Если намъ правду Стертиній твердилъ.» Словомъ: «твердилъ,» я перевелъ латинское egeraге. Еще ближе было бы перевести простонароднымъ словомъ: *тростилъ*, или: *долбилъ*, что очень употребительно о многократномъ повтореніи одного и тогоже. Но я такого убѣжденія, что поэзія въ самой шуткѣ, и въ самой

простонародности, должна быть всегда благородна: такова она у Горація, даже въ предметахъ низкихъ и каррикатурныхъ.

Но болѣе всего я долженъ обратить здѣсь вниманіе на слово: *если*. Si на латинскомъ языкѣ значитъ иногда и утвержденіе: нѣкоторые объяснители принимаютъ его здѣсь въ смыслѣ утвержденія; но, кажется, они ошибаются.

10) Ст. 36. Древніе философы отращивали себѣ бороду, чтобы показать презрѣніе къ попеченіямъ о тѣлѣ и малую о немъ заботливость. Но что было сначала побочною принадлежностію мудрости и послѣдствіемъ оной, то сдѣлалось наконецъ главнымъ. Борода, которая у основателей школъ философіи была случайнымъ признакомъ мудрости, сдѣлалась у нихъ послѣдователей единственною ихъ мудростію. И потому однимъ изъ главныхъ ихъ правилъ было: barbam pascere, *питать браду*, т. е. отпущать длинную бороду. Потому-то Дамазиппъ и называетъ бороду *мудрою*, что она была у нихъ признакомъ мудрости. Къ этому относится изрѣченіе Луціана: «Если мудрость философовъ состоитъ въ бородѣ, то и козелъ такой же мудрецъ, какъ они.»

11) Ст. 37. Мостъ Фабриціевъ соединялъ Римъ съ островомъ, находящимся посреди Тибра; а съ другимъ берегомъ соединялся этотъ островъ мостомъ Цестія. Эти два моста существуютъ и донынѣ. Первый называется il ponto di quarto capi; а второй мостомъ св. Варѳоломея.

12) Ст. 38. Тѣ, которые обрекали себя смерти, напр. для спасенія отечества, покрывали голову, въ знакъ обѣта передъ богами ада, и въ знакъ того, что отрекаясь отъ жизни, они лишаютъ себя дневнаго свѣта.

13) Ст. 39. Вопервыхъ сторона поправую руку считалась у римлянъ счастливой, какъ у грековъ полѣвую; вовторыхъ римляне вѣрили, что добрые геніи являлись по правую руку. Этимъ хочетъ сказать Дамазиппъ, что Стертиній явился ему, какъ добрый геній.

14) Ст. 40. Здѣсь начинается уже разговоръ Стертинія съ Дамазиппомъ. До самаго стиха 296-го Горацій въ сторонѣ; онъ только слушаетъ; а Дамазиппъ, не подозрѣвая этаго, разыгрываетъ передъ нимъ настоящую комедію, въ которой одни лица смѣняются другими. Не даромъ эта сатира почитается лучшею изъ всѣхъ сатиръ Горація.

15) Ст. 45. *Зенонъ*, основатель школы стоиковъ, собиралъ своихъ слушателей въ Аѳинскомъ портикѣ, украшенномъ живописью Полигнота. Портикъ погречески *стоа*; отъ чего послѣдователи Зенона и прозваны стоиками. *Хризиппъ* былъ ученикъ Зенона. Говорятъ, что онъ худо понялъ ученіе Зенона и довелъ его до грубыхъ понятій, которыхъ не было у его наставника, и до грубыхъ правилъ, которыхъ тотъ не требовалъ. Многіе, отличавшіеся грубымъ невѣжествомъ, признали его своимъ наставникомъ и составили ту школу, къ которой принадлежалъ и *Стерти-*

ній. Потому-то онъ и подтверждаетъ свои правила авторитетомъ Хризиппа, какъ величайшаго философа. А въ стихѣ 47-мъ слова: «кромѣ лишь мудрыхъ»—разумѣетъ Дамазиппъ о стоикахъ. Ихъ одинхъ называетъ онъ мудрыми.

16) Ст. 54. «Съ хвостомъ и они!»—Caudam trahat.—Одинъ древній комментаторъ замѣчаетъ, что эта поговорка произошла отъ обычая ребятъ привязывать тихонько хвостъ къ тому, надъ кѣмъ они хотѣли посмѣяться.

17) Ст. 62—64. Актеръ *Фузій* представлялъ лице Иліоны, въ трагедіи Пакувія. Въ той сценѣ, въ которой тѣнь Полидора является спящей Иліонѣ, и возвѣщая ей, что онъ убитъ Полимнесторомъ, проситъ совершить погребеніе, пьяный *Фузій* дѣйствительно заснулъ на сценѣ. Какъ ни кричалъ *Катіенъ*, представлявшій тѣнь Полидора: Mater, te apello! «Матерь, тебя я зову;» какъ ни кричали тоже самое зрители: и эти тысячи голосовъ не могли разбудить пьяной Иліоны.

Здѣсь у Горація: Ilionam edormit, т. е. вмѣсто «игралъ Иліону,» — «спалъ Иліону »—Это также, какъ въ другой сатирѣ: saltare Cyclopa, «плясать Циклопа.» Чтобы сколько нибудь приблизиться къ подлинпику, я написалъ: «проспалъ Иліону.»

У Горація еще: «тысячи *Катіеновъ* кричали.» Оно забавно; но было бы въ переводѣ непонятно, и потому я написалъ: «нѣсколько тысячъ *голосовъ*.»

18) Ст. 71. «Это мѣсто очень трудно, говоритъ Дасье: я не видывалъ еще, чтобы кто нибудь совершенно объяснилъ его.» Вотъ какъ самъ онъ его объясняетъ, или, лучше сказать, полагаетъ, что должно разумѣть его.

Древніе отдавали деньги взаймы двумя способами. Или отсчитывали ихъ у себя дома, и дома же заставляли писать обязательство, въ которомъ никогда не забывали словъ: ex domo, ex arca, т. е. что эти деньги вынуты изъ сундука, и тутъ же выданы; или, такъ какъ они обыкновенно хранили деньги свои у банкировъ, то у нихъ и отсчитывали сумму, и у нихъ же совершали заемное обязательство, которое дѣлалось такимъ образомъ. Заемщикъ писалъ въ книгѣ банкира: *я получилъ отъ такого-то банкира деньги такого-то*. Это называлось scribere. Когда должникъ хотѣлъ заплатить, онъ приходилъ къ банкиру, и отсчитавши ему деньги, вымарывалъ, или зачеркивалъ написанное имъ прежде: что называлось rescribere.

И такъ Горацій вводитъ здѣсь Дамазиппова занмодавца Периллія, или того, который продаетъ ему статуи на кредитъ, и который для бо́льшей вѣрности диктуетъ ему обязательство у Периллія. «Пиши, говоритъ онъ ему, что ты получилъ отъ Нервія 10 тысячъ сестерцій.» Тутъ Стертиній вступаетъ въ рѣчь и говоритъ: «этаго недовольно; возми всѣ возможныя предосторожности, свяжи его крѣпче.» Таковъ смыслъ этаго мѣста, которое темно по недостатку связи, препятствующему различить отдѣльныя рѣчи разныхъ лицъ, говорящихъ то въ третьемъ лицѣ, то во второмъ.

Этихъ лицъ трое: *Дамазиппъ*, который занимаетъ; *Периллій*, который даетъ

взаймы; и *Нерій*, банкиръ, въ книгѣ котораго прописывается обязательство, какъ будто деньги занимаются у него.

Цикута былъ старый нотаріусъ и ростовщикъ, который былъ мастеръ опутывать своихъ должниковъ.

Рѣшительно невозможно было перевести этаго мѣста съ точностію. По этой причинѣ я рѣшился избѣгнуть, сколько можно, темной разговорной формы, и не измѣняя въ сущности рѣчей подлинника, представилъ ихъ въ видѣ одной рѣчи, въ родѣ отступленія, которыхъ у Дамазиппа много.

19) Ст. 72. *Протей*, сынъ Нептуна. Онъ принималъ различные образы, чтобы избѣжать тѣхъ, которые хотѣли узнать тайное.

20) Ст. 75. См. примѣч. 8 къ стиху 33.

21) Ст. 78. Стертиній требуетъ здѣсь отъ своихъ слушателей долгаго вниманія. Длинная одежда римлянъ мѣшала движеніямъ и путалась. Поэтому, въ народныхъ собраніяхъ, или въ сенатѣ, когда слушали оратора, подбирали тоги, чтобы онѣ не мѣшали. Эта выходка Стертинія показываетъ въ немъ совершеннаго шарлатана.

22) Ст. 84. Объ *Антицирѣ*, см. въ моемъ переводѣ *Науки Поэзіи* Горація, ст. 301 примѣч. 55 и этой сатиры примѣч. 36

23.) Ст. 85. *Стаберій*—лице неизвѣстное.

24) Ст. 87. Этотъ *Аррій*, по мнѣнію Санадона, которое вѣроятнѣе всѣхъ другихъ предположеній, былъ одинъ изъ священниковъ, называвшихся septemviri epulones, которые учреждали публичныя пиршества передъ статуями боговъ, дававшіяся въ важныхъ случаяхъ и называвшіяся lectisternia. Напрасно думаетъ Виландъ, что этотъ Аррій одинъ изъ расточителей, о которыхъ упоминается ниже.

25) Ст. 88. Именно та часть Африки, которую мы называемъ Варваріей, (Варварійскими владѣніями), и которая, вмѣстѣ съ Сициліей и Египтомъ, снабжала Римъ хлѣбомъ.

26) Ст. 89. «Мнѣ наслѣдникъ не дядя» т. е. «онъ мнѣ не указчикъ.» Римляне употребляли слово: patruus, *дядя*, чтобы означить *ворчуна*, брюзгливаго *указчика*: «потому, говоритъ Санадонъ, что дяди не такъ снисходительны къ племянникамъ, какъ отцы къ сыновьямъ.»

27) Ст. 101. Аристиппъ, философъ киринейской секты, первый изъ школы Сократовой, начавшій брать съ учениковъ своихъ деньги. Онъ признавалъ только двѣ страсти, какъ два величайшихъ двигателя всѣхъ другихъ: *удовольствіе* и *скорбь*. Стертиній даетъ здѣсь, безъ всякаго основанія, иной оборотъ, поступку Аристиппа, заслужившему одобреніе Цицерона. Думаютъ обыкновенно, что за Аристиппомъ шло

множество рабовъ, и разсказываютъ, что онъ всѣ свои деньги велѣлъ имъ *бросить* въ степи; но съ нимъ былъ только одинъ рабъ, которому онъ велѣлъ только оставить лишнюю тягость. Вотъ что пишетъ Діогенъ Лаерцій, слѣдуя Біону: «Такъ какъ его рабъ, который несъ деньги во время путешествія, былъ слишкомъ отягощенъ, то онъ сказалъ ему: «брось лишнее, и неси только то, что можешь.» Цицеронъ же говоритъ именно о деньгахъ, которые Аристиппъ бросилъ въ море. Это доказываетъ только, что эту исторію разсказывали различно, и что трудно узнать, что въ ней справедливаго.

28) Ст. 114. Горькія травы, говоритъ Дасье, не значатъ здѣсь, какъ полагаютъ нѣкоторые, полевую дикую зелень, въ противуположность садовой; а зелень, безъ приправы оливковаго масла.

29) Ст. 117. Acetum, какъ объясняютъ многіе, здѣсь не означаетъ уксуса, а прокислое вино; почему я и употребилъ слово: «кислятина.»

30) Ст. 129. Здѣсь другая сцена. Стертиній обращается къ другому лицу, изъ тѣхъ, которыхъ онъ вызывалъ въ стихахъ 78 до 82: «всѣ ко мнѣ подходите! всѣ по порядку!» Вѣроятно онъ обращается здѣсь къ Сцевѣ, о которомъ говорится у Горація, въ первой сатирѣ, 2 книги.

31) Ст. 141. Въ Римѣ была знаменитая фамилія gens Opimia. Но вѣроятно здѣсь имя *Опимія* выдумано самимъ поэтомъ, и можетъ быть для игры словъ, которой нельзя было сохранить въ переводѣ: pauper Opimius. — Opimius значитъ по латыни *тучный, богатый*; а Горацій соединилъ это имя съ эпитетомъ *бѣдный*.

32) Ст. 142. Вейское вино, изъ Веіи, въ Тосканѣ, почиталось въ Римѣ самымъ плохимъ изъ всѣхъ винъ Италіи. *Глиняной кружкой* перевелъ я campana trulla, потому что въ Кампаніи дѣлали простую глиняную посуду. Объ ней упоминаетъ Горацій въ шестой сатирѣ 1 книги.

33) Ст. 159. См. примѣч. 8 къ стиху 33.

34) Ст. 161. *Кратеръ* былъ знаменитый врачь во время Августа. Цицеронъ говоритъ о немъ въ письмахъ къ Аттику.

35) Ст. 165. Ларамъ приносили въ жертву свинью. Это видно изъ 23 оды Горація, книги третьей.

36) Ст. 166. *Антицира*— островъ на Эгейскомъ морѣ. На немъ росла въ изобиліи чемерица, которую употребляли древніе, какъ врачебное средство противъ сумасшествія.

37) Ст. 175. *Номентанъ*, извѣстный расточитель, упоминаемый во многихъ сатирахъ Горація. О *Цикутѣ* см. въ концѣ примѣч. 18 къ ст. 70—77.

38) Ст. 181. Эдили были обязаны давать народу игры, что стоило неимовѣрныхъ суммъ, которыя вели бы чиновниковъ къ раззоренію; но они пускались въ это по

разсчету: эдильство вело къ должностямъ высшимъ, въ которыхъ извѣстно какъ умѣли римляне вознаграждать себя.

39) Ст. 182. На латинскомъ: intestabilis, слово, котораго нельзя перевести по-русски однимъ же словомъ. И потому я перевелъ мысль, а не самый терминъ. У римлянъ, кто не могъ дѣлать завѣщаніе, и быть свидѣтелемъ, тотъ не могъ и воспользоваться завѣщаніемъ. Sacer—проклятый и обреченный богамъ. Таковыхъ можно было убивать безнаказанно: само собою разумѣется, что они не могли ни завѣщевать, ни наслѣдовать по завѣщанію.

40) Ст. 183. Здѣсь говоритъ Стертиній собственно отъ своего лица, какъ дѣлающій замѣчаніе на послѣднюю волю Опидія.

41) Ст. 185. Тѣ, которые искали должностей, старались задобрить народъ своею щедростію, которая состояла въ раздачѣ гороху, бобовъ, зернового хлѣба, а иногда и денегъ. Римляне издерживали на это огромныя суммы и иногда отъ того разорялись. Лупины—овощь, который былъ извѣстенъ только въ Италіи.

42) Ст. 186. *Агриппа* — извѣстный любимецъ Августа, который обращался съ нимъ, какъ съ другомъ и товарищемъ; мужъ великой души, прямой и честный.

Игры давались эдилями, (исключая нѣкоторые необыкновенные случаи), на собственный ихъ счетъ. Послѣ Эмилія Скавра, который, въ должности эдиля, употребилъ на одно сооруженіе и украшеніе театра невѣроятно огромную сумму, соперничество эдилей и ожиданія народа дошли до такой степени безумія, что, по выраженію Тита Ливія, на траты, требуемыя званіемъ эдилей, едва достаточны были и царскія богатства. На это единственное средство угодить народу, пока существовала республика, честолюбцы разорялись въ званіи эдиля, дабы потомъ получить должность проконсула, или другую, и вознаградить себя на счетъ провинцій. Но, по окончаніи послѣдней гражданской войны, когда знатнѣйшія фамиліи или были истреблены, или разорились, а благосклонность народа потеряла свое значеніе, никто уже не хотѣлъ принимать на себя столь разорительной должности.

По этой-то причинѣ *Агриппа*, хотя былъ консуломъ еще въ 717 году Р. по совѣту Августа, принялъ на себя въ 720 г. званіе эдиля, и съ вспомоществованіемъ Августа исправлялъ ее съ такимъ блескомъ и великолѣпіемъ, что затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

43) Ст. 187. Здѣсь начинается новая сцена. Стертиній вызываетъ къ отвѣту Атрида Агамемнона. Горацій переходитъ отъ одной сцены къ другой, безъ всякой связи; но эта связь заключается и здѣсь въ прежнихъ словахъ Стертинія:

«Всѣ ко мнѣ подходите!
Всѣ попорядку! Я докажу вамъ, что всѣ вы безумцы!»

Теперь, послѣ другихъ, является къ отвѣту самъ Агамемнонъ.

44) Ст. 192. Въ этихъ словахъ Горацій слѣдуетъ обыкновенію грековъ и всѣхъ восточныхъ народовъ начинать рѣчь желаніями и благословеніями.

45) Ст. 223. *Беллона*—богиня войны, и потому богиня ярости; а ярость производитъ безуміе, какъ и безуміе производитъ ярость. Ея жрецы, которыхъ называли bellonarii, бѣгали, какъ безумные, туда и сюда, и наносили себѣ ножами глубокія раны.

46) Ст. 224. Здѣсь опять новая сцена; но уже не разговорная. Стертиній говоритъ одинъ. Въ этой сатирѣ чрезвычайно трудно различить, отъ чьего лица идетъ рѣчь. Потому-то я и почелъ нужнымъ всегда означать это въ примѣчаніяхъ.

47) Ст. 228. Всѣ эти люди почитались въ Римѣ, какъ и въ Греціи, людьми безславными. Цицеронъ въ первой книгѣ *о Должностяхъ* говоритъ: Minimeque artes hae probandae, quae ministrae sunt voluptatum; cetarii, lanii, coqui, fartores, piscatores, ut ait Terentius. «Меньше всего достойны одобренія тѣ ремесла, которыя служатъ къ роскоши; какъ то: ремесло промышляющихъ морской рыбой, мясниковъ, поваровъ, приспѣшниковъ, рыбаковъ, какъ говоритъ Теренцій.» Это мѣсто находится у Теренція въ Евнухѣ. У грековъ была о рыбакахъ пословица: «дочь за рыбака отдавай; а самъ не женись на рыбачьей дочери.»

Продавцы духовъ, мазей и другихъ снадобьевъ, тоже были въ презрѣніи, потому что они продавали иногда снадобья вредныя, служащія или для услуги пороку, или для прикрытія его послѣдствій.

Шуты, или забавники, называвшіеся scurrae, были большіе пріятели всѣмъ этимъ людямъ, потому что они поручали иногда *скуррамъ* продажу своихъ товаровъ, которые сіи послѣдніе мастерски умѣли сбывать, пополамъ съ шутками.

Здѣсь, признаюсь, я пропустилъ: Tusci vici; т. е. вмѣсто: «всей сволочи этой»—надобно было сказать: «всей сволочи *тосканскаго квартала.*» Во время Горація въ этомъ кварталѣ: vicus Tuscus, жили всѣ продавцы рабовъ, душистыхъ водъ и мазей, и проч. Горацій называетъ ихъ impia turba, «нечестивая сволочь,» какъ людей безъ всякой чести и преданныхъ разврату.

48) Ст. 230. Какъ самое значительное лице между ними.

49) Ст. 240. Клавдій *Эзопъ* былъ сынъ знаменитаго трагическаго актера Эзопа, который и самъ былъ расточителенъ; но сынъ превзошелъ въ этомъ отца. Онъ распустилъ въ уксусѣ и проглотилъ жемчужину необъятной цѣны, подаренную ему Метеллой. Объ этомъ пишетъ Плиній старшій. Но кто была эта Метелла—неизвѣстно. Дасье думалъ, что она была сестра Цецилія Нумидика, бывшая за мужемъ за Лукулломъ. Но это только догадка. Бель доказалъ хронологически ея неосновательность.

Клеопатра, распустившая въ уксусѣ тоже жемчужину, цѣною въ шесть сотъ мил-

ліоновъ сестерцій, только подражала въ этомъ Эзопу. «Не большая честь для царицы Египетской!» замѣчаетъ одинъ объяснитель Горація.

50) Ст. 243. Какъ Виландъ полагалъ, что одинъ изъ этихъ братьевъ — тотъ Аррій, о которомъ говорится въ стихѣ 87, такъ другіе думаютъ, что это его дѣти. Ни на чемъ неосновательная догадка.

51) Ст. 245. Здѣсь должно замѣтить двѣ черты роскоши. Вопервыхъ кушанье изъ однихъ соловьевъ, которое они употребляли только потому, что соловьи, по своему пріятному пѣнію, продавались очень дорого; вовторыхъ, что они ѣли ихъ за обѣдомъ, противъ обыкновенія римлянъ имѣть столъ однажды въ день, вечеромъ, т. е. ужинать.

Во всей исторіи расточительности, замѣчаетъ Виландъ, не находится подобнаго примѣра. Одинъ соловей стоилъ въ Римѣ 6000 сестерцій; а цѣлое блюдо, (считая сестерцій въ четверть драхмы), стоило 600 тысячъ сестерцій. Такъ говоритъ Валерій Максимъ. Плиній же пишетъ, что цѣна соловья равнялась цѣнѣ обыкновеннаго раба; съ чѣмъ сходится и оцѣнка Валерія Максима.

52) Ст. 246. То есть: оправдать ли ихъ, или обвинить?

53) Ст. 247. «Въ четъ и нечетъ.» Извѣстная игра, которою забавлялись только дѣти и которою никогда не занимались взрослые. Обыкновенно въ эту игру дѣти играли на орѣхи. Но Августъ писалъ къ дочери своей Юліи: Misi tibi denarios ducentas quinquaginta, quos singulis convivis dederam, si vellent inter se, inter caenam, vel talis, vel impar ludere. «Я послалъ къ тебѣ двѣсти пятдесятъ динаріевъ. Столько же далъ я каждому изъ приглашенныхъ, чтобы они могли, если хотятъ, поиграть за ужиномъ въ четъ и нечетъ.»

54) Ст. 253—257. *Палемонъ* былъ молодой афинянинъ, преданный пьянству и распутству. Однажды, бѣгая по улицамъ съ пѣвицей и съ музыкантами, онъ вошелъ въ Академію, въ школу Платона, которой начальникомъ былъ въ то время Ксенократъ. Сей философъ, увидѣвъ этаго вѣтренника, тотчасъ началъ говорить своимъ ученикамъ о мудрости и воздержности, и говорилъ съ такою силою, что Палемонъ, пораженный его рѣчью, въ ту же минуту рѣшился отказаться отъ невоздержной жизни, изорвалъ вѣнокъ, бывшій у него на головѣ, бросилъ всѣ свои позорные наряды и пристрастился къ добродѣтели. Онъ послѣдовалъ наконецъ Ксенократу и былъ четвертымъ послѣ Платона: Платонъ, Исевзиппъ, Ксенократъ, Палемонъ. Эту исторію разсказываютъ со всѣми обстоятельствами Луціанъ и Валерій Максимъ.

55) Ст. 254. Всѣ эти наряды: fasciolas, cubital, focalia, перевести въ точности невозможно. Сами ученые и комментаторы несогласны въ ихъ значеніяхъ.

56) Ст. 259. Полатынѣ: Sume, catelle! «Возми, щеночекъ!» У римлянъ это было ласковымъ словомъ; такъ называли дѣтей матери и кормилицы. По-руски оно не имѣетъ значенія ласковаго названія, и потому я написалъ: «на, голубчикъ, возми!»

57) Ст. 260. Въ Теренціевомъ «Евнухѣ,» изъ котораго взято это мѣсто.

58) Ст. 272. Брали яблочное зернышко и пожимали его двумя пальцами, чтобы оно вспрыгнуло вверхъ. Если оно доставало до потолка, то это почиталось хорошимъ предзнаменованіемъ. Особенно были пригодны для этаго гаданія зернышки пиценскихъ яблокъ.

59) Ст. 277. И *Маріи* и *Гелла*—лица неизвѣстныя. Хотя Дасье и говоритъ, что это происшествіе случилось незадолго до сочиненія этой сатиры; но на чемъ онъ основывается, тоже неизвѣстно. Гораздо вѣрнѣе простое замѣчаніе Санадона, что эта исторія вѣроятно была всѣмъ извѣстна въ то время, когда писалъ Горацій.

60) Ст. 281. Онъ былъ *не пьяни*: слѣдовательно нельзя принять его за пьянаго; онъ бѣгалъ *вымывши руки*: слѣдовательно онъ дѣлалъ это въ полномъ разсудкѣ, приготовившись, какъ къ благочестивому обряду.

61) Ст. 286. Тѣ, которые продавали рабовъ, обязаны были объявлять о важнѣйшихъ ихъ недостаткахъ.

62) Ст. 287. Фамилія Мененіевъ была одна изъ древнѣйшихъ въ Римѣ. Имя это прославилось нѣкогда знаменитымъ Мененіемъ Агриппою, который, въ первыя времена республики, одержалъ побѣду надъ Сабинянами и укротилъ народное возмущеніе, кончивъ рѣчь къ народу извѣстною притчею о возмущеніи противъ желудка прочихъ членовъ тѣла.

Но что значитъ выраженіе Горація: faecunda in gente Menenî, что я перевелъ: «въ собратьи Менонія»—это разрѣшить трудно. Видно только, что былъ одинъ Мененій, извѣстный въ Римѣ, какъ сумасшедшій. Но чтобы по этому выраженію можно было полагать, какъ думаетъ Санадонъ, чтобы сумасшествіе было въ фамиліи Мененіевъ наслѣдственнымъ: это ничѣмъ недоказано, и съ этимъ согласиться невозможно.

63) Ст. 291. Что у римлянъ были посты, т. е. дни воздержанія отъ пищи, это доказано изслѣдованіемъ г. Могіи, помѣщенномъ въ трудахъ бывшей парижской академіи надписей. Виландъ полагаетъ, что здѣсь говорится объ одномъ изъ особенныхъ дней, посвященныхъ Юпитеру, какъ напримѣръ: десятый день передъ январскими календами.

64) Ст. 296. Здѣсь начинается опять разговоръ Дамазиппа съ Гораціемъ.

65) Ст. 299. Очень забавенъ здѣсь оборотъ, который даетъ Горацій Дамазипповой мудрости. Весь результатъ Стертиніева ученія заключается для него въ томъ, что если кто назоветъ его дуракомъ, онъ научился отвѣчать: «и самъ такой же!»— Стоило труда идти въ философы, да еще и въ стоики! Касательно словъ: «оглянись, не виситъ ли что сзади;» обращаю читателя къ примѣч. 16 этой же сатиры.

66) Ст. 301. Преколкая шутка надъ стоикомъ! Онъ отрекся отъ всего для мудрости; а Горацій совѣтуетъ ему идти опять въ торгаши, и желаетъ продавать дороже прежняго.

67) Ст. 302. Здѣсь опять слово sanus. (Прошу читателя обратиться къ примѣч. 8). Такъ какъ sanus значитъ и *здоровый* и *здравомыслящій*; а Дамазипнъ называетъ безуміе болѣзнію: то здѣсь это слово употреблено въ обоихъ значеніяхъ, чего нельзя было сохранить поруски.

68) Ст. 304. Здѣсь я отступилъ отъ выраженія подлинника, которое было бы для насъ совершенно непонятно. Я рѣшился перевести это мѣсто такъ, чтобы въ самыхъ стихахъ заключалось нѣкоторымъ образомъ объясненіе.

Агава была дочь Кадма, супруга Эквіона, царя ѳивскаго, и мать Пентея. Въ вакхической ярости, во время праздника вакхова, она растерзала на части своего сына, думая, что терзаетъ дикаго звѣря. Она не только не опамятовалась отъ своего безумія; но воткнула голову своего сына на тирсъ, принимая ее за львиную, и принесла къ своему отцу Кадму, чтобы онъ повѣсилъ ее надъ дверьми своего дома, по обычаю того времени. Виландъ говоритъ, что здѣсь приведенъ примѣръ изъ Эврипидовой трагедіи: *Вакханки*: которую Акцій перенесъ на римскую сцену.

69) Ст. 307. Вотъ одно мѣсто, въ которомъ говоритъ Горацій о своихъ постройкахъ, и изъ котораго можно заключить о его охотѣ строиться. Въ другомъ мѣстѣ (кн. 1 эп. 1 ст. 100) онъ тоже обвиняетъ себя въ этой страсти:

Diruit, aedificat, mutat quadrata rotundis.

т. е.

Строитъ, ломаетъ, изъ круга квадратъ, и кругъ изъ квадрата!

70) Ст. 308. Здѣсь слово *высокій* я старался употребить въ двухъ значеніяхъ, какъ у Горація слово longus, т. е. въ значеніи высокаго званія и высокаго роста. Эти двусмысленности чрезвычайно трудно сохранить въ переводѣ.

71) Ст. 309. Горацій былъ малъ ростомъ и толстъ. Онъ самъ сохранилъ намъ свое изображеніе въ 20 эпистолѣ, кн. 1 ст. 24. Тамъ говоритъ онъ о своемъ ростѣ: corpore exigui. «ростомъ малъ.» А въ 4 эп. ст. 15 смѣется надъ своею толстотою:

Me pinguem, et nitidum bene curata cute vises,
Cum ridere voles Epicure de grege porcum.

т. е.

Хочешь ли ты посмѣяться свиньѣ Эпикурова стада,
Пріѣзжай посмотрѣть, какъ я толстъ, какъ гладка моя кожа!

Но вотъ свидѣтельствующій объ этомъ отрывокъ изъ шутливаго письма къ нему отъ Августа. Pertulit ad me Dionysius libellum tuum: quem ego, ne accusem brevitatem, quantulus cumque est, boni consulo. Veveri autem mihi videris ne majores libelli tui sint quam ipse es. Sed si tibi statura deest, corpusculum non deest. Itaque licebit in sextariolo scribas, quum circuitus voluminis tui sit ογκωδέστατα sicut est ventriculi tui. «Діонисій принесъ мнѣ твою книгу. Какъ она ни мала, принимаю ее съ

удовольствіемъ. Мнѣ кажется, ты боишься, чтобы твои книги не были больше тебя самаго. Но если у тебя недостаетъ роста, покрайней мѣрѣ нѣтъ недостатка въ дородствѣ. Тебѣ можно сѣсть въ небольшой сектарій, (мѣра жидкостей), да въ немъ и писать, потому что книга твоя ростомъ въ тебя, и вся въ толщинѣ, какъ твое брюшко.»

Древній сочинитель жизнеописанія Горація, которое приписываютъ Светонію, и въ которомъ находится вышеприведенный отрывокъ, говоритъ тоже: habitu corporis brevis, atque obesus. «Онъ былъ малъ и тученъ.»

72) Ст. 310. *Турба* былъ гладіаторъ малаго роста, но очень тучный. О немъ упоминаетъ Присціанъ.

73) Ст. 320. Стоики вообще осуждали поэзію; немудрено и то, что ее осуждаетъ глупый педантъ, каковъ Дамазиппъ. Всякой, кто недостоинъ и неспособенъ ее чувствовать, по сухости души, по тупости органовъ и по холодности сердца, натурально будетъ судить о ней, какъ Дамазиппъ. Но здѣсь забавно то, что въ началѣ разговора онъ упрекалъ Горація, что онъ мало пишетъ, а подъ конецъ обвиняетъ за то, что онъ пишетъ.

74) Ст. 321. У римлянъ была таже поговорка, какъ и у насъ: oleum in ignem, in ignis oleo.

75) Ст. 322. Къ этому мнѣнію о безуміи поэтовъ могли подать поводъ Демокритъ и Платонъ, которые называли восторгъ изступленіемъ, или неистовствомъ. Какъ понимать это, объяснено у меня въ примѣчаніяхъ къ моему переводу: «Науки поэзіи» Горація.» См. тамъ примѣч. 54.

76) Ст. 323. Горацій былъ дѣйствительно горячъ и вспыльчивъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ послѣдней эпистолѣ 1-й книги: irasci celer; а стоики проповѣдывали терпѣніе.

77) Ст. 324. Здѣсь Горацій напоминаетъ Дамазиппу одно изъ главныхъ правилъ стоиковъ: не заботиться о чужихъ недостаткахъ, а обращать все вниманіе на самихъ себя.

78) Ст. 325. Къ этому упреку Горацій подаетъ поводъ нѣкоторыми своими одами. Древній его жизнеописатель, о которомъ упомянуто выше, возводитъ на Горація большія обвиненія. Но геніальный Лессингъ, (въ своей мастерски написанной статьѣ: Rettungen des Horaz) прекрасно и побѣдоносно опровергнулъ всѣ обвиненія, возводимыя на этаго великаго поэта!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСКУСТВО ПИРШЕСТВЪ.

ГОРАЦІЙ.

Катій! Откуда? Куда?

КАТІЙ. [1]

Мнѣ не время теперь!—Занимаюсь
Новымъ ученіемъ, высшимъ всего, чему ни учили
Самъ Пиоагоръ, и ученый Платонъ, и Сократъ обвиненный!

ГОРАЦІЙ.

Виноватъ, что тебѣ помѣшалъ такъ не кстатѣ, и прервалъ
Нить размышленій твоихъ; извини же меня, мой добрѣйшій!
Если и выдетъ изъ памяти что̀ у тебя, ты воротишь;
Отъ природы-ль она, отъ искуства-ль, но чудная память!

КАТІЙ.

Да! я о томъ и стараюсь, чтобъ все удержать въ ней подробно!
Это претонкія вещи! И тонко предло́жены были!

ГОРАЦІЙ.

Кто же наставникъ твой былъ? Нашъ ли ри́млянинъ, иль чужеземецъ?

КАТІЙ.

Я науку тебѣ сообщу; но учителя скрою!
Слушай, и помни!... Яица, длинныя съ виду, вкуснѣе; [2]
Сокъ ихъ питательнѣй, нежели круглыхъ: у нихъ и скорлупка
Тверже; зародышь въ нихъ мужеска пола. За званымъ обѣдомъ
Ихъ подавай!—Капуста, растущая въ полѣ, вкуснѣе,
Чѣмъ подгородная: эту излишней поливкою портятъ! [3]
—Если къ тебѣ неожиданно гость вдругъ яви́тся на ужинъ,
То, чтобы курица мягче была и нѣжнѣе, живую
Надо ее окунуть въ молодое фалернское прежде! [4]
—Лучшій грибъ—луговой; а другимъ довѣрять—ненадежно! [5]
—Много здоровью способствуетъ, если имѣешь привычку
Шелковичныя ягоды ѣсть въ окончаньѣ обѣда; однакожь
Снятыя съ вѣтвей, покуда—солнце еще невысо́ко! [6]
—Съ крѣпкимъ фалернскимъ, предъ пищею, смѣшивалъ медъ Ауфидій. [7]
Нѣтъ! приличнѣй полегче питье для пустаго желудка!
Жиденькой медъ, напримѣръ, несравненно полезнѣе будетъ!
—Если животъ отягченъ, то мелкихъ раковинъ мясо,
Или щавель полевой, облегчатъ и свободно и скоро,

Только бы бѣлое косское было притомъ не забыто! [8]
—Черепокожныя по́лны, когда луна прибываетъ. [9]
Но не всѣ же моря изобилуютъ лучшимъ ихъ родомъ!
Такъ и улитки лукринскія лучше, чѣмъ въ Байскомъ заливѣ
Даже сама червленица; [10] цирцейскія—устрицы въ славѣ;
Ежъ водяной—изъ Мизены; а гребень морской—изъ Тарента!
Но искуствомъ пировъ—не всякой гордися, покуда
Въ точности самъ не изучитъ всѣ тонкія правила вкуса!
Мало того, чтобъ скупить дорогою цѣною всю рыбу,
Если не знаешь, къ которой подливка идетъ, а которой
Жареной быть, чтобъ наѣвшійся гость—приподнялся на локоть! [11]
Кто не охотникъ до легкаго мяса, поставь погрузнѣе
Блюдо съ умбрійскимъ кабáномъ, питавшимся жолудемъ дуба;
Но лаврентійскій негоденъ: онъ ѣстъ камыши и поросты! [12]
Гдѣ виноградникъ растетъ, тамъ дикіе козы невкусны.
Плечи чреватой зайчихи—знатокъ особенно любитъ! [13]
Рыбы и птицы, по вкусу, и возрастъ узнать, и откуда,
Прежде никто не умѣлъ: я первый открытіе сдѣлалъ!
Многіе новый пирогъ изобрѣсть почитаютъ за важность!
Нѣтъ! недовольно *въ одномъ* показать и искуство, и знанье:
Такъ иной о хорошемъ винѣ прилагаетъ заботу;
Не заботясь о рыбѣ, какимъ поливается масломъ!
Если массикское выставить на́-ночь подъ чистое небо,
Воздухъ прохладный очиститъ его и послѣднюю мутность,
Вовсе отнявши и запахъ, для нервъ непріятный и вредный;
Если жь цѣдить сквозь холстину его, то весь вкусъ потеряетъ!
Кто суррентинскимъ виномъ наливаетъ фалернскія дрожди, [14]
Сто́итъ въ него лишь яйцо голубиное выпустить: вскорѣ

Всю постороннюю мутность оттянетъ на дно непремѣнно!
Позывъ къ питью чтобы вновь возбудить въ утомившемся гостѣ,
Жареныхъ раковъ подай, предложи африканскихъ улитокъ;
Ибо въ желудкѣ, послѣ вина, латукъ безполезно
Плаваетъ сверху: тутъ лучше еще ветчина съ колбасами,
Все, что съ душкомъ, или что отзывается прямо харчевней! [15]
Нужно однако знать въ точности свойство двухъ разныхъ подливокъ.
Есть простая: она состоитъ изъ чистаго масла
Съ чистымъ виномъ и разсоломъ изъ капера-рыбы,
Только, чтобъ онъ, разумѣется, былъ не иной, византійскій!
Если же въ ней поварить, искрошивши, душистыя травы,
Настоять на кориккомъ шафранѣ, [16] а послѣ подбавить
Венафранскаго масла: то вотъ и другая готова!
Тибуртинскія яблоки много въ пріятности вкуса
Уступаютъ пиценскимъ, хоть съ виду и кажутся лучше!
Венукульской изюмъ бережется въ горшечкахъ; [17] но альбской
Лучше въ дыму засушенный!—Я первый придумалъ
Яблоки съ нимъ подавать, и анчоусы въ чистенькихъ блюдцахъ
Ставить кругомъ, подъ бѣлымъ перцомъ и сѣрою солью! [18]
Но большая ошибка—три тысячи бросивъ сестерцій,
Втискать въ тѣсное блюдо, къ простору привыкшую, рыбу!
Неопрятность родитъ отвращенье къ ѣдѣ; непріятно,
Если слѣдъ масленныхъ пальцевъ слуги на бокалѣ замѣтенъ,
Или насохло на днѣ и замѣтно, что чаша не мыта!
Дорого-ль стóитъ—метелка, салфетка, или опилки? [19]
Просто бездѣлка!—А нерадѣнье—безчестье большое!
Полъ разноцвѣтный изъ камней; а грязною пальмой запачканъ! [20]
Лóжа подъ пурпуромъ тирскимъ: глядишь, а подушки—нечисты!

Ты не забудь: чѣмъ меньше что стоитъ труда и издержекъ,
Тѣмъ справедливѣй осудятъ тебя; не такъ, какъ въ предметахъ
Только приличныхъ однимъ богачамъ и имъ лишь доступныхъ!

ГОРАЦІЙ.

Катій ученый! прошу, заклиная богами и дружбой!
Гдѣ бы наставникъ твой ни-былъ, дай самого̀ мнѣ послушать!
Ибо, какъ память твоя ни вѣрна, согласися однако,
Все вѣдь ты передалъ мнѣ—ученье чужое!—Прибавь же
Видъ, выраженье лица: о блаженный! ты видѣлъ все это!
Ты объ этомъ не думаешь!—Я же, напротивъ, пылаю
Сильнымъ желаньемъ увидѣть безвѣстный науки источникъ,
Самъ почерпнуть изъ него ученье блаженныя жизни!

7 Февр. 1853.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 4.

—

1) Это Catius Insuber, о которомъ упоминается у Цицерона и Квинтиліана. Онъ написалъ многія сочиненія о философіи; какъ-то: четыре книги *о натурѣ вещей* и книгу *о высочайшемъ благѣ*. Тѣмъ забавнѣе философъ, разсуждающій о кухнѣ. Недаромъ Цицеронъ писалъ къ *Кассію*, оставившему стопковъ для школы эпикуровой: Ubi igitur, inquies, philosphia?—Tua quidem in culina.—«Гдѣ же, скажешь ты, философія?—Твоя, конечно, въ кухнѣ.»

Въ предыдущей сатирѣ Горацій насмѣхался надъ стопками; въ этой онъ издѣвается надъ эпикурейцами, то есть: надъ *софистами* этой школы: ибо утверждаютъ, что Эпикуръ подъ словомъ наслажденіе разумѣлъ высшее довольство души, упражняющейся въ добродѣтели. Покрайней мѣрѣ послѣдователи Эпикура называли этихъ проповѣдниковъ обжорства *софистами*. Катій былъ между ними изъ первыхъ.

2) Ст. 13. Катій начинаетъ попорядку съ яицъ, потому что столъ римлянъ начинался яицами.

3) Ст. 16. Тоже говоритъ Плиній (кн. 19 гл. 8). Humor fimusque si defuere, major saporis gratis est. Si abundavere, laetior fertilitas. «Капуста бываетъ вкуснѣе, если подъ нее мало кладутъ навозу, и мало ее поливаютъ; но если больше, то она лучше растетъ.»

4) Ст. 19. Здѣсь употреблено Горацiемъ слово mersare, которое значитъ только *окунуть*, но римляне, чтобы птица была мягче и нѣжнѣе, полагали нужнымъ не только окунуть ее въ вино, а живую *утопить*, *задушить* ее, suffocare.

При словѣ *фалернское*, надобно еще замѣтить, что у Горація употреблено слово mustus, что значитъ не только *новое* вино, но мутное, неперебродившееся. Римляне умѣли долго сохранять его въ этомъ видѣ.

5) Ст. 20. Вообще замѣчаютъ комментаторы, что это невѣрно; что и въ Италіи, какъ и вездѣ, лучшіе грибы лѣсные. И у насъ тоже.

6) Ст. 23. Здѣсь также замѣчаютъ невѣрность правилъ Катія. Такъ какъ древніе имѣли одинъ столъ, вечерній, то тѣ, которые не могли голодать до вечера, ѣли утромъ хлѣбъ, или виноградъ, фиги и шелковичныя ягоды. Это называлось у римлянъ: prandium, gustus, gustarium. Галіенъ говоритъ о шелковичныхъ ягодахъ, что онѣ нетолько неполезны послѣ другаго кушанья; но что напротивъ онѣ скоро портятся въ желудкѣ.

7) Ст. 24. Marcus Aufidius *Lurco*. (Не тотъ Aufidius *Luscus*, о которомъ упоминается кн. 1 въ сат. 5). Онъ любилъ хорошій столъ, и извѣстенъ былъ тѣмъ, что откормилъ 688 павлиновъ и получилъ за нихъ большую сумму.

Чтобы понять это мѣсто, нужно знать, что тѣ, которые ничего не ѣли въ продолженіе дня, начинали свой вечерній обѣдъ съ питья, которое называлось mulsus, или promulsis. Это было вино смѣшанное съ медомъ. Кто заботился о своемъ здоровьѣ, тотъ употреблялъ для этаго крѣпкія вины, которыя, какъ говорятъ Плиній и Діоскоридъ, не дуютъ живота и лучше другихъ соединяются съ медомъ; но лакомки, каковъ Катій, находили это слишкомъ крѣпкимъ.

8) Ст. 29. Катонъ прибавляетъ къ этому капусту и свеклу. Островъ *Косъ*, одинъ изъ острововъ спорадскихъ, находится на Средиземномъ морѣ; нынѣ называется онъ Lango, или Stranchio. На немъ родились Апеллесъ и Гиппократъ.

9) Ст. 30. Это было общее мнѣніе древнихъ, что устрицы и раки полнѣе во время прибыванія луны, чѣмъ во время ея убыли; они думали даже, что кости въ это время полнѣе мозгомъ. Опытъ доказалъ, что это заблужденіе и предразсудокъ.

10) Ст. 33. Устрицы изъ Лукринскаго озера почитались лучшими. Горацій упоминаетъ объ нихъ же, какъ о лучшихъ, кн. 5 въ одѣ 2. Non me Lucrina juvenit conchylia. Извѣстно по исторіи, что Сервій Ората построилъ великолѣпныя палаты при этомъ озерѣ, для того только, чтобы ѣсть самыя свѣжія устрицы.

11) Ст. 39. Римляне этаго времени ѣли, лежа и опираясь на лѣвый локоть, что называли они: accubare, accumbere, discumbere. Когда начинали ѣсть, они приподнимались на локтѣ; когда переставали, клали на него голову. Посему это выраженіе Горація: «приподняться на локоть,» значитъ здѣсь: «захотѣть опять ѣсть.» Одни женщины у нихъ, изъ благопристойности, ѣли сидя. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ первыя времена Рима, всѣ, и мужчины и женщины, ѣли сидя, такъ какъ и греки во времена Гомера.

12) Ст. 42. Прежде открытія, сдѣланнаго этимъ новымъ философомъ, говоритъ Дасье, предпочитали кабановъ, вскормленныхъ въ мѣстахъ болотистыхъ; ибо кабаны любятъ болота. Объ этомъ говоритъ Варронъ кн. 2 гл. 6.

13) Ст. 44. Здѣсь словомъ *знатокъ* я перевелъ sapiens. Какъ же иначе въ этомъ случаѣ? Одинъ комментаторъ говоритъ, что здѣсь вмѣсто armi, «плеча,» должно разумѣть lumbi, «спину;» но другое мѣсто Горація опровергаетъ эту догадку. Сат. 8 этой же 2 кн. ст. 89. упоминается именно, что плеча зайца вкуснѣе спинки.

14) Ст. 51—55. Что здѣсь сказано о массикскомъ винѣ, Плиній совѣтуетъ это вообще о всѣхъ винахъ Кампаніи. Суррентинское обыкновенно вливали въ бочку изъ подъ фалернскаго, и нарочно оставляли въ ней прежнія дрожжи. Суррентинское вино имѣло вяжущій вкусъ: этимъ средствомъ его смягчали.

15) Ст. 62. Обѣдъ оканчивали всегда латукомъ, полагая, что онъ, по своему прохлаждающему свойству, прогоняетъ винные пары; но Катій, какъ обжора, требуетъ напротивъ яствъ, возбуждающихъ жажду.

16) Ст. 68. Corycus—гора въ Цилиціи, странѣ малой Азіи, простиравшейся отъ запада къ востоку, вдоль Средиземнаго моря, противъ острова Кипра. Нынѣ сія страна называется Караманіею. На этой горѣ росло много шафрана, отъ котораго она получила и имя; ибо сирское слово coream значитъ тоже, что crocus, шафранъ.

17) Ст. 72. Откуда происходитъ это названіе, неизвѣстно. Дасье полагаетъ, что римляне называли этотъ виноградъ venucula, или venuscula, или по красотѣ его, или потому что онъ былъ изъ лозъ чужеземныхъ.

18) Ст. 75. Это мѣсто понять трудно, тутъ встрѣчается слово alec, которое переводится *анчоусъ*; но другое faex значитъ *дрожди*. Полагаютъ, что это нѣкоторый родъ соли изъ анчоусовъ.

19) Ст. 81. Опилками посыпали полъ для того, чтобы они вбирали въ себя пролитое вино, или воду. По окончаніи обѣда ихъ тотчасъ выметали. Вотъ, въ доказательство, одно мѣсто изъ Сенеки, гдѣ онъ говоритъ о преторѣ Фламиніи, который по прозьбѣ одной прелестницы велѣлъ во время пира отрубить голову одному преступнику: Inter purgamenta et jactus caenantium, et sparsam in convivio scobem humanus sanguis everritur: «вмѣстѣ со всѣмъ, что падаетъ со стола, и съ опилками, которыми покрытъ полъ, выметаютъ и кровь человѣческую.»

20) Ст. 83. Вѣники для половъ дѣлались изъ пальмовыхъ вѣтвей, почему у Горація и названы они здѣсь palma.

САТИРА ПЯТАЯ.

ИСКАТЕЛИ НАСЛѢДСТВЪ.

УЛИССЪ.

Вотъ что еще попрошу я тебя мнѣ повѣдать, Тирезій! [1]
Какъ бы, какимъ бы мнѣ средствомъ, поправить растрату имѣнья?
Чтожь ты смѣешься?....

ТИРЕЗІЙ.

Лукавецъ! А развѣ тебѣ недовольно
Возвратиться въ Итаку свою, и отчизны пенатовъ
Вновь увидать?...

УЛИССЪ.

Никого ты еще не обманывалъ ложью!
Видишь, что нагъ я и нищь возвращаюсь, какъ ты предсказалъ мнѣ!
Ни запаса въ моихъ кладовыхъ, ни скота!—Безъ богатства-жь
Добродѣтель и родъ—дешевле морскаго пороста!

ТИРЕЗІЙ.

Прочь околичности! — Если ты бѣдности вправду боишься,
Слушай какъ можешь богатство нажить! — Напримѣръ: не пришлетъ ли
Раннюю птичку тебѣ кто нибудь, или рѣдкость другую;
Ты съ ней бѣги — къ старику, накопившему много имѣнья!
Ранній плодъ сада, или домашнее, что есть получше,
Пусть онъ, почетнѣйшій ларъ, и отвѣдаетъ прежде, чѣмъ лары! [2]
Будь онъ хоть клятвопреступникъ, будь низкаго рода, обрызганъ
Кровію братней, изъ бѣглыхъ рабовъ; но если захочетъ
Чтобъ ты шелъ въ провожатыхъ его — не смѣй отказаться! [3]

УЛИССЪ.

Какъ! чтобы съ Дамой позорнымъ бокъ-о-бокъ я шелъ? [4] — Я подъ Троей
Былъ не таковъ: тамъ я съ лучшими въ пе́рвенствѣ спорилъ!

ТИРЕЗІЙ.

Ну, такъ будь бѣденъ!

УЛИССЪ.

Все можетъ снести великое сердце!
И не то я сносилъ! — Но ты продолжай. — Гдѣ я могъ бы
Золота кучу достать, гдѣ богатство? — Скажи, прорицатель!

ТИРЕЗІЙ.

Что я сказалъ, то скажу и опять! — Лови завѣщанья!
Обирай стариковъ! — А если иной и сорвется
Съ уды, какъ хитрая рыбка, приманку скусивъ рыболова,

Ты надежды впередъ не теряй, и снова готовься на промыслъ!
Ежели спорное дѣло между двоихъ заведется,
Важно ли, нѣтъ ли, кто изъ соперниковъ силенъ богатствомъ;
Ты и въ ходатаи!—Нужды нѣтъ, если онъ нагло и дерзко
Честнаго тянетъ къ суду!—Будь отвѣтчикъ хоть лучшій изъ гра́жданъ,
Но—есть сынъ у него, да жена—за него не вступайся!
«Публій почтенный!» скажи или «Квинтусъ!»—(за тѣмъ, что прозванья—
Знатности признакъ—пріятны ушамъ!) [5] — меня привязало
Уваженье къ тебѣ; а дѣла и права́ мнѣ знакомы!
«Лучше пусть вырвутъ глаза мнѣ, чѣмъ допущу, чтобъ соперникъ
Хоть скорлупкой орѣха обидѣлъ тебя!—Будь покоенъ!
Ты не будешь въ потерѣ; не дамъ надъ тобой поругаться!»
Послѣ—проси, чтобы шелъ онъ домой и берегъ бы здоровье!
Самъ—хлопочи, *хоть бы рдѣющій песъ раскалывалъ злобно*
Статуи—вовсе невинныя; или, съ разпученнымъ брюхомъ,
Фурій *плевалъ бы сѣрою сѣдымъ на высокія Альпы*! [6]
«Посмотри-ка!» тутъ скажетъ иной, толкнувши сосѣда:
«Вотъ трудолюбецъ! вотъ другъ-то! вотъ прямо заботливъ!»
Съ этимъ огромныя рыбы сами собой повалятся
Въ сѣти твои; а изъ нихъ и въ садокъ!—Но ежели дряхлый
Въ домѣ богатомъ есть сынъ—чтобъ отвлечь подозрѣнье
Холостыхъ богачей—угождай и поползай, въ надеждѣ
Быть хоть вторымъ въ завѣщаньѣ, на случай, ежели мальчикъ
Рано отправится къ Орку!—Тутъ рѣдко случится дать промахъ!
Если кто проситъ тебя прочитать его завѣщанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни; но сторонкой
Самъ потихоньку взгляни между тѣмъ: что̀ на первой табличкѣ
Въ пунктѣ второмъ; [7] и одинъ ли назначенъ наслѣдникомъ, или

Многіе вмѣстѣ: все это быстрѣй пробѣги ты глазами!
Иногда вѣдь дѣлецъ, излагавшій послѣднюю волю,
Такъ проведетъ, какъ ворону лиса!—А послѣ Коранусъ
И начнетъ хохотать надъ ловцемъ завѣщаній, Назикой!

УЛИССЪ.

Въ изступленьи пророческомъ ты, или шутишь въ загадкахъ?

ТИРЕЗІЙ.

О Лаертидъ! что сказалъ я, то все неминуемо будетъ!
Даръ провѣщанья мнѣ данъ самимъ Аполлономъ великимъ!

УЛИССЪ.

Ежели можно, однако—скажи мнѣ: что это за басня?

ТИРЕЗІЙ.

Нѣкогда юный герой, страхъ пареянъ, отъ Энеева рода, [8]
Славой наполнитъ своею и землю и море!—Въ то время [9]
Дочь за Кора́нуса выдастъ въ замужство Назика, изъ страха
Чтобы Кора́нусъ богачь съ него не потребовалъ долгу!
Вотъ же что сдѣлаетъ зять. Онъ тестю подастъ завѣщанье
Съ прозьбой—его прочитать!—Назика противиться будетъ;
Но возметъ наконецъ и прочтетъ про-себя, и увидитъ,
Что ему завѣщаютъ одно: о покойникѣ плакать!
Вотъ еще мой совѣтъ: когда старикомъ управляютъ
Или хитрая женщина, или отпущенникъ; нужно

Быть за одно; ты хвали ихъ ему, чтобъ тебя расхвалили!
Помогаетъ и то! Но вѣрнѣй овладѣть головою,
То есть самимъ старикомъ!—Не пишетъ ли онъ сумастедшій
Глупыхъ стиховъ?—Ты хвали!—Не шалунъ ли? не любитъ ли женщинъ..[10]
Но послушай, что въ Ѳивахъ случилось.—Старушка лукаво
Завѣщала, чтобъ тѣло ея, умащенное масломъ,
Самъ наслѣдникъ на голыхъ плечахъ отнесъ на кладбище!
Ускользнуть отъ него и по смерти хотѣла; за то, что
Слишкомъ къ живой приступалъ онъ!—Смотри же и ты: берегися,
Чтобъ не выпустить вовсе изъ рукъ неумѣстнымъ стараньемъ!
Кто своенравенъ, ворчливъ, тому говорливость досадна!
Впрочемъ, не все же молчать!—Стой, какъ Давъ, лицедѣй всѣмъ извѣстный,
Головой наклонясь и съ робкимъ, почтительнымъ видомъ!
Но на услуги будь скоръ: подуетъ ли вѣтеръ—напомни,
Чтобы голову, столь драгоцѣнную всѣмъ, поберегъ онъ
И накрылъ чѣмъ нибудь; въ тѣснотѣ—предложи опереться,
И плечомъ подслужись; а болтливъ онъ—внимательно слушай!
Лесть ли онъ любитъ—хвали, пока онъ не скажетъ: довольно!
Дуй ему въ уши своей похвалой, какъ мѣхъ раздувальный!
Еслижь своею кончиной избавитъ тебя онъ отъ рабства,
И услышишь ты вдругъ на яву: «завѣщаю Улиссу
Четверть наслѣдства!»—воскликни тогда: «о любезный мой Дама!
И тебя уже нѣтъ!—Гдѣ такого найти человѣка?....»
Самъ зарыдай, и не худо, чтобъ слезы въ глазахъ показались:
Это полезно, чтобъ скрыть на лицѣ невольную радость!
Памятникъ сдѣлай богатый, и пышно устрой погребенье,
Такъ, чтобы долго дивились и долго хвалили сосѣди!
Еслиже твой сонаслѣдникъ старикъ, и въ одышкѣ, и въ кашлѣ,

100. Ты предложи неугодно ли взять, или домъ, иль другое
Лучшее въ части твоей, за какую назначитъ онъ цѣну;
Увѣряй, что готовъ уступить!... Но меня увлекаетъ
Грозною властью своей Прозерпина!... Живи... и будь счáстливъ!

16 Генв. 1850.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 5.

1) Ст. 1. При этой сатирѣ слѣдуетъ вспомнить Гомерову Одиссею. пѣснь 11 ст. 90 – 151. Тамъ Одиссей, вызвавшій тѣнь прорицателя Тирезія, вопрошаетъ его о будущей судьбѣ своей. Эта сатира представляетъ тоже, но какъ бы въ пародіи на разсказъ Гомера: здѣсь Одиссей спрашиваетъ Тирезія, какимъ бы средствомъ разжиться послѣ разоренія. Она начинается продолженіемъ начатаго прежде разговора, но не того, который описанъ у Гомера; ибо здѣсь, въ стихѣ 7 говорится, что прежнее предвѣщаніе Терезія уже исполнилось.

2) Ст. 14. Ларамъ, или домашнимъ богамъ, приносились обыкновенно первые плоды всего, что производилось на землѣ принадлежащаго къ домашнему хозяйству.

3) Ст. 17. Здѣсь, словомъ *провожатые* я перевелъ латинское слово comites, которое въ другой сатирѣ я выразилъ словомъ: *свита*. Для объясненія этаго см. кн. 2 сат. 3 примѣч. 3 къ стиху 12.

4) Ст 18. *Дама*– было, какъ замѣчено прежде, имя рабовъ; и потому, кажется, оно поставлено здѣсь какъ общее имя человѣка низкаго рода и низкихъ свойствъ. Впрочемъ можетъ быть Горацій имѣлъ въ виду и извѣстное лице этаго имени. Хотя страхъ бѣдности и перевѣшиваетъ въ Одиссеѣ все другое; однако все-таки было бы несообразно съ его характеромъ, еслибы онъ согласился, безъ всякаго противорѣчія, играть столь презрительную роль, какую ему предлагаетъ Тирезій.

5) Ст. 33. Рабы и люди изъ простаго народа у римлянъ не имѣли *предъ-имена* (praenomen), или покрайней мѣрѣ никогда имъ непазывались. И потому, если какой нибудь искатель наслѣдства называетъ какого нибудь *Даму*—Квинтомъ, или Публіемъ: то этимъ самымъ онъ какъ-бы причисляетъ его къ знатнымъ; ибо Публій и Квинтусъ были изъ числа тѣхъ именъ, которые принадлежали въ Римѣ людямъ зна-

боднаго происхожденія и знаменитаго рода. Впрочемъ во времена Императоровъ, имена самыхъ знаменитыхъ фамилій давались уже произвольно и нисколько не свидѣтельствовали о родѣ. Даже въ послѣднія времена республики, рабы, вмѣстѣ съ свободою, принимали имена своихъ господъ; а иностранецъ, получившій гражданство, обыкновенно украшалъ себя именемъ своего патрона. Есть даже мнѣніе, что и имя *Флакка* не принялъ ли отецъ Горація по имени своего господина, которымъ онъ былъ отпущенъ на волю. Знаменитое имя Корнелія сдѣлалось столь обыкновеннымъ, что его приняли вдругъ десять тысячъ рабовъ, отпущенныхъ на волю диктаторомъ Силлою.

6) Ст. 41. *Рдѣющій песъ* — есть созвѣздіе пса, или canicula.

Оба эти фигурныя выраженія, которыя употребляетъ Тирезій вмѣсто простыхъ словъ *жара* и *холода*, и взяты Горапіемъ изъ поэмы *Марка Фурія Бибакула*, который въ то время былъ въ нѣкоторой славѣ. Квинтиліанъ упоминаетъ о немъ съ нѣкоторымъ отличіемъ; но въ другомъ мѣстѣ, не называя его, приводитъ слѣдующій стихъ:

Iupiter hibernas cana nive *conspuit* Alpes.
Зимнимъ снѣгомъ сѣдымъ *плюетъ* Юпитеръ на Альпы.

Этотъ-то стихъ пародируетъ здѣсь Горацій, замѣнивъ имя Юпитера именемъ самого стихотворца Фурія. О немъ же см. кн. 1 сат. 10 ст. 37 примѣч. 18.

7) Ст. 53. Римляне писали завѣщанія на двухъ привязанныхъ одна къ другой навосченныхъ табличкахъ, которыя по этому назывались diptychas. У Горація prima cera называется первая табличка, на которой въ первомъ пунктѣ (versu) именовался завѣщатель, а во второмъ наслѣдникъ.

8) Ст. 62. Это относится къ Августу.

9) Ст. 63. Для разсказа этаго современнаго случая поэтъ не могъ выбрать лучшаго и остроумнѣйшаго оборота, какъ заставить Тирезія пророчествовать объ этомъ, какъ о будущемъ произшествіи. Похвала же Цезарю Августу, вложенная въ уста Тирезія, какъ прорицаніе, пріобрѣтаетъ черезъ это особенную важность и грацію: ибо душа Тирезія не имѣетъ никакой причины льстить молодому римлянину, который, болѣе нежели черезъ тысячу лѣтъ послѣ него долженъ былъ родиться. Кромѣ того прорицатель упоминаетъ здѣсь о Цезарѣ какъ будто только для того, чтобы опредѣлить время, когда это произшествіе *Корана* и *Назики* должно случиться. Онъ не упоминаетъ даже его имени; ибо это было бы противно характеру прорицанія.

10) Ст. 75. Здѣсь пропущено въ переводѣ девять стиховъ, по той же причинѣ, по какой и въ другихъ мѣстахъ сдѣланы пропуски.

САТИРА ШЕСТАЯ.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Вотъ въ чемъ желанія были мои: необширное поле,
Садикъ, отъ дома вблизи непрерывно текущій источникъ,
Къ этому лѣсъ небольшой!—И лучше и больше послали
Боги безсмертные мнѣ; не тревожу ихъ прозьбою болѣ,
Кромѣ того, чтобъ всѣ эти дары мнѣ они сохранили! [1]
Если достатокъ мой я не умножилъ постыдной корыстью,
Если его не умалилъ небрежностью, иль безпорядкомъ,
Если я дерзкой мольбы не взношу къ небесамъ, какъ другіе:
«О! хоть бы этотъ еще уголокъ мнѣ прибавить къ владѣнью!
«Хоть бы урну найти съ серебромъ, какъ наемникъ, который,
«Взысканъ Алкидомъ, купилъ и себѣ обработывать началъ
«Поле, которое прежде —онъ же пахалъ на другова;» [2]
Если доволенъ, признателенъ я; и за то, что имѣю:
То молю, о сынъ Маіи, я объ одномъ—угучняй ты
Эти стада, и храни все мое покровительствомъ прежнимъ; [3]

Только ума моего не прошу утучнять, покровитель!

Скрывшись изъ шумнаго города въ горы мои, какъ въ твердыню,
Чуждый заботъ честолюбья, отъ вѣтровъ осеннихъ укрытый,
Страшную жатву всегда приносящихъ тебѣ, Либитина, [4]
Что мнѣ здѣсь дѣлать, когда не бесѣдовать съ пѣшею музой? [5]

Ранняго утра отецъ! или, (если пріятнѣй другое
Имя тебѣ), о богъ Янусъ, которымъ всѣ человѣки
Жизни труды начинаютъ, какъ боги имъ повелѣли! [6]
Будь ты началомъ и этихъ стиховъ!—Живущаго въ Римѣ,
Рано тамъ ты меня изъ дому для дѣлъ вызываешь!
«Нужно, ты мнѣ говоришь, поручиться по другѣ; ты долженъ
Дѣломъ чести спѣшить; не ужели другому уступишь?»
Сѣверный вѣтеръ, зима, день короткой—нѣтъ нужды; иду я
Голосомъ яснымъ ручательство дать—себѣ въ разоренье!
Продираясь назадъ чрезъ толпу, я слышу: «куда ты?
Что, какъ безумный, толкаешься?—Ждетъ Меценатъ?—Не къ нему ли?»
—Этотъ упрекъ, признаюся, мнѣ сладокъ, какъ медъ!—Но лишь только
До эсквильской дойдешь высоты, какъ вспомнишь, что сотня
Дѣлъ на плечахъ!—Тамъ Росціи проспалъ побывать въ путеалѣ [7]
Завтра поутру; а нынче есть общее новое дѣло;
Скрибы велѣли напомнить: «Квинтъ! не забудь; приходи же!» [8]
Тутъ кто нибудь подойдетъ: «постарайся, чтобъ къ этой бумагѣ
Меценатъ твой печать приложилъ!»—На отвѣтъ: «постараюсь!»
Мнѣ возражаютъ: «тебѣ не откажетъ! захочешь, такъ можешь!»

Скоро вотъ будетъ осьмой уже годъ, [9] какъ я къ Меценату
Сталъ приближенъ, какъ въ числѣ онъ своихъ и меня почитаетъ!
Близость же эта вся въ томъ, что однажды съ собой въ колесницѣ
Бралъ онъ въ дорогу меня; а довѣренность въ самыхъ бездѣлкахъ!

Спроситъ: «который часъ дня?» — или: «кто́ изъ борцовъ превосходнѣй?» [10]

Или замѣтитъ, что холодно утро, и надо беречься;
Или другое, что можно довѣрить и всякому уху!
Но завистниковъ день ото дня наживаю я болѣ,
Съ часу на часъ!—Покажуся ли я съ Меценатомъ въ театрѣ,
Или на Марсовомъ полѣ—всѣ въ голосъ: «любимецъ фортуны!»
Чуть разнесутся въ народѣ какіе тревожные слухи,
Всякой, кого я ни встрѣчу, ко мнѣ приступаетъ съ вопросомъ:
«Разскажи намъ; (тебѣ безсомнѣнія все ужь извѣстно!
Ты вѣдь близокъ къ богамъ!)—не слыхалъ ли чего ты о Дакахъ?»
—Я? ничего!—«Да полно шутить!»—Клянусь, что ни слова!
«Ну, а тѣ земли, которыя воинамъ дать обѣщали,
Гдѣ ихъ, въ Сициліи, или въ Италіи Цезарь назначилъ?»
Ежели я поклянусь, что не знаю,—дивятся, и всякой
Скрытнымъ меня человѣкомъ съ этой минуты считаетъ!

Такъ я теряю мой день, и нерѣдко пото́мъ восклицаю:
«О! когдажь я увижу поля?—И дозволитъ ли жребій
Мнѣ, то въ писаніяхъ древнихъ, то въ сладкой дре́мотѣ и въ лѣни,
Вновь наслаждаться забвеніемъ жизни пустой и тревожной!
О! когдажь на столѣ у меня опять появя́тся
Бобъ, Пиоагору родной, и съ приправою жирною зелень! [11]
О! пиръ достойный боговъ, когда вечеряю съ друзьями
Я подъ кровомъ домашнимъ моимъ, и трапезы остатки
Весело сносятъ рабы и пото́мъ межь собою пируютъ!
Каждый гость кубокъ беретъ по себѣ, кто большой, кто поменьше;
Каждый, чуждаясь законовъ пустыхъ, [12] кто вдру́гъ вышиваетъ
Чашу до дна, кто пьетъ съ разстановкою, мало по малу!
Нашъ разговора предметъ—не дома́, и не зе́мли чужія;

Нашъ разговоръ не о томъ — хорошо ли и ловко ли пляшетъ
Лѣпосъ: но то, что нужнѣе, что вредно не знать человѣку!
Судимъ: богатство ли дѣлаетъ счáстливымъ, иль добродѣтель;
Выгоды, или наклонности, къ дружбѣ вѣрнѣе приводятъ;
Или: въ чемъ свойство добра, и въ чемъ высочайшее благо?
Первій межь тѣмъ, нашъ сосѣдъ, побасенку разскажетъ намъ кстати!
Если богатство Ареллія кто, напримѣръ, превозноситъ, [13]
Не слыхавъ о заботахъ его; онъ такъ начинаетъ:
«Мышь деревенская разъ городскую къ себѣ пригласила,
Въ бѣдную нору: онѣ старинными были друзьями!
Какъ ни умѣренна; но угощенья она не жалѣла!
Чѣмъ богата, тѣмъ рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухаго гороху, овса; притащила въ зубахъ ей
Даже изюму, и сала обглоданный прежде кусочикъ,
Думая въ гостьѣ хоть разностью яствъ побѣдить отвращенье!
Гостья же, съ гордостью, чуть прикасалась къ кушанью зубомъ,
Между тѣмъ, какъ хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломѣ, лишь куколь съ мякиной жевала.
Вотъ наконецъ горожанка такъ рѣчь начала: «что за радость
«Жить, какъ живешь ты, подруга, въ лѣсу, на горѣ, одиноко!
«Если ты къ людямъ и въ городъ желаешь изъ дикаго лѣса,
«Можешь пуститься со мною туда! — Все, что жизнію дышетъ,
«Смерти подвластно на нашей землѣ; и великій и малый
«Смерти никто не уйдетъ: для того-то, моя дорогая,
«Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,
«Помня, что кратокъ нашъ вѣкъ!» [14] — Деревенская мышь, убѣжденья
Дружбы послушавшись, прыгъ — и тотчáсъ изъ норы побѣжала!
Обѣ направили къ городу путь, поспѣшая, чтобъ къ ночи

Въ стѣну пролѣзть. Ночь была въ половинѣ, когда двѣ подруги
Прибыли къ пышнымъ палатамъ; вошли: тамъ пурпуръ блестящій
Пышнымъ же ложамъ изъ кости слоновой служилъ драгоцѣннымъ
Мягкимъ покровомъ; а тамъ въ дорогой и блестящей посудѣ
Были остатки вчерашняго великолѣпнаго пира!
Вотъ горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе, и быстро
Побѣжала ее угощать, какъ прилично хозяйкѣ!
Яства за яствами ей подаетъ, какъ привычный служитель,
Не забывая отвѣдать притомъ отъ каждаго блюда.
Та же, разлегшись покойно, такъ рада судьбы перемѣнѣ,
Такъ весела на пиру!—Но вдругъ хлопнули дверью—и съ ложа
Бросились обѣ въ испугѣ бѣжать, и хозяйка и гостья!
Бѣгаютъ въ страхѣ кругомъ по затво́ренной залѣ; но пуще
Страхъ на полмертвыхъ напалъ, какъ услышали громкое въ залѣ
Лаянье псовъ!—«Жизнь такая ничуть не по мнѣ!» тутъ сказала
Деревенская мышь: «наслаждайся одна; а я снова
«На́-гору, въ лѣсъ мой уйду—преспокойно глодать чечевицу!»

20 Февр. 1850.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТ. 6.

—

1) Ст. 5. Начало этой сатиры перевелъ ямбами незабвенный въ лѣтописяхъ добра и просвѣщенія, Михайла Никитичь Муравьевъ. Вотъ переводъ его:

Хотѣлось мнѣ имѣть землицы уголокъ,
И садикъ, и вблизи прозрачный ручеекъ,
Лѣсочикъ сверхъ того: и лучше мнѣ, и болѣ
Послали небеса. Мнѣ хорошо въ сей долѣ!
И больше ни очемъ не докучаю имъ,
Какъ только, чтобъ сей даръ оставили моимъ!

2) Ст. 12. Геркулесъ почитался имѣющимъ власть надъ всѣми сокровищами. Полагали, что онъ благопріятствовалъ находкамъ и нечаянной прибыли, какъ Меркурій прибыли отъ работы и промышленности.

3) Ст. 15. Горацій приписываетъ многіе счастливые случаи своей жизни покровительству Меркурія; какъ-то: онъ спасъ его въ сраженіи при Филиппахъ; онъ предохранилъ его отъ упавшаго дерева; онъ избавилъ его, въ бурю, отъ потопленія; онъ послалъ къ нему голубей, которые прикрыли его листьями, когда онъ заснулъ на горѣ, будучи еще младенцемъ.

4) Ст. 19. *Либитина*—одно изъ применованій Венеры, подъ которымъ почиталась она, какъ богиня погребеній, присутствующая при похоронахъ. Въ Римѣ былъ посвященный ей храмъ, въ которомъ находилось все нужное для погребеній. Для сего относились къ *либитинаріямъ*, учредителямъ похоронъ. Въ томъ же храмѣ держали списокъ всѣмъ умершимъ и съ каждаго получалась серебреная монета. Доходы богини, или, правильнѣе сказать, ея храмовъ, само собою разумѣется, умножались

во время бо́льшей смертности. У грековъ была Венера *Эпитимвія*, тоже, что *Либитина* у римлянъ. Иные полагаютъ, что Либитина была одно съ Прозерпиной.

5) Ст. 20. Горацій называетъ *пѣшею музой*, musa pedestris, музу сатиры, въ противоположность съ летающею, парящею, крылатою музой; ибо, по его словамъ, сатира только мѣрною рѣчью отличается отъ прозы.

6) Ст. 23. *Янусъ* — божество неизвѣстное грекамъ, которое было въ особенной чести у римлянъ. Несовсѣмъ ясную его ѳеологію предлагаетъ Овидій въ самомъ началѣ первой книги Фастовъ. Изъ него узнаемъ мы между прочимъ, что Янусъ былъ высшій хранитель дверей, въ небѣ и на землѣ; и что всякой входъ и выходъ вратъ небесныхъ, изъ которыхъ исходитъ день, а равно и дверей земныхъ, состоялъ подъ его покровительствомъ. Онъ былъ богъ дня и года; и потому первый часъ дня и первый день года были посвящены ему особенно. По этой же причинѣ онъ былъ началомъ всѣхъ трудовъ жизни, или трудовъ житейскихъ.

7) Ст. 34. Puteas — собственно значитъ колодезная крыша, поддерживаемая столбами, которыя ставили на мѣстахъ, пораженныхъ громомъ. Такой колодезь былъ въ Римѣ близъ судилища претора, которое Горацій, по переносному народному названію, называетъ здѣсь путеаломъ.

«Росцій просилъ побывать въ путеалѣ.» Этотъ стихъ относится къ тому, что обыкновенно старались явиться въ судъ съ нѣкоторыми advocatis, которые хотя не были дѣйствующими лицами при защитѣ процесса; но были избираемы изъ людей, имѣющихъ вліяніе, для того, чтобы ихъ присутствіемъ подкрѣпить свое дѣло, а въ случаѣ надобности и сослаться на ихъ свидѣтельство.

8) Ст. 36. Это мѣсто подтверждаетъ обстоятельство, упоминаемое древнимъ сочинителемъ жизнеописанія Горація; именно: что Горацій, послѣ несчастной битвы при Филиппахъ, купилъ себѣ должность scriba quaestorius, т. е. писарь, или секретарь казначейства. «Общее дѣло,» для котораго зовутъ его скрибы, вѣроятно относилось до цѣлаго сословія скрибовъ.

9) Ст. 40. Въ подлинникѣ: Septimus annus jam fugerit proprior octavo. Слово въ слово: «сѣдьмой годъ приближается уже къ осьмому.»

10) Ст. 44. Въ подлинникѣ находятся здѣсь имена гладіаторовъ, которые въ это время, видно, почитались въ Римѣ самыми знаменитыми. Я сократилъ это мѣсто, выпустивъ имена собственныя.

11) Ст. 64. «Бобъ, Пиѳагору родной.» Pythagore cognata. Пиѳагоръ, основатель италійской школы, принимая переселеніе душъ, запрещалъ употреблять въ пищу животныхъ; изъ растеній же запрещалъ бобы. Горацій, какъ видно, полагаетъ ту же причину, т. е. сродство всего одушевленнаго съ душею человѣка; а потому сход-

ство и бобовъ, подвергшихся запрещенію Пиѳагора на равнѣ со всѣмъ одушевленнымъ.

12) Ст. 69. Это относится къ старинному обыкновенію римлянъ, наблюдавшемуся во время пиршества: когда снимались со стола блюда и начинали пить вино, избирали Magistrum convivii, котораго законамъ пирующіе должны были слѣдовать безпрекословно.

13) Ст. 78. Кто этотъ *Аррлій*—неизвѣстно.

14) Ст. 91—97. Это философствованіе мыши насмѣшка надъ философіею эпикурейцевъ, хотя тоже ученіе проповѣдуетъ и самъ Горацій, въ нѣкоторыхъ своихъ одахъ, напр. къ Деллію, къ Левконоѣ, къ Гросфу.

САТИРА СЕДЬМАЯ.

НАСТАВЛЕНІЯ ОТЪ РАБА.

ДАВЪ.

Слушаю я ужь давно!—И хотѣлось бы слово промолвить;
Но я, рабъ твой, немножко боюсь!....

ГОРАЦІЙ.

Кто тамъ?... Давъ?..

ДАВЪ.

Давъ, вѣрнѣйшій
Твой господскій слуга, усердный, довольно и честный,
Стоющій, право, жизнь сохранить! [1]

ГОРАЦІЙ.

Хорошо! Такъ и быть ужь,
Пользуйся волей декабрской: такъ предки уставили наши! [2]
Ну, говори!.....

ДАВЪ.

Есть люди, которые, въ злѣ постоянны,
Прямо къ порочной ихъ цѣли идутъ; а другіе, колеблясь
Ме́жду зломъ и добромъ, то стремятся за добрымъ, то злое
Ихъ пересилитъ!—Вотъ Прискъ, напримѣръ: [3] то по три онъ перстня
Носитъ бывало; то явится съ голою лѣвой рукою! [4]
То ежечасно мѣняетъ свой пурпуръ; то угнѣздится
Онъ изъ роскошнаго дома въ такой, что право стыдился бъ;
Во́льноотпущенникъ, если пригожъ, изъ него показаться!
То щеголяетъ онъ въ Римѣ; то вздумаетъ лучше въ Аѳинахъ
Жить, какъ фило́софъ!—Не въ гнѣвѣ ли всѣхъ онъ Вертумновъ родился! [5]
А Волане́усъ, когда у него отъ хирагры ослабли
Пальцы, (оно и за дѣло!) нанялъ, кормилъ человѣка,
Въ кости играя, трясти и бросать за него!—Постоянство
Право и въ этомъ—все лучше: онъ меньше презрѣнъ и несча́стливъ
Нежели тотъ, кто веревку свою то натянетъ, то спуститъ!

ГОРАЦІЙ.

Скажешь ли, висѣльникъ, мнѣ: къ чему ты ведешь рѣчь такую?...

ДАВЪ.

Да къ тебѣ!

ГОРАЦІЙ.

Какъ ко мнѣ, негодяй?

ДАВЪ.

Не сердися!—Не ты ли
Нравы и счастіе предковъ хвалилъ?—А если бы это

Счастіе боги тебѣ и послали — вѣдь ты бы не принялъ!
Все отъ того, что не чувствуешь въ сердцѣ, что хвалишь устами;
Что въ добрѣ ты не твердъ; что глубóко увязъ ты въ болотѣ,
И что лѣнь, какъ ни хочется, вытащить ноги изъ тины!
Въ Римѣ тебя восхищаетъ деревня; поѣдешь въ деревню —
Римъ превозносишь до звѣздъ! — Какъ нѣтъ приглашенья на ужинъ —
Хвалишь и зелень и овощи; счастьемъ считаешь, что дома
Самъ ты себѣ господинъ — какъ будто въ гостяхъ ты въ оковахъ!
Если же на́-вечеръ звать пришлетъ Меценатъ: «подавайте
Масла душистыя! Эй! да слышитъ ли кто?» — Какъ безумный,
Ты закричишь, зашумишь, бѣготню во всемъ домѣ поднимешь!
Мульвій и всѣ прихлебатели — прочь! — Какъ тебя проклинаютъ,
Я не скажу ужъ тебѣ! — «Признаться, легонекъ желудокъ!»
Разсуждаетъ иной: «хоть бы хлѣба понюхалъ!» — Конечно
Я и лѣнивъ, и обжора! — Все такъ! — Да и самъ ты таковъ же,
Если не хуже; только что рѣчью красивой умѣешь
Всѣ недостатки свои прикрывать! — Что, если и вправду
Ты безумнѣй меня, за котораго ты же бездѣлку,
Пять сотъ драхмъ заплатилъ! [6] — Да постой! не грози, не сердися!
Руку и желчь удержи; и слушай, пока разскажу я
Все, чему надоумилъ меня приворотникъ Криспина! [7]
«Ты — говоришь — не развратенъ! [8] — А я — я не воръ! Ежедневно
Мимо посуды твоей прохожу: серебро; а не трону!
Но не страхъ ли насъ держитъ въ уздѣ! — Отними, и увидишь
Какъ природа возметъ власть свою надъ обоими нами!
Ты господинъ мой; а рабъ и вещей, и рабъ человѣковъ
Больше, чѣмъ я, потому что съ тебя и самъ преторъ ударомъ
Четырекратнымъ жезла — добровольной неволи не сниметъ! [9]

Къ этому вотъ что прибавь, что не меньше вниманія стоитъ:
Рабъ, подвластный рабу, за него исправляющій должность,
Равный ему, или нѣтъ?—Такъ и я предъ тобой! [10] — Ты мнѣ тоже
Приказанья даешь; самъ же служишь другимъ, какъ наемникъ,
Или, какъ кукла, которой другіе за провлоку движутъ!

Кто же свободенъ?—Мудрецъ, который владѣетъ собою;
Тотъ лишь, кого не страшатъ—ни бѣдность, ни смерть, ни оковы;
Тотъ, кто, противясь страстямъ, и почесть и власть презираетъ;
Кто совмѣщенъ самъ себѣ; кто какъ шаръ, и круглый и гладкій,
Внѣшнихъ не знаетъ препонъ; передъ кѣмъ—безсильна Фортуна!
Съ этимъ подобьемъ ты сходенъ ли?—Нѣтъ! Попроситъ красотка
Пять талантовъ съ тебя, да и двери съ насмѣшкой затворитъ,
И холодной водой окатитъ; а послѣ приманитъ!
Вырвись, попробуй, изъ этихъ оковъ на свободу!—Такъ что же
Ты говоришь: «я свободенъ!»—Какая же это свобода!
Нѣтъ! надъ тобой есть такой господинъ, что лишь чуть облѣнишься,
Колетъ тебя остріемъ; а отстанешь, такъ онъ погоняетъ!

Смотришь картинки ты Павзія, къ мѣсту какъ будто прикованъ! [11]
Что же, ты въ этомъ умнѣе-ль меня, какъ я загляжуся
На Рутубу и Фульвія, [12] просто написанныхъ углемъ
Съ красною краской; когда, на борьбу ихъ смотря, я любуюсь, [13]
Или дивлюся Плáцидіану, смотря, какъ колѣномъ
Онъ уперся!—Удивленіе!—Точно и вправду другъ другу,
То вдругъ ударъ нанесутъ, то отскочутъ!—Какъ будто живые!
Давъ засмотрѣлся на нихъ—ротозѣй онъ; а ты заглядишься —
Дѣло другое: ты тонкой оцѣнщикъ художества древнихъ!
Я на горячій наброшусь пирогъ—негодяй!—Добродѣтель,
Разумъ высокій тебя отъ жирныхъ пировъ удаляютъ!

Мнѣ и вреднѣе оно: я всегда поплачу́ся спиною!
Но и тебѣ не проходитъ вѣдь даромъ!—Твой пиръ безконечный
Въ желчь превратится всегда и въ разстройство желудка; а ноги
Всякой разъ отрекутся служить ослабѣвшему тѣлу!
Рабъ твой, безде́лку стянувъ, промѣняетъ на кисть винограда —
Онъ виноватъ; а кто зе́мли свои продаетъ въ угожденье
Жадному брюху, тотъ рабъ или нѣтъ?—Да прибавь, что ты дома
Ча́су не можешь пробыть самъ съ собой; а свободное время
Тратишь всегда въ пустякахъ!—Ты себя убѣгаешь, и хочешь
Скуку въ винѣ потопить, или сномъ отъ заботъ позабыться,
Какъ невольникъ какой, или съ барщины рабъ убѣжавшій!
Только напрасно! Они за тобой, и повсюду нагонятъ!

ГОРАЦІЙ.

Хоть бы камень какой мнѣ попался!

ДАВЪ.

На что?

ГОРАЦІЙ.

Хоть бы стрѣлы!

ДАВЪ.

Что это съ нимъ?—Помѣшался, или стихи сочиняетъ?...

ГОРАЦІЙ.

Вонъ!—А если сей часъ не уйдешь, то отправлю въ Сабину
Я и тебя на работу къ другимъ!—Ты ужь будешь девятый! "

14 Дек. 1849.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 7.

—

1) Ст. 4. Римляне имѣли надъ своими рабами право жизни и смерти. Изъ этихъ словъ Дава можно вывести такое заключеніе, что онъ честенъ ни больше, ни меньше, сколько нужно, чтобы не бояться смертной казни. Впрочемъ это мѣсто подало поводъ ко многимъ разногласіямъ. Нѣкоторые видятъ въ этихъ словахъ Дава намекъ на старинное народное суевѣріе, что добрые люди, не долговѣчны. Одинъ схоліастъ говоритъ: Qui nimii sunt bonis, eos vitales non esse praedicimus.

2) Ст. 5. Сатурналіи праздновались въ декабрѣ; они начинались 17 числа этаго мѣсяца и продолжались три дня. Извѣстно, что въ эти дни возобновлялось то баснословное равенство, которымъ будто бы наслаждались человѣки въ золотомъ вѣкѣ, въ царствованіе Сатурна. На эти дни власть господъ прекращалась, и рабы пользовались вольностію въ рѣчахъ и поступкахъ. Слова Горація: «пользуйся волей декабрской,» относятся къ этой свободѣ сатурналій.

3) Ст. 9. Полагаютъ, что этотъ Прискъ былъ или сенаторъ, или всадникъ; ибо только они имѣли право носить кольца. Но здѣсь очевидно говорится не о тѣхъ кольцахъ, которыя служили знакомъ отличія, а о тѣхъ, которыя надѣвались для щегольства. Это требуетъ подробнаго объясненія.

Римляне сначала имѣли только три рода колецъ: первыя служили къ различенію состояній; вторыя были кольца обручальныя, или свадебныя; третьи служили вмѣсто печати и назывались cerographi. Императоры, между прочими Неронъ, издавали по сему предмету многія узаконенія; но вскорѣ римляне перестали соблюдать ихъ. Сперва носили по одному кольцу; потомъ по одному на каждомъ пальцѣ (Mart. L. 2 ep. 60); потомъ даже по кольцу на каждомъ суставѣ пальца. Мало по малу роскошь этаго рода дошла до такой степени, что были особыя кольцы для каждой недѣли. Были также кольца зимнія и лѣтнія. Ювеналъ, въ сат. 7 ст. 89 упоминаетъ еще о кольцахъ полугодичныхъ. Лампридій говоритъ (гл. 32), что никто не доходилъ въ этомъ до такой роскоши, какъ Геліогабалъ, который никогда не надѣвалъ кольца больше одного разу.

4) Ст. 10. Кольца носили на лѣвой рукѣ. Полагаютъ, что это произошло первоначально отъ того, что носить ихъ стыдились, и потому надѣвали на пальца лѣвой руки, которую подъ тогой не такъ видно.

5) Ст. 15. Вопервыхъ, Вертумнъ, богъ садовъ, или плодовъ древесныхъ, почитался также богомъ всѣхъ перемѣнъ, измѣненій, измѣнчивости: почему непостоянство Приска Давъ и приписываетъ гнѣву этаго бога. Что же касается до выраженія: «*всѣхъ* Вертумновъ»—то въ Италіи, особенно же въ Этруріи, въ городахъ и мѣстечкахъ, было великое множество статуй Вертумна. Давъ полагаетъ, что *всѣ* эти Вертумны были въ гнѣвѣ при рожденіи Приска.

Самое слово Vertumnus почитаютъ бывшимъ въ древнемъ языкѣ римлянъ прошедшимъ причастіемъ глагола verto, vertere, вращаю, верчу, обращаю, составленнымъ какъ alumnus отъ alere, и потому, по ихъ мнѣнію, самое имя Vertumnus значитъ *измѣняющійся*. (Pauly Real-Encycl. des classisch. Alterthums).

6) Ст. 42. Давъ считаетъ греческими драхмами. По исчисленію Дасье и Сападона, 500 драхмъ составляютъ 250 франковъ: слѣдовательно на наши деньги 62 р. 50 коп. серебр. или 218 р. 75 коп. асигн.

7) Ст. 44. Философъ, о которомъ упоминается въ концѣ первой сатиры Горація. Нельзя было придумать лучшей насмѣшки надъ философомъ, какъ представить, что и его приворотникъ, наслушавшись господина, преподастъ рабамъ своего рода философію.

8) Ст. 45. Здѣсь я долженъ былъ опять пропустить 26 стиховъ подлинника. Приглашаю любопытныхъ прочитать ихъ въ оригиналѣ. Они слѣдуютъ послѣ стиха: Dum, quae Crispine docuit me janitor, edo.

9) Ст. 51. Одинъ изъ обрядовъ, соблюдавшихся въ Римѣ, при отпускѣ рабовъ на волю.

10) Ст. 54. Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что въ каждомъ домѣ былъ обыкновенно servus atriensis, дворецкой, тоже изъ рабовъ. Но вѣрнѣе объясненіе Гейнекція и Габерфельда. Они относятъ это къ тому, что сами рабы имѣли право, на собственныя деньги покупать рабовъ, которые, или исправляли за нихъ ихъ должность, или платили имъ оброкъ. Такой рабъ, исполнявшій должность за своего покупщика, назывался vicarius, т. е. *исправляющій должность*. Горацій говоритъ: «такой рабъ есть ли только vicarius, какъ вы его называете, (т. е. исправляющій должность), или conservus, т. е. *сослужитель купившаго*?»

11) Ст. 69. *Павзій*—знаменитый живописецъ, современникъ Апеллеса. Давъ называетъ его произведенія *картинками*, tabella, можетъ быть, потому, (какъ думаютъ объяснители), что здѣсь говорится о небольшихъ *энкаустическихъ*, (на воску писанныхъ), картинахъ Павзія. Онъ особенно былъ искусенъ въ изображеніи дѣтей,

цвѣтовъ, и вообще предметовъ граціозныхъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ его картинъ была—изображеніе цвѣточницы *Гликеріи* съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ въ рукахъ.

12) Ст. 71. *Рутуба*, *Фульвій* и *Плацидіанъ*—имена гладіаторовъ.

13) Ст. 72. Это относится къ вывѣскамъ, которыя начальники гладіаторовъ вывѣшивали надъ дверьми того мѣста, гдѣ должна была происходить борьба.

14) Ст. 95. Эта угроза отправить въ Сабину на полевую работу—угроза нешуточная; потому что у римлянъ рабы, занимавшіеся земледѣліемъ, работали въ оковахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: Овидій, Trist. IV. 1 ст. 5.—Плиній, кн. IV гл. 3. — Флоръ кн. III гл. 19. — Сенека, De benef. VII 10. — Луканъ, VII ст. 402. (Desobry, томъ 3 стр. 321). И такъ у чувствительнаго Горація, поэта-философа, восемь рабовъ было уже сослано работать въ оковахъ. Такова была древность въ сравненіи съ нашимъ временемъ!

САТИРА ОСЬМАЯ.

УЖИНЪ.

ГОРАЦІЙ.

Что! хорошъ ли былъ ужинъ счастливца Назидіена? [1]
Я вчера посылалъ звать тебя; но сказали, что съ полдня
Тамъ ты пируешь!— [2]

ФУНДАНІЙ.

Ужинъ чудесный былъ! Въ жизнь мою, право,
Лучше не видывалъ я! [3]

ГОРАЦІЙ.

Разскажи же мнѣ, ежели можно,
Что за кушанье прежде всего успокоило ваши желудки?

ФУНДАНІЙ.

Вепрь луканійскій, при южномъ, но легкомъ, поймáнный вѣтрѣ: [4]
Такъ намъ хозяинъ сказалъ.—Вокругъ же на блюдѣ лежали

Рѣпа, радисъ и латукъ, все, что позывъ къ ѣдѣ возбуждаетъ; [5]
Сахарный корень и сельди, съ подливкой изъ винныхъ поддонковъ. [6]
Только что снятъ былъ кабанъ, высоко́ подпоясанный малый
Столъ изъ кленоваго дерева лоскутомъ пурпурнымъ вытеръ; [7]
А другой подобралъ все ненужное, все, что могло бы
Быть непріятно гостямъ!—Потомъ, какъ аонская дѣва
Со святыней Цереры, вступилъ мѣдлолицый гидаспецъ
Съ ношей цекубскаго; слѣдомъ за нимъ грекъ явился съ хіосскимъ,
Непричастнымъ морей! [8] — Тутъ хозяинъ сказалъ Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь!»

ГОРАЦІЙ.

Жалкое чванство богатства!—Однакожь скажи мнѣ, Фунданій,
Прежде всего: кто были съ тобою тутъ прочіе гости?

ФУНДАНІЙ.

Верхнимъ былъ я; Вискъ подлѣ меня; а съ нами же, ниже,
Помнится, Варій; Сервилій Бала́тронъ съ Випидіемъ, оба
Были, какъ тѣни: обоихъ привезъ Меценатъ ихъ съ собою!
Межь Номентана и Порція былъ самъ хозяинъ; [9] а Порцій
Очень насъ тѣмъ забавлялъ, что глоталъ пироги, не жевавши! [10]
Номентанъ былъ нарочно за тѣмъ, чтобъ указывать пальцемъ
Что проглядятъ; а толпа, то есть мы—всѣ прочіе гости,
Рыбу, и устрицъ, и птицъ—не совсѣмъ различали по вкусу! [11]
Вкусъ ихъ совсѣмъ былъ не тотъ, какой мы всегда въ нихъ находимъ;
Что и открылось, когда онъ попотчивалъ насъ потрохами
Ромба и камбалы: я такихъ не отвѣдывалъ прежде! [12]
Далѣе —онъ объяснилъ намъ, что пигвы, снятыя съ вѣтвей

Въ первую четверть луны, бываютъ красны!—А причину
Самъ спроси у него!—Тутъ Випсидій сказалъ Балатрóну:
«Не напившися нáсмерть, мы право умремъ безъ отмщенья!» [15]
И спросили бокаловъ большихъ!—Поблѣднѣлъ нашъ хозяинъ!
Ничего не боялся онъ такъ, какъ гостей опьянѣлыхъ:
Или за тѣмъ, что въ рѣчахъ допускаютъ излишнюю вольность,
Или, что крѣпкія вины у лакомокъ вкусъ притупляютъ.
Вотъ Балатрóнъ и Випсидій, за ними и мы съ ихъ примѣра
Чаши наливши виномъ—вверхъ дномъ въ алифанскія кру́жки! [14]
Только на нижнемъ концѣ пощадили хозяина гости! [15]
Вотъ принесли намъ мурену, длиною въ огромное блюдо; [16]
Въ соусѣ плавали раки вокругъ.—Хозяинъ сказалъ намъ:
«Не метала еще! какъ помечетъ, становится хуже! [17]
А къ подливкѣ прибавлена часть венафрумскаго масла,
Первой выжимки; [18] взваръ же изъ сока рыбъ иберійскихъ, [19]
Съ пятилѣтнимъ виномъ; не заморскимъ однако. А впрочемъ
Если подбавить въ готовый отваръ, то хіосское лучше!
Тутъ же прибавлено бѣлаго перцу, и уксусъ, который
Выжатъ изъ гроздій Метимна однихъ и чистый заквашенъ! [20]
Зелень дикой горчицы варить—я выдумалъ первый;
Но морскаго ежа кипятить не промытымъ – Куртилій
Первый открылъ: такъ вкуснѣй, чѣмъ въ разсолѣ изъ че́репоко́жныхъ!»
Только что кончилъ онъ рѣчь, какъ вдругъ балдахинъ надъ гостями
Съ облакомъ пыли, какъ будто воздвигнутой сѣвернымъ вѣтромъ,
Съ трескомъ на блюда упалъ!—Мы, избавясь опасности, страха,
Справились вновь; но хозяинъ, потупивши голову, въ горѣ,
Плакалъ, какъ будто надъ сыномъ единственнымъ, въ дѣтствѣ умершемъ!
Какъ знать, когда бы онъ кончилъ, когдабъ мудрецомъ Номентаномъ

Не былъ утѣшенъ онъ такъ: «О Фортуна! кто изъ безсмертныхъ
Къ смертнымъ жесточе тебя! Ты рада играть человѣкомъ!»
Варій отъ смѣха чуть могъ удержаться, закрывшись салфеткой!
А Балáтронъ, всегдашній насмѣшникъ, воскликнулъ: «таковъ ужь
Жребій всѣхъ человѣковъ; такая судьба ихъ, что слава
Никогда ихъ трудовъ не заплатитъ достойной наградой!
Сколько ты мучился, сколько заботъ перенесъ, безпокойства,
Чтобъ меня угостить!—Хлопоталъ, чтобъ былъ хлѣбъ безъ подгару,
Чтобъ подливки приправлены были и въ мѣру, и вкусно,
Чтобы слу́ги прилично и чисто всѣ были одѣты!
Случай—и все ни во что! Вдругъ, какъ на́смѣхъ, обрушится сверху
Твой балдахинъ; или конюхъ споткнется—и въ дребезги блюдо! [21]
Но угоститель, равно какъ иной полководецъ великій
Въ счастіи былъ не замѣченъ, а въ бѣдствіи вдругъ познается!»
—«О! да исполнятъ же боги тебѣ всѣ желанія сердца,
Мужъ добродѣтельный! добрый товарищъ!» Такъ съ чувствомъ воскликнулъ
Назидіенъ, и надѣвши сандаліи, тотчасъ же вышелъ. [22]
Гости межь тѣмъ, улыбаясь, ме́жду собою шептали
На́-ухо; только на ложахъ и слышанъ былъ тайный ихъ шопотъ!

ГОРАЦІЙ.

Никакого бы зрѣлища такъ не хотѣлось мнѣ видѣть!
Ну, чему же потомъ вы еще посмѣялись?

ФУНДАНІЙ.

Вибидій
Грустно служителямъ сдѣлалъ вопросъ: «не разбиты ль кувшины,
Потому что бокалы гостей... стоятъ не нали́ты?»

Ме́жду тѣмъ какъ смѣялись, чему помогалъ и Бала́тронъ,
Снова вступаетъ Назидіе́нъ, но съ лицемъ ужъ веселымъ,
Точно какъ будто искуствомъ готовъ побѣдить онъ Фортуну!
Слѣдомъ за нимъ принесли журавля; на блюдѣ глубокомъ
Рознятъ онъ былъ на куски, и посыпанъ мукою и солью!
Подали потрохи бѣлаго гуся, съ начинкой изъ свѣжихъ
Фигъ, [23] и плечики зайца: они превосходнѣе спинки!
Вскорѣ увидѣли мы и дроздовъ, подгорѣлыхъ немножко;
И голубей безъ задковъ. [24] — Претонкія лакомства вкуса,
Еслибы пира хозяинъ о каждомъ кушаньѣ порознь
Намъ не разсказывалъ все: и натуру, и дѣло искуства;
Такъ что мы ихъ и не ѣли, какъ будто, дохнувши на блюда,
Вѣдьма Канидія ихъ заразила змѣинымъ дыханьемъ! [25]

2 Февр. 1853.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КН. 2. САТ. 8.

—

1) Ст. 1. *Назидіенъ Руфъ*. О немъ, кромѣ имени ничего неизвѣстно.

2) Ст. 3. Пиръ, начатый съ половины дня показываетъ уже нѣкоторое своевольство пиршества; потому что римляне не садились за столъ такъ рано. Надобно замѣтить однако, что это не нашъ полдень, считая начало сутокъ съ полуночи; а половина дня съ восхожденія солнца до заката: слѣдовательно гораздо позже нашего полдня.

3) Ст. 4. *Фунданій* былъ лучшій комическій поэтъ того времени, и большой насмѣшникъ. И потому Горацій не безъ намѣренія заставляетъ разсказывать здѣсь Фунданія. Объ немъ же говорится сат. 10 ст. 20. Нѣкоторые въ словахъ Фунданія, что онъ «лучше этаго ужина никогда не видывалъ,» находятъ противорѣчіе съ послѣдующимъ разсказомъ; но очевидно, что эти слова—иронія.

4) Ст. 6. Сильный южный вѣтеръ портилъ мясо дичины. Вѣроятно кабанъ былъ испорченъ и протухъ. Этими словами: «при южномъ, но легкомъ, пойманный вѣтрѣ,» хозяинъ пира хочетъ увѣрить, что кабанъ свѣжъ, потому что вѣтеръ былъ очень слабъ, когда онъ былъ пойманъ.

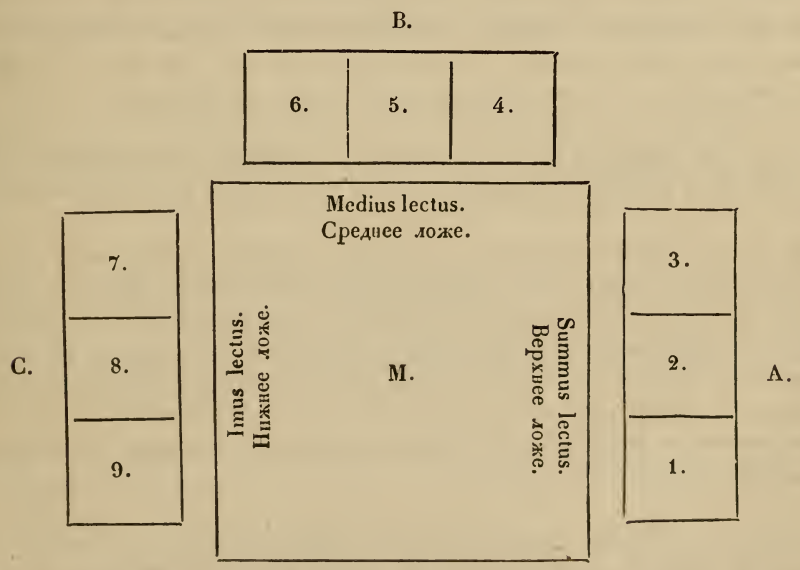
5) Ст. 8. Когда подавали на столъ кабана, края блюда обкладывались обыкновенно яблоками. Но Назидіену казалось этаго недовольно. Онъ обложилъ его пряными и возбуждающими апетитъ овощами.

6) Ст. 9. Эта подливка состояла изъ разсола, смѣшаннаго съ поддонками косскаго вина. (См. примѣч. къ ст. 75 сат. 4 этой же книги).

7) Ст. 11. Высоко подпоясанный, или съ туникою высоко поддернутою поясомъ. Почему замѣтилъ это Фунданій, для насъ непонятно; ибо мы не знаемъ всѣхъ мелочей въ обычаяхъ римлянъ. Но столъ изъ кленоваго дерева значитъ самый простой; а между тѣмъ вытираютъ его пурпуромъ: это показываетъ чванство хозяина, которое выставляется еще сильнѣе въ противоположностяхъ.

8) Ст. 16. Это толкуютъ двумя различными способами. Одни думаютъ, что выраженіе: «непричастнымъ морей,» vinum maris expers, значитъ, что Назидіенъ выдавалъ свое домашнее вино за хіосское. Извѣстно, что Хіосъ есть островъ; слѣдовательно вино изъ Хіоса должно быть перевезено черезъ море. Другіе полагаютъ, что здѣсь говорится о чистомъ хіосскомъ винѣ, безъ примѣси морской воды. Римляне разбавляли морскою водою всѣ греческія вины, чтобы отнять у нихъ крѣпость и нѣкоторую жесткость вкуса. Одни больные, или слабые здоровьемъ употребляли ихъ безъ примѣси воды.

9) Ст. 20—23. Чтобы правильно понять описываемый здѣсь порядокъ пирующихъ, нужно составить себѣ ясное понятіе о триклиніумѣ древнихъ, какъ оказывается это изъ многихъ памятниковъ. Триклиній состоялъ изъ стола, окруженнаго съ трехъ сторонъ мягкими скамьями, которыя мы называемъ *ложе*, съ мягкими же подушками, обращенными къ столу. Четвертая сторона оставалась свободною, дабы слуги, подающіе кушанья, могли подходить къ столу, не безпокоя возлежащихъ гостей. Длина стола и подушекъ соотвѣтствовала числу обѣдающихъ, которыхъ, по свидѣтельству Авла Геллія, (Noct. Att. XIII 2) обыкновенно было не менѣе трехъ, и неболѣе девяти. Назидіенъ пригласилъ восемь человѣкъ, самъ хозяинъ былъ девятый. И такъ съ каждой стороны стола было три ложа и три подушки, для трехъ человѣкъ. Порядокъ ихъ представляетъ слѣдующую фигуру, которая извлечена Виландомъ изъ комментарія Сомеза на Солина.



M. означаетъ четвероугольный столъ. A. верхнее ложе, B. среднее, C. нижнее. Первые два ряда были для гостей; третій для хозяина и его домашнихъ собесѣдниковъ. На первомъ были: 1. *Фунданій*—(summus ego, *верхнимъ былъ я.*) 2. *Вискъ*—(prope me Viscus Thurinus, *Вискъ подлѣ меня*). 3. *Варій*—(infra, si memini, Varius, съ нами же *ниже меня, помнится, Варій*). На другомъ, или на среднемъ

ложѣ: 4. *Сервилій Балатронъ*; 5. *Вибидій*—(cum Servilio Balatro Vibidius, *Сервилій Балатронъ съ Вибидіемъ*). 6. *Меценатъ*. На третьемъ, или нижнемъ ложѣ были 7. *Номентанъ*; 8. *Назидіенъ*—(Nomentanus erat super ipsum. *Номентанъ былъ выше его.*) 9. *Порцій*—(Porcius infra, *Порцій ниже*). Таковъ былъ порядокъ, въ которомъ сидѣли пирующіе.

Фунданій, *Вискъ*, *Туринусъ* и *Варій* — были приглашены Назидіеномъ, какъ люди, которыхъ общество любилъ Меценатъ. *Сервилій Балатронъ* и *Вибидій* были, кажется, два очень тонкіе *скурры*, (забавники, шуты), которыхъ привезъ съ собою Меценатъ, опасаясь скуки длиннаго угощенія. Они названы, въ стихѣ 22, тѣнями, потому что они не были приглашены хозяиномъ, а находились въ свитѣ Мецената. Такъ назывались у римлянъ тѣ, которыхъ приглашенный гость привозилъ съ собою непріглашенныхъ.

Санадонъ полагаетъ мѣсто Мецената между обоими этими шутами; но это ошибочно: ибо, по свидѣтельству древнихъ, шестое мѣсто почиталось самымъ почетнымъ, или даже консульскимъ

10) Ст. 24. *Номентанъ* и *Порцій* были два забавника самого хозяина, Назидіена. Номентанъ—извѣстный расточитель, о которомъ упоминается во многихъ мѣстахъ сатиръ Горація.

11) Ст. 27. Это, или насмѣшка надъ Номентаномъ, который указывалъ гостямъ кушанья, какъ будто они сами не умѣли различить ихъ; или знакъ, что кушанья были такъ дурны, что гости дѣйствительно не могли ихъ различать.

12) Ст. 30. Относится къ той же насмѣшкѣ. Выраженіе: «не отвѣдывалъ прежде» —можетъ быть принято тоже двусмысленно, и въ хорошую и въ дурную сторону.

13) Ст. 34. Смыслъ этаго стиха и выраженія: moriemur inulti, «умремъ безъ отмщенья»—довольно теменъ. Его объясняютъ толкователи такимъ образомъ: такъ какъ хозяинъ кормитъ насъ на смерть, или такъ какъ онъ отравляетъ насъ дурными кушаньями: то отмстимъ ему за нашу смерть, выпивши у него все вино. По понятіямъ древнихъ—не отмстить за насильственную смерть почиталось большимъ бѣдствіемъ. О выраженіи Горація: nisi damnose bibimus, замѣчаетъ Габерфельдъ, что оно соотвѣтствуетъ нѣмецкому: mörderisch trinken; слѣдовательно и поруски можно перевести выраженіемъ: «мертвецки напиться.»

14) Ст. 40. Alliphana назывались большія глиняныя кружки, или кувшины, которые изготовлялись въ самнитскомъ городѣ Аллифѣ, и отъ того получили свое названіе. Изъ нихъ переливалось вино въ небольшія бутылки; а изъ этихъ наливали уже въ чаши. Когда опрастывались аллифанскіе кувшины, или кружки, ихъ обыкновенно опрокидывали вверхъ дномъ. Этимъ выраженіемъ Фунданій хочетъ означить, что гости выпили все вино, поданное хозяиномъ.

15) Ст. 41. На нижнемъ концѣ стола пили менѣе, потому что тамъ сидѣлъ самъ Назидіенъ и два его паразита.

16) Ст. 42. Мурена—родъ морскаго угря, или вьюна—достигаетъ до весьма большой величины. Мурены были лакомы до человѣческаго мяса. Извѣстно, что римляне нерѣдко откармливали ихъ, бросая въ садки живыхъ рабовъ своихъ. «Великій народъ!» говоритъ исторія.

17) Ст. 44. Мурену дѣйствительно пренебрегали римляне, когда она была икряная, или уже пометала. Нѣкоторые замѣчаютъ, что это мнѣніе происходило отъ предубѣжденія римлянъ, будто мурены совокупляются со змѣями.

18) Ст. 46. Venafrum, городокъ въ сѣверовосточной части Кампаніи, окруженный богатыми масличными, или оливковыми лѣсами. Изъ ихъ оливокъ получалось превосходное масло; лучшее же было то, которое выходило первое изъ подъ пресса.

19) Ст. 46. Взваръ, или разсолъ—garum—получался собственно изъ внутренностей рыбъ, называемыхъ gari.

20) Ст. 50. *Метимна*—городъ въ западной части острова Лесбоса. Виноградники, бывшіе къ сѣверу отъ этаго города, были въ большой славѣ.

21) Ст. 71. Это значитъ, что хозяинъ, дабы имѣть больше слугъ, и тѣмъ показать свою пышность, употреблялъ на услугу и конюховъ, переодѣтыхъ комнатными слугами.

22) Ст. 76. Когда римляне шли къ столу, они надѣвали сандаліи, (родъ туфлей); но когда ложились на застольное ложе, тогда и ихъ снимали и оставляли на полу. Вставая же изъ за стола опять ихъ надѣвали. Горацій не говоритъ, что Назидіенъ вышелъ; а просто soleas poscit, «спросилъ сандаліи:» что и значитъ, что онъ вышелъ.

23) Ст. 89. Римляне любили гусиную печенку, и для того особенно откармливали гусей фигами; но и изъ этихъ еще предпочитали тѣхъ, которые были кормлены свѣжими фигами, а не сухими. Бѣлые гуси предпочитались прочимъ. (Варр. гл. X кн. 3). А такъ какъ откармливаніе гуся свѣжими фигами стоило дорого, то Назидіенъ подалъ гусиные потроха, просто начиненные фигами.

24) Ст. 91. Задняя часть голубей почиталась лучшею. Неизвѣстно по какой причинѣ Назидіенъ подалъ ихъ безъ задковъ. Вѣроятно, говоритъ Дасье, голуби были попорчены.

25) Ст. 95. Объ этой *Канидіи* см. кн. 1 сат. 8 примѣч. 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Отъ переводчика V

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сат. 1 Противъ любостяжанія. 3
— 2. (Отрывокъ). 11
— 3. Противъ осуждающихъ чужіе недостатки. 17
— 4. Въ защиту сатиры 29
— 5. Поѣздка въ Брундузіумъ. 42
— 6 О благородствѣ 56
— 7. Тяжба 71
— 8. Эсквилійскія волшебницы 76
— 9. Встрѣча. 81
— 10. Противъ Луцилія 89

КНИГА ВТОРАЯ.

Сат. 1. Совѣщаніе 103
— 2. Объ умѣренности 112
— 3. Стопки 123
— 4. Искуство пиршествъ 151
— 5. Искатели наслѣдствъ 159
— 6. Похвала сельской жизни. 167
— 7. Наставленія отъ раба 175
— 8. Ужинъ. 183

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано.	*Читай.*
Стран.	9	строка	41	Визслія	Визелія
—	10	—	23	serinia	scrinia
—	»	—	32	нс одинъ	не одинъ
—	25	—	23	опъ	онъ
—	28	—	7	Домиціанн	Домиціанъ
—	30	—	26	что кто».	что кто,
—	43	—	25	для насъ.	для насъ,
—	44	—	22	Циклопа., ...	Циклопа,
—	48	—	11	(*Въ исчисленіи географ.миль*:) Гнація 7²	Гнація $7^2/_3$
—	52	—	8	которымъ нравится .	которымъ желаетъ нравиться.
—	56	—	3	Нѣтъ Меценатъ .	Нѣтъ, Меценатъ,
—	60	—	10	Тебѣ знаменитый сенаторъ!	Тебѣ, знаменитый сенаторъ!
—	63	—	20	(plebs)	(plebs,)
—	»	—	27	libertini.	libertini,
—	68	—	20	«что онъ такое . .	«что онъ такое,»
—	72	—	19	ты, который съ царями, ...	ты, который съ царями
—	77	—	26	(*Въ началѣ стиха пропущена цифра* 40).	
—	79	—	6	част ьэтой	часть этой
—	92	—	20	Деметрій, съ Тигелліемъ	Деметрій съ Тигелліемъ
—	105	—	14	или Аппулеецъ .	иль Аппулеецъ
—	109	—	27	признакъ	признакъ
—	113	—	21	но части!	на части!
—	140	—	16	Цицеропъ.	Цицеронъ
—	153	—	21	прилагаетъ заботу;	прилагаетъ заботу,
—	»	—	26	Если жь	Еслижь
—	172	—	12	счастливыс.	счастливые
—	173	—	14	Putcas	Puteal

FEB 1 1 35

Антикварная
книжная торговля
В. И. Клочкова.
СПБ
Литейный пр.
55.

ПРОДАЕТСЯ

въ Книжныхъ Магазинахъ:

Ѳ. О. СВѢШНИКОВА, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ университетской типографіи.

И. В. БАЗУНОВА, тамъ же, въ домѣ Загряжскаго.

Н. М. ЩЕПКИНА и К°, на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.

Цѣна 1 р. 75 коп., съ перес. 2 р.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

Наука Поэзіи, Посланіе къ Пизонамъ Квинта Горація Флакка, переводъ въ стихахъ *М. Дмитріева.*

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 коп.

Московскія Элегіи, *М. Дмитріева.*

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 093 525 1